

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

---

¹ 3 (32)
2012

Саратов

Научный журнал

**Учредитель
Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина***

Главный редактор – профессор **Д.Ф. Аяцков**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **С.Г. Сергеев**

Редакционный совет:

Д.Ф. Аяцков – председатель (доктор исторических наук, профессор, директор) ,
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе) ,
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области) ,
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области) ,
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области) ,
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области) ,
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области) ,
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук; **О.А. Лиценбергер**, д-р ист. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **Т.Н. Митрохина**, д-р полит. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Н.В. Тельтевская, д-р пед. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук; **В.В. Чернышев**, канд. социол. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС77-35069 от 23 января 2009 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – июнь 2011 г.) , в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

* На основании Указа Президента РФ от 20.09.2010 г. № 1140, распоряжения Правительства РФ от 23.09.2010 г. № 1562-р (в ред. распоряжения Правительства РФ от 27.12.2010 г. № 2387-р) , постановления Правительства РФ от 12.05.2012 г. № 473 ФГОУ ВПО «ПАГС» реорганизовано в форме присоединения к ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС) с созданием Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС.

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2012

---

¹ 3(32)
2012

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE

Science journal

Founder:

*Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin*

Editor-in-chief: Professor *D.F. Ayatskov*
Deputy editor-in-chief: Professor *O.N. Fomin*
Executive secretary: *S.G. Sergeev*

Editorial council:

D.F. Ayatskov – Chairman (Doctor of History, Professor, Director) ,
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District) ,
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region) ,
N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region) ,
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region) ,
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region) ,
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region) ,
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

*V.V. Gerasimova, Doctor of Sciences (Economics) ; L.V. Konstantinova,
Doctor of Sciences (Sociology) ; E.G. Lipatov, Doctor of Sciences (Law) ;
O.A. Litsenberger Doctor of Sciences (History) ;
E.V. Maslennikova, Candidate of Sciences (Sociology) ;
T.N. Mitrokhina, Doctor of Sciences (Politics) ;
A.V. Ryazanov, Doctor of Sciences (Philosophy) ;
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sciences (Sociology) ;
N.V. Teltevsckaya, Doctor of Sciences (Pedagogies) ;
O.I. Tsybulevskaya, Doctor of Sciences (Law) ;
T.I. Chernyaeva, Doctor of Sciences (Sociology) ;
V.V. Chernyshev, Candidate of Sciences (Sociology) ;
V.L. Chepliaev, Candidate of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Management, 2012

ПОДГОТОВКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ И ПАРТИЙНЫХ КАДРОВ В САРАТОВЕ: от Комвуза до Президентской академии

14 декабря 2012 года Поволжскому институту управления имени П.А. Столыпина исполняется 90 лет. Свое летоисчисление институт ведет с 1922 года, когда в Саратове был открыт Комвуз. На учебу в новый университет направлялись руководящие работники Саратовской, Симбирской, Самарской, Царицынской, Астраханской, Пензенской, Тамбовской областей и Республики Немцев Поволжья. С годами менялись названия вуза, его руководители, но оставались традиции качественной подготовки управленческих и партийных кадров для развития страны. Как и много лет назад, сегодня Поволжский институт управления

является ведущим образовательным учреждением в Поволжском регионе, осуществляющим подготовку, переподготовку и повышение квалификации государственных и муниципальных служащих.

В стенах института работают известные ученые, многие из которых приобрели мировую известность. В последние годы здесь активно ведется научная деятельность: плодотворно функционируют диссертационные советы по различным отраслям гуманитарной науки, подготовлено значительное число диссертаций на соискание ученой степени кандидатов и докторов наук. Студенты, аспиранты, доценты, профессора, научные сотрудники добиваются успехов в региональных, федеральных и международных конкурсах по политологии, информа-

тике, экономике, менеджменту, религиоведению, связям с общественностью и другим научным направлениям.

В связи с созданием единой системы подготовки профессиональных управленцев и государственных служащих – Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – перед научным сообществом страны открываются колоссальные возможности для новых достижений в области общественных и иных наук. Развитие вузовской науки на современном этапе – важная составляющая модернизации и процветания России.

Желаю опытным и начинающим исследователям, искренне преданным науке, успешного творческого поиска, ярких открытий и достижений на нелегком, но благородном профессиональном пути!

Студенты первого набора Комвуза, 28 мая 1924 г.
(ГАНИСО. ФК. Оп. 1. 717)

Первый выпуск магистрантов-политологов
Президентской академии, 9 августа 2012 г.

Главный редактор научного журнала
доктор исторических наук,
профессор

Д. Ф. Аяцков

L.V. Konstantinova
The Political Higher
Educational Institution:
the Special Status in Conditions
of Public Transformations

The system of managerial staff training on the basis of vocational education is studied. The special status of a political higher education institution in conditions of public transformations is defined.

Key words and word-combinations: higher education systems, managerial staff training, political higher education institutions.

Исследуется система подготовки управленческих кадров на основе профильного образования. Определяется особый статус политического вуза в условиях общественных трансформаций.

Ключевые слова и словосочетания: система высшего образования, подготовка управленческих кадров, политический вуз.

УДК 378
ББК 74.58

Л.В. Константинова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВУЗ: ОСОБЫЙ СТАТУС В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

История России последнего столетия свидетельствует о том, что в периоды общественных трансформаций резко повышается потребность в воспроизводстве управленческих кадров, управленческой элиты новой формации. В первой четверти XX в. это привело к необходимости создания принципиально новой системы вузов, имеющих особый политический статус и место в системе государственного управления. На них возлагалась миссия подготовки управленческих, руководящих кадров «под заказ» новой для того времени системы политической власти и управления. Данные вузы создавались в крупных культурных и образовательных центрах молодой советской России. Такое учебное заведение – Комвуз – было создано и в Саратове в 1922 г. В его состав вошли Саратовский областной коммунистический университет и Губпартшкола, а в качестве основной задачи определялась подготовка партийных

и советских работников, работников профдвижения, пропаганды и агитации, кооперативов, банковской сферы, советских юристов, журналистов, иными словами – специалистов, способных управлять и руководить политическими, социальными, экономическими процессами нового общественного строя, сформировавшегося в то время в России. Комвуз, переименованный в 1923 г. в Нижне-Волжский (Саратовский) коммунистический университет имени В.И. Ленина, обеспечивал подготовку управленческих кадров не только для Саратова, но и для целого ряда областей Поволжья. Таким образом, осуществлялось непосредственное включение данных вузов в политическую систему государства в качестве важных элементов, обеспечивающих реализацию кадровой политики. В советский период саратовский политический вуз, как элемент данной системы, неоднократно претерпевал определенные трансформации, но всегда оставался в рамках основного профиля. С 1970-х годов вуз в качестве Саратовской межобластной высшей партийной школы помимо политической подготовки начал подготовку специалистов для управления народным хозяйством, руководства развитием экономики и культуры, работы с населением.

Кардинальные реформы в России начала 1990-х годов привели к необходимости трансформации советской системы управленческих вузов, связанной с требованиями новой российской государственности и воссоздающейся рыночной экономики. В ответ на эту потребность в начале 1990-х годов на базе высших партийных школ была сформирована абсолютно новая система профильных управленческих вузов – российская и региональные академии государственной службы. Одним из ведущих региональных вузов стала Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина. По сути, была создана новая система профессиональной подготовки и дополнительного профессионального образования государственных служащих, которая определялась Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации», рядом указов Президента РФ, в частности Указом «О Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации и федеральных государственных образовательных учреждениях, осуществляющих обучение государственных служащих». Данная система за 20 лет существования продемонстрировала определенную эффективность. На региональном уровне она оказалась мобильна, хорошо адаптировалась к изменяющимся политическим и управленческим задачам, в ней был выстроен институциональный и содержательный каркас системы непрерывного образования государственных, муниципальных служащих, а также бизнес-менеджеров (многоуровневые программы подготовки и дополнительного образования).

Региональные академии государственной службы за два десятилетия своего функционирования сформировались как образовательные учреждения, играющие ведущую роль в подготовке высококвалифицированных кадров, востребованных в системе государственного и муниципального управления, общественно-политической сфере, управленческих структурах предприятий и организаций различных отраслей экономики. В области реализации программ высшего и дополнительного профессионального образования для государственного и муниципального управления доля академий на рынках образовательных услуг в

регионах и федеральных округах достигала 90%. Они стали основными исполнителями государственного и регионального заказов на профессиональную переподготовку и повышение квалификации государственных и муниципальных служащих в сфере дополнительного профессионального образования управленческих кадров на своих территориях. Таким образом, в обновленном качестве особый политический статус профильных управленческих вузов – академий государственной службы – в постсоветской России был сохранен. Академии государственной службы в субъектах РФ и в федеральных округах в той или иной степени оказались встроенными в систему региональной власти, обеспечивая их кадровый потенциал, научное, экспертное, аналитическое, консалтинговое сопровождение их деятельности.

Однако очередной этап общественной трансформации российского общества, выражающийся в ускоренной модернизации социально-экономической и политической систем, вновь актуализировал потребность в институциональных изменениях сферы подготовки управленцев под новые политические и управленческие задачи. Осуществление модернизации российского общества в целом и политического преобразования в частности требует превентивной модернизации политической элиты и бюрократии. Новые задачи связаны с повышением результативности и качества предоставления государственных и муниципальных услуг, формированием эффективной бюрократии, преодолением коррупции в органах власти. Решение данных задач возможно при условии создания единой системы воспроизводства, развития и непрерывного образования профессиональной управленческой элиты в стране и модернизации в области подготовки и дополнительного образования государственных и муниципальных служащих.

В связи с этим и в соответствии с Указом Президента РФ от 20 сентября 2010 г. № 1140 был образован новый уникальный управленческий вуз – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Президентская академия) , который объединил в одну систему ведущие управленческие образовательные учреждения России: Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации, Академию народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации и региональные академии государственной службы. Особое положение академии, как вуза политического, непосредственно осуществляющего образовательную, научную, экспертную и консалтинговую поддержку высших органов власти и органов власти регионального и муниципального уровня, был де-юре закреплен названным Указом.

В состав Президентской академии вошла и Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина в качестве Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. Саратовский политический вуз – от Комвуза до Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – в составе российской системы подготовки управленческих кадров прошел непростой путь становления, модернизации и развития, отвечая на запросы трансформирующейся российской власти и общества. Путь этот не был простым, а оптимальная и эффективная система подготовки управленческих кадров в России сегодня

ня еще не сложилась. В настоящее время осуществляется очередной этап ее трансформации. Поволжский институт управления находится в эпицентре этого процесса, являясь одним из ведущих управленческих вузов в Приволжском федеральном округе, Поволжье и России.

В современных условиях стратегические задачи Поволжского института управления имени П.А. Столыпина состоят в следующем:

- содействие устойчивому социально-экономическому развитию Поволжского региона через повышение качества человеческих ресурсов, удовлетворение потребности общества в компетентных специалистах, а личности – в профессиональном образовании и развитии;
- обеспечение многоуровневой и многопрофильной подготовки, переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров на основе интеграции фундаментального, междисциплинарного и практико-ориентированного обучения в интересах повышения эффективности управления во всех сферах;
- внедрение идеологии сотрудничества власти, бизнеса и общественных институтов через непрерывное и инновационное профессиональное развитие специалистов органов государственного и муниципального управления, бизнес-структур и институтов гражданского общества;
- обеспечение высокого уровня конкурентоспособности выпускников на современном рынке труда на основе стратегического партнерства с органами государственного и муниципального управления, предприятиями и организациями всех форм собственности;
- содействие интеграции российской высшей школы в мировое образовательное пространство посредством участия в международных интеграционных процессах в сфере высшего профессионального образования.

Стратегические цели развития института, основанные на понимании и укреплении его роли как центра влияния на социально-экономическое развитие Поволжского региона:

- укрепление позиций как ведущего инновационного образовательного и научно-аналитического центра в области подготовки управленческих кадров, развития теории и практики государственного и муниципального управления;
- формирование условий и механизмов интеграции в мировое образовательное пространство через расширение международного сотрудничества, развитие системы многоуровневой профессиональной подготовки, внедрение мировых стандартов качества образования;
- достижение высокой стабильности и адаптивности на рынках образовательных, консалтинговых, информационных услуг и научных исследований за счет гибкого реагирования на динамику потребностей работодателей, потребителей и заказчиков услуг.

К настоящему времени Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина сформировался как ведущий научно-образовательный комплекс Поволжского региона, ориентированный на удовлетворение образовательных потребностей в сфере профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров.

Поволжский институт управления сегодня – это инновационный вуз, вклю-

чающий шесть факультетов, центр дополнительного профессионального образования, системы довузовского и послевузовского образования, учебные, исследовательские, экспертные, консалтинговые центры.

В институте реализуются более 100 образовательных программ различного уровня управленческого, юридического, экономического, социально-политического профиля, обучаются 6,5 тысячи студентов, ежегодно около 5000 слушателей проходят профессиональную переподготовку и повышение квалификации. На 25 кафедрах работают около 400 преподавателей, 76% из них имеют ученую степень кандидата или доктора наук. В вузе действуют более 15 научно-исследовательских и инновационных образовательных структур.

Один из основных результатов деятельности института заключается в том, что в вузе выстроена устойчивая система непрерывного образования управленческих кадров, которая включает следующие элементы.

Во-первых, довузовская подготовка и профессиональная ориентация, направленная на воспитание мотивированных абитуриентов путем реализации проектов работы со школьниками и выпускниками сузов.

Во-вторых, подготовка по программам среднего профессионального образования, включающая практико-ориентированные программы, имеющие пролонгацию на сокращенные программы высшего образования.

В-третьих, подготовка по программам высшего профессионального образования специалистов и бакалавров на трех факультетах: государственного и муниципального управления, экономики и управления, политико-правового управления. Здесь главное – переход на новые образовательные программы в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами, где заложен компетентностный подход. На протяжении двух последних лет в институте проводилась серьезная работа по участию в разработке новых образовательных стандартов третьего поколения, в частности по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», и по проектированию новых образовательных программ. Основное отличие от предыдущих этапов заключалось в активном привлечении работодателей к данному процессу.

В-четвертых, новый элемент системы непрерывного образования, активное встраивание которого в систему происходит в настоящее время – подготовка магистров. В вузе уже реализуется 11 магистерских программ по шести направлениям подготовки, при этом перечень данных программ постоянно расширяется, что означает развитие основных перспектив для выхода на новый качественный уровень. Для придания этому процессу более серьезного статуса создан специализированный факультет магистратуры и аспирантуры. Сложность связана с тем, что в обществе, на рынке труда в целом и управленческих кадров в частности, не сформирована потребность именно в магистрах как профессионалах, имеющих особый уровень высшего образования, специалистах с определенным характером квалификаций и компетенций. В образовательных стандартах и программах преподаватели стараются самостоятельно дифференцировать квалификации и компетенции бакалавров и магистров, в результате образовательное сообщество опережает рынок труда, работодателей, от которых пока не поступает такого дифференцированного заказа. Профессиональных стандартов

и четких квалификационных требований в сфере управленческого труда еще нет. Это касается и должностей государственной службы (следует определить, какие должности могут занимать бакалавры, а какие – магистры) , поэтому у вуза очень серьезная миссия – своими образовательными программами, их содержанием, результатами, определенными в формируемых компетенциях, закладывать образ будущей системы распределения профессиональных квалификаций высшего образования по уровням для реальной управленческой практики.

Еще один важный элемент системы непрерывного образования Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – факультет второго высшего профессионального образования, подготовка на котором ведется по индивидуальным планам, выстроенным в зависимости от профиля предыдущего образования. Ежегодно на этом факультете выпускается порядка 200 человек. Отметим, что в настоящее время наблюдается высокий спрос на второе высшее образование управленческого профиля, так как управленческие, экономические, юридические компетенции для современного человека, ориентированного на карьеру, становятся базовыми и необходимыми, это мировая тенденция.

Один из основных элементов сложившейся в институте системы непрерывного образования как системы образования взрослых – дополнительное профессиональное образование (профессиональная подготовка, повышение квалификации, получение дополнительной профессиональной квалификации, стажировки) . В структуре института действует крупный Центр дополнительного профессионального образования, где реализуется несколько сотен образовательных программ по профилю вуза. Поволжский институт имеет многолетний опыт осуществления программ дополнительного профессионального образования, в том числе профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных гражданских служащих, выборных должностных лиц, муниципальных служащих органов местного самоуправления, специалистов различных организаций и учреждений. Только за 2007– 2011 гг. по данным программам прошли обучение 30 753 человека, в том числе 26 563 федеральных государственных гражданских и муниципальных служащих по 371 программе. 172 программы реализованы с использованием возможностей дистанционных образовательных технологий для более чем 7000 слушателей. Широкая региональная сеть Центра дополнительного профессионального образования Поволжского института управления охватывает более 80 субъектов РФ. Возможности современных информационно-коммуникационных технологий позволяют проводить видеоконференции, вебинары, использовать электронное учебно-методическое обеспечение. С 1998 г. в вузе реализуется Президентская программа подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации «Менеджер XXI века». С 2011 г. институт стал участником Президентской программы подготовки кадров в сфере образования и здравоохранения. Институт также является базовым вузом по реализации образовательной программы «Управление государственными и муниципальными заказами».

В настоящее время в активную стадию входит реформа дополнительного профессионального образования в России. Институт включен в данный про-

цесс, его сотрудники принимали активное участие в разработке и продвижении новых федеральных государственных требований к программам дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих.

Послевузовское образование, подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации – безусловно, важный элемент системы непрерывного образования. В институте имеется возможность обучения в аспирантуре по 20 специальностям и докторантуре и получения степени кандидата и доктора наук в диссертационных советах института.

В вузе предоставляется возможность дополнительных образовательных услуг по востребованным направлениям для студентов, слушателей и широкого круга потребителей, что также является элементом вузовской системы непрерывного образования. При этом, обучаясь по основным программам, студенты приобретают дополнительные профессиональные навыки, умения и квалификации. В институте действуют различные инновационно-образовательные центры, предоставляющие подобные образовательные услуги.

Система непрерывного образования, сложившаяся и действующая в институте, представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных и последовательно реализуемых образовательных программ и присваиваемых квалификаций, обеспечивающих профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации управленческих кадров на протяжении всей карьеры и профессионального развития, на протяжении всей жизни.

Специфика системы непрерывного образования Поволжского института управления заключается в том, что доля и масштаб образовательной деятельности по программам высшего профессионального образования молодых людей и различным формам образования взрослых равны и значимость их одинаково высока. Более того, конкурентоспособность всех реализуемых образовательных программ обеспечивается как раз за счет совмещения базового (основного) и дополнительного образования. Именно такое совмещение позволяет формировать в институте сильный преподавательский состав, специализирующийся на актуальных проблемах управления в целом и государственного и муниципального управления в частности. Обучение в рамках программ второго высшего, дополнительного профессионального образования управленческих кадров, взрослого контингента специалистов и руководителей требует от преподавателей постоянного совершенствования содержания и методов обучения. В результате – более квалифицированные кадры преподавателей, обучающихся по программам высшего профессионального образования, которые работают со студентами на основе актуального практико-ориентированного материала и с использованием современных образовательных технологий. Таким образом действует эффект взаимосоуплотнения, что обеспечивает лидерство вуза в программах и конкурентоспособность выпускников. Следовательно, сложившаяся система непрерывного образования, включающая все уровни профессионального образования, – это основное условие для интеграции теории и практики в учебном процессе и обеспечения качества программ.

Содержательным отличием реализуемых образовательных программ является практическая интеграция образовательной деятельности, научных исследова-

ний, консалтинговых услуг, осуществляемых институтом, с реальной деятельностью органов государственного и муниципального управления субъектов Российской Федерации. Участие специалистов вуза в работе консультационных, методических, экспертных и аттестационных структур, создаваемых органами власти в регионах, специалистов в разработке целевых программ и законопроектов в сфере государственного и муниципального управления, реализации программ реформирования государственного управления и местного самоуправления создает возможности реального влияния на социально-экономические процессы в регионе, межрегиональное взаимодействие и обмен опытом.

Несомненным преимуществом института является то, что он располагает высококвалифицированным профессорско-преподавательским корпусом, совмещающим педагогическую деятельность с научно-исследовательской, экспертной, аналитической, консалтинговой, практической работой в области государственного и муниципального управления. Среди ведущих профессоров и доцентов эксперты международного, российского, окружного, регионального уровня по вопросам административной реформы, реформы государственной службы и местного самоуправления, кадровой политики, стратегического планирования развития регионов, социальной и молодежной политики, политического анализа и прогнозирования, оценки качества профессионального образования.

В связи с созданием Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации как беспрецедентной по масштабам и территориальной распределенности образовательной корпорации развитие системы непрерывного образования становится достаточно приоритетным. Серьезная база для этого в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина создана. Сегодня актуально объединение образовательного потенциала всех вошедших в состав РАНХиГС вузов, формирование общего образовательного пространства, создание реально функционирующей территориально распределенной образовательной сети для повышения качества образовательных услуг, конкурентоспособности Президентской академии в целом и обеспечения ее лидирующих позиций в сфере управленческого образования как ведущего политического вуза страны.

**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ,
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

G.M. Ivashchenko
On the Interests Conflicts
in the Contemporary Social-
Managerial Situation

The correlation between the Russian society and the modern management is studied. The special attention is paid to the actually existing conflicts of interests representing the domain of the problem.

Key words and word-combinations: social management, conflict of interests, the contemporary social situation, management as an attribute of social systems, management processes.

Исследуется взаимосвязь между российским обществом и современным управлением. Особое внимание уделяется существующим в реальности конфликтам интересов, представляющим предметную сторону проблемы.

Ключевые слова и словосочетания: социальное управление, конфликт интересов, современная социальная ситуация, управление как атрибут социальных систем, управленческий процесс.

УДК 316
ББК 60.833

Г.М. Иващенко

**О КОНФЛИКТАХ
ИНТЕРЕСОВ
В СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИАЛЬНО-
УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ**

В Российской Федерации стала актуальной общественная проблема, порождаемая неоднозначным ходом управления социальными объектами. С одной стороны, ее содержание определяется в основном слабыми результатами управления, зачастую не удовлетворяющими в полной мере общественные потребности; с другой – множественностью субъектов, которые исполняют его профессионально, но не всегда характеризуются высоким уровнем профессиональной компетенции и высоких моральных качеств.

В целом обозначенная проблема сводится к вопросу о причинах, качественно и количественно определяющих результаты осуществляемого управления. Предполагается, что такие причины, выраженные многообразными конфликтами интересов, следует искать в фундаментальной структуре управления, вы-

ступающего в значении атрибута социальных систем. Влияние же разнообразных факторов социальной среды на управленческие решения и процессы дополнительно меняет соотношение пользы и вреда в итогах управления, но управленческие тенденции являются общими для всех социальных систем, расположенных в границах российского общества. На наш взгляд, представляется важным рассмотреть часть противоречий, составляющих данную проблему и раскрывающих противостояние интересов между субъектами российского общества.

Противостояние интересов способно проявляться в управленческих взаимосвязях на любых уровнях (федеральном, региональном, муниципальном, организационном) и в любых сферах общественной жизни. Обычно оно встречается там, где управленческие решения носят массовый характер, а связанные с ними процессы реализуются в рамках любых социальных общностей. Это объясняется большим количеством участников и, соответственно, разнообразием их несопадающих интересов. Отсутствие или недостаточное внимание со стороны субъектов управления к противостоянию интересов способно усиливать его до уровня масштабных социальных конфликтов, обуславливать возникновение новых острых ситуаций и снижать степень общественной полезности управления.

Конфликты интересов, которые выражают предметную зону любой исследовательской проблемы [1, с. 166– 168; 2, с. 66– 88; 3, с. 59], в данном случае способны проникать в разные части социального и управленческого пространства и проявляться в разных формах и содержании. При этом, исходя из содержания проблемы, можно выделить определенные *зоны противостояния интересов*.

Для обоснования содержания конфликтов интересов обратимся к результатам авторского социологического исследования, проведенного в Республике Башкортостан в 2010– 2011 гг. методом анкетного опроса по репрезентативной выборке, составившей 402 респондента среди государственных и муниципальных служащих, управляющих и служащих частных фирм, предпринимателей и бизнесменов. При формировании выборочной совокупности учитывались половозрастные характеристики, уровень образования, социальное положение, достигнутый статус. Генеральную совокупность составило трудоспособное, экономически активное население крупных, средних, малых городов; с образованием выше среднего (полного) общего; мужского и женского пола; в возрасте от 20 до 50 лет и старше; активно участвующее в процессах принятия и разработки разноплановых управленческих решений.

Учитывая, что Башкортостан представляет собой развитой в социально-экономическом плане типичный регион, результаты исследования могут быть экстраполированы в определенной мере на российскую ситуацию в целом.

Итоги выполненного социологического опроса показали достаточно полную картину состояния современного управления.

Первой зоной является пространство управленческого взаимодействия в обществе в целом. Содержание конфликта здесь составляют факты противоречий между удовлетворенными потребностями одной части субъектов управления и неудовлетворенными – другой. Они возникают в ходе управления и выражаются в низкой оценке участниками его результатов.

Явно неудовлетворительно итоги управления оценивают 30% респондентов.

Еще 30% опрошенных считают управление эффективным наполовину, не определяя однозначно его позитивные и негативные результаты. В целом неудовлетворенность общества современным положением дел составляет 78%.

В дополнение к неудовлетворенности общества качеством управления, сегодня наблюдается развал социальных институтов, что как свидетельство слабой управляемости привело к целому ряду негативных последствий. Данная ситуация отражается в ряде примеров.

По результатам опроса, к наиболее значимым из таких последствий неэффективного управления в России, привлекающим внимание респондентов, относятся следующие:

плохое качество жизни – 26,7%;

нарушения общественного порядка – 11,2%;

низкий уровень морально-психологической удовлетворенности населения – 19,2%;

конфликтная социальная среда – 14,7%;

обогащение отдельных групп как показатель экономического роста российского общества – 15,4%;

ухудшение социальных условий жизни одних групп населения как фактор повышения доходов других групп – 9%;

другие ответы – 0,5%.

Результаты исследований, проведенных другими учеными, также отражают негативные итоги управления в современной России. Одним из них представляется замена приоритетов в формах семейных отношений, в структурном составе семей, что, определяя кризис института брака, выражается в повышении доли бездетных пар, неполных семей, вытеснении законного брака сожительством [4, с. 90].

Другим примером выступает то, что в силу кризиса социальных институтов многие виды отношений в обществе, ранее социально одобряемые, теперь не воспринимаются как обязательные, позитивные, образцовые. Напротив, другие явления – проституция, наркотизм, беспризорность, безнадзорность, получив широкое распространение, принимают значение социально приемлемых [5, с. 32– 33, 40], чему способствуют современные правовые нормы. Так, владение наркотиками в небольшом количестве «для себя» уже не рассматривается как серьезное нарушение, оно «оказалось фактически легализованным» [6, с. 22– 23]. Фактически произошла легализация проституции. Не исключено, что со временем эти и подобные им асоциальные явления могут быть узаконены, а соответствующие социальные отношения окажутся институционально закрепленными.

В современных условиях в российском обществе целый отряд управленцев – социальная группа политической или управленческой элиты – занимаются управлением профессионально. С одной стороны, в социальной структуре России это группа входит в небольшой по составу, но высокодоходный первый полюс; с другой – является составной частью всех социальных групп многочисленного второго полюса [7, с. 193]. Целью профессиональной деятельности субъектов-управленцев представляется удовлетворение широкого круга общественных потребностей, упорядочивание социальных отношений, сглаживание разного рода

социальных конфликтов, придание социуму равновесного состояния. Однако, по данным аналитического центра ИСПИ РАН, «в обществе не осталось ни одного социального, политического института, к деятельности которого большинство населения испытывало бы доверие ... большинство важнейших экономических, политических решений не находит поддержки и понимания у населения» [8, с. 402, 406]. Таким образом, ход и результаты управления оказываются низкого качества.

Ситуацию в современном российском обществе можно охарактеризовать рядом значимых оппозиций:

- с одной стороны, отмечается множественность субъектов управления; с другой – итоги их труда не всегда удовлетворительны, что отчасти выражается в распространении асоциальных тенденций;

- с одной стороны, осуществляются реформы; с другой – их результатом становится деградация человека и общества [8];

- с одной стороны, реализуется множество целевых федеральных и региональных программ социального развития [9– 14]; с другой – они не всегда способны обеспечить устойчивость систем жизнеобеспечения общества и удовлетворить в полной мере общественные потребности в социально чувствительных сферах образования и науки, медицины и здравоохранения, труда и занятости, жилищно-коммунального хозяйства и социального обслуживания;

- с одной стороны, проводится профилактика и ведется борьба с асоциальными явлениями – проституцией, наркотизмом, пьянством, бродяжничеством, тунеядством; с другой стороны, наблюдается их повсеместное распространение [8; 15, с. 322– 326];

- с одной стороны, имеется множество законов и программ, нацеленных на развитие молодежи [16]; с другой – молодежь не становится социальной основой системных преобразований, поскольку в значительной своей части участвует в асоциальных явлениях – пьянстве, наркотизме, преступности [17], а имеющийся у нее позитивный потенциал зачастую остается невостребованным;

- с одной стороны, в обществе имеются необходимые предпосылки для его консолидации и стабилизации социально-политической ситуации; с другой стороны, существует проблема поляризации населения по имущественному, территориальному, отраслевому, этническому признакам, стимулирующая социальную напряженность и противостояние социальных групп [8, с. 410];

- с одной стороны, постоянно предпринимаются попытки реформирования системы государственного управления, необходимость чего очевидна даже ее ключевым субъектам [18]; с другой – сохраняется проблема распространения правового нигилизма и криминализации общественных отношений, способствующая продолжению деградации правовой культуры в том случае, «если складывающаяся правовая система не будет отражать традиционные ценности российского менталитета, станет отчуждаться массовым сознанием» [8, с. 409].

Исследуемая проблема во многом связана с необходимостью теоретического осмысления последствий социальных преобразований [19, с. 11– 62], которые в сфере управления раскрываются в многообразии устанавливаемых и реализуемых в современном российском обществе управленческих практик и соответ-

ствующих им отношений разного масштаба и направлений. Количество и качество этих управленческих конструкций, проявляясь во всех без исключения формах социальной жизни, настолько многозначно, что позволяет говорить об атрибутивной принадлежности управления социальным системам.

Второй зоной конфликта интересов выступает пространство управления. Его содержание определяется наличием противоречий между значениями этого явления для каждого участника единого управленческого процесса. Именно они в итоге влияют на уровень удовлетворенности или неудовлетворенности субъектов реализуемым процессом. Иллюстрацией к неоднозначным итогам реализуемого социального управления представляются факты его положительных и отрицательных оценок.

Согласно полученным данным *положительные результаты* управления представляются респондентам в следующих ситуациях:

- *в удовлетворении их личных потребностей* – 67,87%;

в том числе: в повышении уровня доходов – 16,9%; в расширении правовых свобод – 16,06%; в получении большей независимости и свободы – 19,4%; в повышении интереса к жизни – 15,51%;

- *в удовлетворении общественных потребностей* – 12,46%;

- *в удовлетворении потребностей в управлении* – 16,89%;

в том числе: в более внимательном отношении со стороны сотрудников правоохранительных органов – 7,48%; в более внимательном отношении со стороны властей – 9,42%;

- *не задумывался* – 1,85%;

- *нет ответа* – 0,92%.

В свою очередь, *негативные результаты* управления видятся респондентам в следующих фактах:

- *в слабой организации системы управления* – 24,72%;

- *в неудовлетворенности общественной ситуацией* – 35,26%;

в том числе: в необеспеченности потребностей всех социальных групп – 20,2%; отсутствии внимания со стороны властей к части субъектов российского общества – 15,06%;

- *в неудовлетворении личных потребностей* – 38,79%;

в том числе: в отсутствии позитивных изменений в личной жизни – 17,41%; в низком материальном уровне жизни – 11,87%; во всем (все плохо) – 9,51%;

- *нет ответа* – 1,23%.

Прокомментируем данные оценки результатов управления в рамках системного подхода.

Интеграция в целостную структуру указанных потребностей, удовлетворение которых выступает как результат управления, позволяет отметить следующее. Во-первых, в структуре потребностей, удовлетворение которых респондентами оценивается положительно, преобладающими являются личные, причем на первый план выступают связанные с обеспечением материального благополучия. Во-вторых, удовлетворенность респондентов работой структур, выполняющих общественные и публичные функции (правоохранительных органов, субъектов власти), гораздо ниже. Несмотря на то, что оценки результатов удовлетворения

двух групп потребностей – общественных и в управлении – близки, тем не менее удовлетворенность общества деятельностью субъектов управления несколько выше, чем в целом социальной ситуацией.

В негативных оценках респондентами результатов управления наиболее значительным представляется опять-таки неудовлетворение потребностей личного плана. В оценках уровня организованности системы управления и состояния общественной ситуации особый акцент опрошенные делают на отсутствии внимания со стороны властей к определенной части социальных групп. С учетом сложившихся в российской реальности устойчивых тенденций – социальное расслоение, неравномерность социального развития, распространение асоциальных явлений и процессов – можно полагать, что в целом результаты опроса достоверно отражают общественное мнение и, на наш взгляд, демонстрируют разные стороны одной проблемы – низкую управленческую деятельность.

Третья зона противостояния интересов находится в пространстве совокупности взаимодействий, осуществляемых в ходе целостного управленческого процесса. Конфликт интересов в этой зоне заключается в следующем. С одной стороны, каждый участник единого управленческого процесса наделен в нем собственным статусом и исполняет только ему присущую роль, но во взаимосвязи с остальными. С другой стороны, направленность интересов, потребностей, возможностей, связанных с управлением, а также причины выбора профессии, схожи у всех его участников. Это связано с тем, что они находятся в одинаковых социальных условиях внешней по отношению к ним среды – российского общества в целом. По степени приоритетности (от более высокой к более низкой) их ориентации, в частности, распределились по следующим позициям:

- *направленность интересов*: а) к материальной обеспеченности, б) к собственной семье, в) к личным компетенциям, г) к обществу, д) к духовности;
- *направленность потребностей*: а) к материальной обеспеченности, б) к личным компетенциям, в) к обеспечению работой, г) к взаимодействию с обществом и его поддержке, д) к своей семье;
- *направленность возможностей, связанных с управлением*: а) личностные, б) материальные, в) создание и развитие бизнеса, г) оказание помощи обществу и семье;
- *направленность причин выбора профессии*: а) попытка самореализации, б) необходимость содержать семью, в) способность и желание помогать другим, г) создание бизнеса.

В данном контексте конфликт интересов может быть разрешен, на наш взгляд, неоднозначно: либо в пользу тех участников управленческого процесса, чьи компетенции, навыки, знания выше; либо в пользу тех, у кого значительно больше управленческих ресурсов. В результате управление способно принимать как цивилизованный, так и проблемный характер, выступая интенсифицирующим или сдерживающим фактором общественных преобразований.

Противоречия между носителями признака управления проявляются прежде всего при разработке и внедрении управленческих решений в практику повседневной жизни [20, с. 54– 55]. Это касается конкретных лиц, отвечающих за принятое решение, и части российского общества, по отношению к которой оно принимается. Такие противоречия имеют разные причины. В первую очередь в их

числе – личностные и профессиональные качества участников этих отношений, включая и содержание ценностно-нормативной системы, на которую они опираются в своих действиях. В значительной мере эти противоречия усугубляются качественно новой политической, экономической, социальной обстановкой.

К негативному социальным факторам, влияющим на данные противоречия, специалисты относят становление квазирыночных отношений в экономике, резкое социальное расслоение, снижение уровня и качества жизни основных слоев населения и его обнищание, сокращение продолжительности жизни, депопуляцию, слияние в ряде случаев государственных структур и криминалитета, систематические нарушения региональными органами власти федеральных законов, практическую легализацию различных форм антинациональной и антигосударственной деятельности, отсутствие реальной системы социальной защиты человека, нравственную и физическую деградацию населения [8, с. 255].

Конфликты интересов как выражение характеристик их носителей и составная часть предметной зоны проблемы способны усугубляться. Это обстоятельство вызвано тем, что в единой целостности отношений между управлением и социальными системами носители признака управления многообразны. Зачастую они противостоят друг другу, могут находиться в разных по сложности, степени управляемости, объему управленческих ресурсов социальных и управленческих системах.

Многообразие носителей свойства управления влечет за собой расширение не только сферы конфликтов интересов, но и состоящей из них предметной зоны проблемы. В итоге множество неоднородных управленческих практик с их разнообразным значением и результатами, которые сегодня наблюдаются в социальном пространстве, в реальности представляется лишь малой частью содержания рассматриваемой проблемы.

Со стороны управления как целостной системы, содержащей в себе другие целостности, к противоречивым группам носителей этого признака относятся следующие:

- социальные системы разной степени сложности, объективно обладающие свойством управления и выступающие как совокупности составляющих их индивидов;
- все ключевые элементы социальных систем, в которых присутствует свойство управления (индивиды, группы, общности, общество в целом) ;
- противостоящие друг другу по предназначению и свойствам подсистемы (управляющая и управляемая) , которые следует воспринимать одновременно и как единую целостность, входящую одну в другую и представляющую собой одну и ту же систему элементов, чьи отношения неоднозначны.

Со стороны социальных систем к носителям свойства управления относятся многообразные группы, объединяющие индивидов с противоположными или неоднородными характеристиками:

- отличающиеся и порой противостоящие друг другу по социальному статусу, месту, роли в общественной структуре;
- разными по уровню материального благополучия и доходов, экономическим интересам и целям;
- разделяющие ценности разных культур и религий, не всегда толерантных по отношению к остальным;

- имеющие разные политические интересы, но при этом находящиеся относительно друг друга частично в оппозиции, частично – в единстве;
- другие группы индивидов, образующиеся как следствие существования перечисленных типов.

Указанные группы отличаются друг от друга свойствами, интересами, потребностями, целями, и все формируемые ими социальные конструкции имеют общественное, но неравнозначное, а порой и противоположное значение для состояния управления и социальных систем в целом.

Таким образом, можно сформировать ряд выводов.

1. Исследуемая проблема находится в комплексной взаимосвязи между современным российским социумом и реализуемым в нем управлением. Ее суть раскрывается в интенсивном распространении форм управленческих практик, характеризующихся разной социальной направленностью и соответствующими признаками и действиями их субъектов [21, с. 15– 24], в неоднозначных и противоречивых результатах управления. Эта неоднозначность объясняется несовпадением ценностей, норм, статусов, понимания и практического опыта управления у его участников и выражается в конфликтах интересов между ними. Такое обстоятельство детерминирует разные результаты: как сдерживает, так и интенсифицирует современный этап общественного развития.

2. Повсеместное распространение в социальном пространстве многочисленных управленческих практик, их интеграция в разные сферы российского социума позволяют констатировать наличие атрибутивной взаимосвязи между управлением и социальными системами. Сходства и различия интересов осуществляющих их субъектов обуславливают конфликты между ними и одновременно демонстрируют единство причин этих конфликтов. Широкое распространение подобных конфликтов, составляя современную социально-управленческую ситуацию, объективно подводит к необходимости обоснования и изучения особого предмета исследования – управления как неотъемлемого свойства социальных систем.

3. Исследование конфликтов интересов, составляющих предметную зону указанной проблемы, носит теоретико-прикладной характер. Оно способствует, с одной стороны, конструированию частей фундаментального нового знания о социальном управлении – методологии, концепции, специальной социологической теории; с другой – решению важной практической проблемы – повышению степени управляемости социальными процессами в современных условиях, обеспечению более высокого уровня общественной полезности реализуемого в социальных системах управления.

Библиографический список

1. *Зборовский Г.Е.* Общая социология. Екатеринбург, 1999.
2. *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Прикладная социология. М., 2004.
3. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. М., 2007.
4. *Ивановская О.В.* Духовный кризис семьи как один из факторов дестабилизации культуры // *Философия социальных коммуникаций.* 2011. № 3 (16). С. 90–100.
5. *Баимбетов А.А., Баимбетов В.А., Иващенко Г.М., Казаринов Ю.Л.* Социальная профилактика девиантного поведения и социальных отклонений в молодежной среде. Уфа, 2011.

6. *Аникеева К.М.* Проблемы наркомании и алкоголизма в молодежной среде / Молодежь и модернизация России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (12–13 апреля 2011 г.). СПб., 2011. С. 22–23.
7. *Руткевич М.Н.* Социальная структура. М., 2004.
8. *Осинов Г.В.* Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М., 2007.
9. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: fcp.ecomomy.gov.ru.
10. Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: минобрнауки.рф.
11. Федеральные целевые программы России. URL: www.programs-gov.ru.
12. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: www.mcx.ru.
13. Министерство финансов Российской Федерации. URL: info.minfin.ru.
14. Федеральное агентство по науке и инновациям. URL: www.fasi.gov.ru.
15. *Тощенко Ж.Т.* Социология. М., 2005.
16. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации до 2012 года. Разд. 1, подразд. 8. «Молодежная политика»: утв. распоряжением Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1663-р [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. *Баимбетов А.А., Казаринов Ю.Л., Баимбетов В.А.* Социальные проблемы подростковой беспризорности и безнадзорности. Уфа, 2007.
18. *Мэннинг Н., Парисон Н.* Реформа государственного управления: международный опыт / пер. с англ. М., 2003.
19. *Иващенко Г.М.* Управление как неотъемлемое свойство социальных систем / Россия в XXI веке: модель устойчивого развития / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2010. Кн. 3.
20. *Иващенко Г.М.* Организация социальной профилактики социальных отклонений в молодежной среде. М., 2011.
21. *Иващенко Г.М.* Цивилизованная и проблемная формы практического использования свойства управления / Вестн. Евразийской акад. адм. наук. 2011. № 3 (16). С. 15–24.

V.A. Perekhodov
Foreign Models of State
and Local Authorities
Interaction:
Comparative Analysis

The basic models of state and local authorities interaction used abroad are studied. The special attention is paid to the comparative analysis of the American, French, and German models.

Key words and word-combinations: state authority, local authority, models of interaction.

Исследуются основные модели взаимодействия государственной и муниципальной власти, применяемые за рубежом. Особое внимание уделяется сравнительному анализу американской, французской и немецкой моделей.

Ключевые слова и словосочетания: государственная власть, местное самоуправление, модели взаимодействия.

УДК 352/353
ББК 66.3(0) ,124

В.А. Переходов

**ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ
И МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Развитие местного самоуправления в России – одна из приоритетных задач, о важности которой говорится на самом высоком

уровне. Решение этой задачи зависит в первую очередь от эффективности и продуктивности взаимодействия между государственной и муниципальной властью.

Проводя реформу местного самоуправления, правительство должно обращаться к зарубежным моделям взаимодействия государственной власти и местного самоуправления, поскольку наш исторический опыт довольно беден положительными примерами в этой области. За рубежом, напротив, используются довольно эффективные модели такого взаимодействия, которые складывались на протяжении десятков (а в некоторых странах и сотен) лет. Данные модели проверены временем и приносят конкретные положительные результаты на практике. Их исследование и разумное применение в Российской Федерации необходимы для успешной реализации административной реформы и реформы местного самоуправления.

Как показывает опыт зарубежных стран, в отношениях между органами государственной власти и местным самоуправлением существуют три основные модели взаимоотношений: *модель относительной автономии*, которая предоставляет независимость органам местного самоуправления, не снижая в то же время роли общенационального государства и региональной власти; *модель агентств*, в рамках которой органы местного самоуправления рассматриваются главным образом в качестве структур, проводящих политику центра; *модель взаимодействий*, в основе которой лежит идея взаимозависимости и сотрудничества [1, с. 439].

Модели взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления также можно рассматривать с точки зрения страновых различий. Так, в научной литературе по местному самоуправлению выделяются три основные модели взаимодействия: англосаксонская, континентальная и смешанная [2, с. 119]. *Англосаксонская модель* характеризуется отсутствием прямого подчинения органов местного самоуправления органам государственной власти, высокой степенью децентрализации управления, отсутствием на местах представителей центральной власти. Она характерна для таких стран, как Великобритания, США, Австралия, и может быть соотнесена с указанной моделью относительной автономии. *Континентальная модель* прямо противоположна англосаксонской и присуща таким странам и регионам, как Франция, Латинская Америка, Африка. Ее основные характеристики: высокая степень централизации, наличие прямого контроля за органами местного самоуправления, сочетание государственного управления и местного самоуправления в рамках одних административно-территориальных единиц. Она может быть соотнесена с моделью агентств. И наконец, *смешанная модель* взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления сочетает в себе черты как англосаксонской модели, так и континентальной.

В современном мире трудно наблюдать описанные модели в чистом виде. Как правило, даже в одной стране в различных ситуациях могут использоваться разные модели.

Интересны системы взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления, действующие в конкретных странах: Соединенных Штатах Америки, Франции и Германии. Выбор именно этих государств был обусловлен, во-первых, тем, что они являются классическими примерами

англосаксонской, континентальной и смешанной моделей соответственно, и, во-вторых, тем, что все другие страны в той или иной степени используют эти модели в своих практиках взаимодействия государственной власти и местного самоуправления.

В *Соединенных Штатах Америки* органы местного самоуправления – это творения штатов; их статус, права и привилегии зависят от конституций и законов, действующих в этих штатах. В связи с этим в США существует пятьдесят различных систем взаимодействия органов управления штатов и органов местного самоуправления, каждая из которых не похожа на остальные сорок девять [3, с. 395]. Однако все это многообразие систем можно сгруппировать в три основные модели: модель координирующей власти (Coordinate-authority model), модель содержащей власти (Inclusive-authority model) и модель пересекающейся власти (Overlapping-authority model).

В рамках модели координирующей власти федеральные органы отделены от государственных органов штатов «резкой и четкой границей» [4, с. 74]. Органы местного самоуправления входят в структуру органов власти штатов и зависят от них. Муниципалитеты могут исполнять только те полномочия, которые предписаны им законом (что характерно для англосаксонской модели в целом). Более того, в рамках данной модели действует так называемое «правило Диллона», согласно которому любое справедливое, разумное, существенное сомнение в наличии того или иного полномочия трактуется судами против органов местного самоуправления [2, с. 121]. Теоретически штаты, использующие эту модель, могут даже распускать органы местного самоуправления, однако на практике этого не происходит.

Модель содержащей власти можно представить в виде трех концентрических кругов, самый крупный из которых – федеральные органы власти, средний – органы власти штатов, а малый круг – местное самоуправление. Федеральная власть как бы «содержит» внутри себя региональные органы, а те, в свою очередь – органы местного самоуправления. Именно федеральные органы власти являются в данной модели той силой, которая определяет организацию региональной и местной власти. Органы же местного самоуправления выступают в данной модели исполнителями воли федерации и ее субъектов. Такая модель на сегодня характерна и для Российской Федерации, где местные органы власти пока не ощущают себя в полной мере самостоятельными участниками политических, экономических и социальных процессов, происходящих в стране.

Модель пересекающейся власти является наиболее демократичной и децентрализованной из используемых в настоящее время в США. Здесь федеральные органы государственной власти, органы власти штатов и органы местного самоуправления практически независимы друг от друга, они выступают в качестве партнеров в своих взаимоотношениях. Там, где их интересы пересекаются, они действуют сообща; там же, где такого пересечения нет, они свободны от влияния друг друга и действуют независимо. Данная модель подходит для многих стран, в том числе и для России. Чтобы называться демократическим государством в обозримом будущем, мы должны прийти именно к такой форме взаимодействия рассматриваемых уровней власти.

Таким образом, характер взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления в США зависит от используемой в том или ином штате модели. Систему местного самоуправления можно назвать децентрализованной только в случае применения модели пересекающейся власти. В случае же модели координирующей власти, где правовую и организационную структуру органов местного самоуправления определяют штаты, или же модели содержащей власти, где и муниципальные, и региональные органы подчинены федеральным властям, систему местного самоуправления трудно назвать децентрализованной.

Система взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления во *Франции* является собой характерный пример континентальной модели. Но, как уже было отмечено, ни одна из систем взаимодействия государственной и муниципальной власти, действующих в современном мире, не может быть полностью тождественна той или иной модели. То же относится и к современной Франции.

Во французской системе принцип свободного самоуправления основан на передаче местным административно-территориальным образованиям определенных полномочий, что не подразумевает априори институционального сотрудничества между государством и разными уровнями местного самоуправления [5, с. 162]. Однако чем больше полномочий у органов местного самоуправления, тем больше их политический и экономический вес. До начала реформы местного самоуправления 1982– 1983 гг. государственные органы во Франции предпринимали попытки сократить количество полномочий, реализуемых местными властями, путем сокращения субсидий, инвестиций, введением различных технических норм и т.д. Сотрудничество между этими двумя уровнями власти строилось на совершенно неравноправной основе: государственная власть могла осуществлять контроль за муниципалитетами практически в любой сфере деятельности; представители государства на местах имели право вмешиваться в деятельность органов муниципального управления, могли отменять решения местных властей не только по причине незаконности, но даже по причине нецелесообразности.

Главной задачей реформы 1982– 1983 гг. стало четкое распределение полномочий, а также установление партнерских отношений между органами государственной власти и местными административно-территориальными образованиями. В ходе реформы эта задача была выполнена, и современная система взаимодействия государственной и муниципальной власти во Франции имеет децентрализованный и демократический характер. На местах по-прежнему присутствуют представители государственной власти, но их функции теперь сводятся лишь к информированию центрального правительства о происходящем в регионах и к проверке решений органов местного самоуправления на предмет законности. В коммунах вообще отсутствуют государственные должностные лица. Их функции выполняет глава исполнительной власти коммуны – мэр [1, с. 761].

Таким образом, модель взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, сложившаяся сегодня во Франции, сильно отличается от той континентальной модели, прообразом которой она первоначально являлась. Нынешняя французская модель – это симбиоз централизации и децентрализации, государственного контроля и свободного самоуправления. Госу-

дарство здесь все чаще выступает не как судья, карающий местные власти за любую провинность и неповиновение, а как партнер, сотрудничающий с муниципалитетами на принципах законности и ограниченного контроля. Полностью спроецировать данную модель на российскую действительность нельзя из-за отсутствия во Франции регионального уровня власти, однако, это не мешает использовать положительный опыт в сфере контроля государственной власти за органами местного самоуправления.

Основное сходство немецкой и французской моделей состоит в наличии промежуточного уровня власти между органами власти республики (федеральной земли) и местным самоуправлением. Его главная задача – обеспечение контроля за соблюдением законодательства муниципалитетами. Но если во Франции эту функцию выполняют представители государственной власти на местах – префекты, то в *Германии* создаются специальные территориальные подразделения органов власти федеральных земель. Такой уровень власти в Германии называется средним уровнем.

Строго унифицированного порядка в организации взаимодействия между государственной властью и местным самоуправлением в Германии не существует. В различных землях этот порядок может значительно отличаться. Это роднит Германию с Соединенными Штатами Америки.

Характерной чертой немецкой модели является то, что федеральные органы власти практически не принимают участия во взаимодействии с органами местного самоуправления. Отношения между государством и муниципалитетами разворачиваются почти исключительно в сфере отношений между федеральной землей и местными властями [5, с. 241]. Таким образом, существует определенное сходство немецкой модели с моделью координирующей власти, используемой в некоторых штатах США, а также с российской моделью, в которой основная масса вопросов, связанных с местным самоуправлением, отнесена к ведению субъектов Федерации.

Система взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в Германии опирается на принцип контроля и надзора со стороны государства. При этом данный надзор не ограничивает местное самоуправление. Само существование контролирующих органов заставляет муниципалитеты действовать в рамках закона и совершать меньше ошибок. Прямое вмешательство государства в дела муниципалитетов происходит крайне редко, конечно же, если это не касается исполнения отдельных государственных полномочий. Муниципалитеты в Германии имеют право даже выступать против государственных актов надзора и обращаться в суд. В современной России такая практика не распространена, и государственный контроль за местным самоуправлением превышает все допустимые нормы. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на количество отчетов, которые местные администрации готовят для органов государственной власти в ущерб решению вопросов местного значения. Тем более муниципалитеты не выступают в судах против актов государственного контроля и надзора.

Таким образом, несмотря на наличие всеобщих принципов взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, в различных странах это взаимодействие происходит по-разному. Иногда даже в рамках одной страны используются разные модели.

Сравнительный анализ показывает, что рассмотренные модели имеют как определенные сходства, так и различия. Например, главным сходством американской и немецкой моделей взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления является наличие различных систем взаимодействия, используемых в рамках одной модели. Организация процесса взаимодействия государственной и муниципальной власти в Германии и США ложится на плечи федеральных земель / штатов, и каждый регион выбирает такую систему, которая больше подходит для него.

Между американской и французской моделью взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления больше отличий, нежели сходств. Это объясняется, прежде всего, различием форм государственного устройства в этих странах. В США с органами местного самоуправления в большинстве случаев взаимодействуют органы власти штатов. Во Франции же, как в унитарном государстве, региональный уровень управления отсутствует, поэтому государственная власть взаимодействует с муниципалитетами через своих посредников – префектов. В США их функции выполняют различные органы власти штатов. Следовательно, нельзя сказать, что какая-то из этих систем взаимодействия эффективней и демократичней другой.

Французская и немецкая модели по сути своей отличаются лишь тем, что во Франции существует определенный унифицированный порядок взаимодействия государственной и муниципальной власти, а в Германии такового нет, в разных землях могут использоваться разные вариации взаимодействия. По остальным характеристикам (промежуточный уровень власти, контроль и надзор со стороны государства и т.д.) данные модели практически идентичны.

Таким образом, идеальной модели взаимодействия государственной власти и местного самоуправления не существует. Для каждой страны, а в некоторых случаях и отдельно взятой части страны необходима уникальная модель, которая будет учитывать исторические традиции, потребности местного населения, способствовать развитию местного самоуправления и государства. В России, как и во многих других странах, такая модель уже сложилась. Она схожа с немецкой, но не копирует ее полностью, а подстроена под наши условия. В этом ее плюс. Однако говорить об эффективности и тем более о завершении строительства этой модели пока рано.

Органы государственной власти в России чаще всего рассматривают органы местного самоуправления как подчиненные, да и сами муниципалитеты нередко считают себя низшим уровнем государственной власти, а не ее партнером. Необходимо уйти от этих стереотипов, которые имеют глубокие исторические корни. Для этого следует опереться на богатый зарубежный опыт и использовать его при строительстве российской модели взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления.

Библиографический список

1. Местное самоуправление: энциклопедия / под общ. ред. В.Б. Зотова; Рос. муницип. акад. Ростов н/Д., 2010.
2. Дроботенко И.И. Зарубежные модели местного самоуправления: опыт для России // Власть. 2010. № 1. С. 119–122.

3. Norton A. International Handbook of Local and Regional Government: a Comparative Analysis of Advanced Democracies. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 1997.

4. O'Toole L.J. American Intergovernmental Relations. Foundations, Perspectives and Issues. Washington: CQ Press, 2000.

5. Организация центральной, региональной власти и местного самоуправления в России, Германии, Франции, Испании: проблемы взаимодействия и пути их решения: мат-лы Междунар. конф., Берлин, 21–23 июня 2000 г. М., 2000.

D.P. Sosnin
Changing the Order
of Succession of the Head
of the Local Administration
as a Factor
in the Transformation
of Urban Elite

The influence of different variants of succession of the head of the local administration on the transformation of urban elites in the post-Soviet period is analyzed. The special attention is paid to the political implications of the election of mayors at the direct elections.

Key words and word-combinations: urban elite, head of administration, local government.

Анализируется влияние различных вариантов замещения должности главы местной администрации на трансформацию городских элит в постсоветский период. Особое внимание уделяется политическим последствиям избрания мэров на прямых выборах населением.

Ключевые слова и словосочетания: городская элита, глава администрации, местное самоуправление.

УДК 352/353
ББК 66.3(0) ,124

Д.П. Соснин

ИЗМЕНЕНИЕ ПОРЯДКА ЗАМЕЩЕНИЯ ДОЛЖНОСТИ ГЛАВЫ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ КАК ФАКТОР ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОЙ ЭЛИТЫ

Всплеск протестной активности в крупных городах после выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ в декабре 2011 г. стал сигналом, свидетельствующим о росте в обществе неудовлетворенности работой органов государственной власти и местного самоуправления. Как следствие, в политической повестке не только оппозиции, но и власти важное место заняли темы политической модернизации и обновления элит. Состоялась либерализация законодательства, регулирующего жизнь политических партий. Доминирующая партия – «Единая Россия» – анонсировала ряд мер, повышающих внутрипартийную конкуренцию, с целью преодоления застойных явлений в руководящем кадровом составе. Хотя и с определенными оговорками, но был взят курс на возврат выборности губернаторов, а в общественной дискуссии вновь стали зву-

чать предложения вернуться к выборности мэров городов, являющихся административными центрами субъектов РФ, многие из которых в 2000-е годы ввели должности назначаемых на контрактной основе «сити-менеджеров».

На этом общественно-политическом фоне особого исследовательского внимания заслуживает, на наш взгляд, актуализация интереса к муниципальному уровню управления и профессиональной состоятельности городских элит.

Порядок замещения должности главы исполнительного органа муниципалитета является не просто формальной юридической процедурой – он существенным образом отражается на политическом положении и внутренней структуре городской элиты в целом. Институт прямых выборов превращает глав администраций городов из чиновников-«назначенцев» в публичные политические фигуры, обладающие ресурсами легитимности и общественной поддержки, необходимыми для реализации собственного политического курса.

В советский период прямые выборы населением руководителей исполнительных органов власти всех уровней отсутствовали. Концептуальную основу данной практики иллюстрирует высказывание И.В. Сталина при обсуждении проекта Конституции СССР 1936 г.: «По системе нашей Конституции в СССР не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением наравне с Верховным Советом и могущего противопоставлять себя Верховному Совету. Президент в СССР коллегиальный, – это Президиум Верховного Совета» [1, с. 618]. На местном уровне председатели городских исполнительных комитетов избирались на сессиях соответствующих советов народных депутатов. Советский подход к формированию местных исполнительных органов формально совпадал с западной системой «council», при которой исполнительный орган местного самоуправления избирается представительным органом.

Реальная децентрализация не происходила до 1990 г. потому, что рядом с советами функционировала централизованная структура КПСС [2, с. 207]. Летом 1991 г. был принят Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР», который предусматривал новацию, способную существенно укрепить автономию и легитимность местной власти. Вместо председателя исполкома вводилась должность главы местной администрации, избираемого сроком на пять лет путем всеобщих прямых и равных выборов при тайном голосовании. Провести первые прямые выборы глав местных администраций планировалось в ноябре 1991 г. Однако вскоре после провала августовского путча постановлением Съезда народных депутатов РСФСР «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» был установлен запрет на проведение выборов представительных и исполнительных органов всех уровней вплоть до 1 декабря 1992 г.. До проведения выборов главы администрации (в том числе городов и районов) должны были назначаться Президентом РСФСР или по его поручению главой администрации вышестоящего уровня по согласованию с соответствующими Советами народных депутатов. Кроме того, на время проведения радикальной экономической реформы возвращалась подчиненность нижестоящих исполнительных органов вышестоящим. Таким образом, ранее запланированные на осень 1991 г. первые прямые выборы глав администраций городов в этот период новейшей истории так и не состоялись.

Отказ от принципа выборности руководителей органов исполнительной власти был обусловлен тем, что новая демократическая федеральная власть опасалась коммунистического «реванша», а также сопротивления региональных и местных элит процессу социально-экономических преобразований [3, с. 202]. Дело в том, что издержки от проведения радикальной экономической реформы оказались слишком высоки: уровень жизни населения резко снизился, а общественное доверие к новой реформаторской власти было в целом утрачено. В этих условиях режим назначений в декабре 1992 г. был пролонгирован постановлением Съезда народных депутатов РФ «О главах администраций». Текст указанного постановления гласил: «...Считать нецелесообразным проведение повсеместных выборов глав администраций на период до выборов народных депутатов Советов народных депутатов нового созыва» [4]. Поскольку Советы народных депутатов практически повсеместно избирались весной 1990 г. со сроком полномочий пять лет, то данная формулировка означала перенос прямых выборов глав администраций до 1995 г.

Несмотря на противодействие региональных элит, закрепление гарантий местного самоуправления в новой Конституции РФ 1993 г. и принятие в 1995 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» обусловили возврат к принципам выборности глав местных администраций. Доминирующей схемой рекрутирования градоначальников стали прямые выборы населением в отличие от избрания их депутатским корпусом, как это было в 1990–1991 гг.

Мэрам-«назначенцам» пришлось пройти проверку на предмет доверия к ним муниципальных избирателей. После возврата прямых выборов вновь избранные мэры обрели собственную легитимность, а городские элиты получили возможность самостоятельно распоряжаться значительными финансово-экономическими ресурсами.

Закрытый характер приватизация муниципальной собственности (объектов муниципальной торговли, муниципальных предприятий различного профиля) создал основу для формирования альянса между административно-политической муниципальной элитой и близкими к местной власти предпринимателями. В то же время региональные элиты видели в муниципальных элитах конкурентов в борьбе за ограниченные ресурсы. Конфликты между губернаторами и мэрами административных центров субъектов Федерации стали обычным явлением.

Городские элиты крупных городов во второй половине 1990-х годов почувствовали определенную политическую поддержку федерального центра, заинтересованного в ограничении быстро растущего влияния региональных элит [5, с. 75]. Уровень автономии и политических возможностей городских элит достиг своего максимума. Юридически это было отражено в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», устанавливающим взятый федеральным центром курс на реформирование системы местного самоуправления в Российской Федерации.

После отмены прямых выборов губернаторов в 2004 г. региональные элиты настойчиво добивались от центра отмены прямых выборов мэров городских

округов и перехода к режиму их назначения высшими должностными лицами субъектов РФ. Федеральная власть не решилась напрямую дать губернаторам право назначать руководителей муниципалитетов, так как это нарушило бы конституционные принципы самостоятельности органов местного самоуправления и противоречило бы нормам Европейской хартии местного самоуправления, ратифицированной Российской Федерацией в 1998 г. Однако действующее законодательство о местном самоуправлении давало возможность самим муниципалитетам отказаться от прямых выборов глав местных администраций и перейти к схеме управления, предусматривающей назначение «сити-менеджера» на контрактной основе. Это и стало воплощаться на практике: в городских округах в массовом порядке внедрялась именно схема с назначением «сити-менеджеров».

По данным Министерства регионального развития РФ по состоянию на апрель 2011 г. глава местной администрации назначался по контракту уже в 44 административных центрах субъектов РФ [6]. В 2010 г. число региональных столиц, управляемых «сити-менеджерами», возросло более чем в три раза [7].

При данной модели организации органов местного самоуправления существенное влияние на процесс принятия решения по кандидатуре руководителя исполнительной власти города получала региональная элита, так как по закону треть членов конкурсной комиссии назначается по предложению органов государственной власти субъекта РФ. Кроме того, легитимность и политический вес избранного на прямых выборах главы администрации, как правило, значительно выше, чем легитимность и политическая устойчивость «сити-менеджера». Таким образом, федеральный центр, встроив глав регионов в единую централизованную систему власти, в качестве компенсации позволил им в значительной мере ограничить самостоятельность местного самоуправления не столько де-юре, сколько де-факто.

В 2012 г. в связи с возвратом выборности высших должностных лиц субъектов РФ сложились предпосылки для возврата выборности и мэров городов.

Политическая модернизация весь постсоветский период демонстрирует циклический характер. Периоды децентрализации власти и роста автономии городских элит сменяются периодами построения «вертикали власти».

В среднесрочной перспективе для городских элит открывается возможность увеличить свое влияние в политической и экономической жизни страны. От управленческой состоятельности управленческой элиты крупных городов во многом будет зависеть и преодоление кризиса доверия населения к органам власти, без чего невозможно поступательное социально-экономическое развитие общества.

Библиографический список

1. Очерки по истории выборов и избирательного права: учеб. пособие / Веденеев Ю.А., Зайцев И.В., Кораблин В.Е. [и др.]. Калуга, 2002.
2. Мацузато К. Третье звено государственного строительства России: подготовка и реализация Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Саппоро, 1998.
3. Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов, 2006.
4. О главах администраций: постановление СНД РФ от 10 дек. 1992 г. № 4065-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 51. Ст. 3010.

5. Гельман В.Я., Рыженков С.И., Белокурова Е.В., Борисова Н.В. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб., 2008.

6. Аналитические материалы по вопросу реализации в муниципальных образованиях Российской Федерации модели организации системы органов местного самоуправления, предусматривающей «сити-менеджера» / Департамент развития регионов и муниципальных образований Министерства регионального развития РФ. URL: <http://www.minregion.ru/activities/msu/669/>

7. Непомёрные полномочия // Рос. газ. 2011. 6 мая.

M.S. Nachkebia
Forming a Management Culture
of Municipal Employees

The necessity for a new approach to the formation of a managerial culture of municipal employees is based. Methods of diagnosing the state of a management culture of municipal employees are proposed.

Key words and word-combinations: a municipal employee, administrative culture, managerial competence.

Обоснована необходимость разработки нового подхода к формированию управленческой культуры муниципальных служащих. Предлагаются методики диагностирования состояния управленческой культуры муниципальных служащих.

Ключевые слова и словосочетания: муниципальный служащий, управленческая культура, управленческая компетентность.

УДК 316.354
ББК 60.55

М.С. Начкебия

ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Содержательной стороны муниципальной служба является частью местного самоуправления и обеспечивает исполнение управленческих полномочий муниципальных органов. Следовательно, ее можно определить как управленческий институт [1], в рамках которого муниципальные служащие профессионально заняты управлением.

Эффективность управления муниципальным образованием во многом зависит от кадрового потенциала муниципальной службы, в связи с чем. Поэтому необходимо иметь объективное представление о состоянии управленческой культуры муниципальных служащих. Ее формирование сопряжено с определенными трудностями, обусловленными спецификой деятельности органов местного самоуправления. В то же время оно позволяет решить множество задач, среди которых основными являются повышение эффективности управления, а также достижение целей муниципальной службы и ее персонала.

В процессе формирования управленческой культуры личности ожидаются изменения в сознании и поведении служащего, осуществленные под воздействием специально подготовленных мер, действий и мероприятий интеллектуального, организационного, административного, воспитательного плана. Процесс постановки таких целей, как правило, аккумулирует социально ориентированную направленность личности, стремление глубоко овладеть секретами управления [2, с. 116].

Проблемы управленческой культуры муниципальных служащих обнаруживаются с помощью социальной диагностики, которая на региональном уровне, по нашему мнению, должна носить системный (мониторинговый) характер. Результаты такой диагностики будут способствовать положительному эффекту процесса формирования управленческой культуры муниципальных служащих.

С целью уточнения современного состояния управленческой культуры в органах местного самоуправления в 2009–2010 гг. проведено авторское социологическое исследование «Диагностика управленческой культуры муниципальных служащих Белгородской области».

В ходе исследования опрошено две группы респондентов: муниципальные служащие Белгородской области (N = 520) и эксперты (N = 35). К категории экспертов отнесены государственные служащие, взаимодействующие с органами местного самоуправления, главы муниципальных образований Белгородской области, а также занимающиеся вопросами муниципального управления научно-педагогические работники вузов Белгородской области. Сбор информации осуществлялся с помощью анкетного опроса по методике районированной квотной выборки со случайным отбором респондентов. В качестве диагностического инструментария исследования были использованы специально разработанные анкеты.

Рассмотрим некоторые результаты проведенного опроса.

Мотив самореализации, как следует из полученных в ходе исследования данных, является преобладающим в выборе муниципальными служащими своей профессиональной деятельности. На втором месте среди причин, привлекающих муниципальных служащих к работе в администрации муниципального образования, стоит «возможность служения обществу». На третье место примерно четверть респондентов поставили такие мотивы, как «желание работать по специальности», «стабильность служебного положения», «перспективы профессионального роста».

На вопрос «Что чаще всего мешает Вам эффективно осуществлять профессиональную деятельность?» большинство респондентов дали ответ «большое количество бумажной волокиты» (41,92%); на втором месте – «привлечение к работе, не соответствующей функциональным обязанностям» (33,27%), а третье место занял ответ «неэффективная система материального стимулирования» (27,50%).

На вопрос «Что в большей мере способствует Вам в осуществлении профессиональной деятельности?» более половины респондентов ответили: «нормативная правовая база» (53,65%); 36,35% опрошенных отметили «хорошие условия труда», 34,81% – «четкость управленческих решений и приказов», 29,62% респондентов – «возможность повышения своей профессиональной квалификации».

Таким образом, ни материальное, ни моральное стимулирование не является ключевым фактором для осуществления эффективной управленческой деятельности муниципальными служащими.

Важную роль при диагностике играет самооценка муниципальными служащими уровня управленческой культуры. В результате более половины служащих оценили свой уровень управленческой культуры как «скорее высокий, чем низкий» (58,85%) , 16,92% – как «высокий»; 1,15% – как «низкий».

Результаты опроса экспертов показали, что они оценивают уровень управленческой культуры муниципальных служащих Белгородской области следующим образом: «скорее высокий, чем низкий» – 41,71%, «скорее низкий, чем высокий» – 41,71%, «высокий» – 5,71%, «низкий» – 2,86%.

Таким образом, следует отметить, что самооценка муниципальных служащих уровня своей управленческой культуры завышена в сравнении с мнением экспертов.

Управленческая культура в системе муниципальной службы, на наш взгляд, является системой управленческих норм, ценностей, знаний, умений и навыков, составляющих управленческую компетентность и необходимых для осуществления муниципальными служащими управленческой деятельности.

Чуть больше половины опрошенных муниципальных служащих к элементам управленческой культуры относят «культуру взаимоотношений в коллективе» (56,15%) и «знания служащих» (54,62%) . Почти половина респондентов отметили «нормы и правила трудового поведения» (46,35%) . Такие элементы управленческой культуры, как «умения служащих» (23,65%) и «ценности» (23,85%) назвали менее четверти респондентов, а «навыки служащих» (28,08%) и «управленческая деятельность» (27,50%) – более четверти муниципальных служащих.

Представления муниципальных служащих в целом вписываются в предлагаемую нами модель управленческой культуры. Но муниципальные служащие в меньшей степени уделяют внимание таким компонентам, как знания, умения и навыки, в то время как ядром управленческой культуры является управленческая компетентность, включающая в себя управленческие знания, управленческие умения и управленческие навыки.

Управленческие знания приобретаются в процессе обучения (школьного, вузовского и послевузовского, путем самообразования, переподготовки или повышения квалификации) и подразумевают знание теорий и методов управления, процессов управленческой деятельности, основ организации процессов управления и безопасности труда. Управленческие умения возникают в процессе осуществления управленческой деятельности и проявляются в разработке организационных документов, подготовке и проведении организационных мероприятий, осуществлении контроля исполнения управленческих решений. Управленческие навыки – результат многократного применения знаний и умений. От них зависит качество планирования и организации работы, быстрота и степень адаптации к новой ситуации, приспособленность рабочего места, уровень использования оргтехники.

Поскольку в исследовании использовался компетентный подход [3], указанные качества управленческой компетентности выступают важными факторами, влияющими на получаемые результаты.

Управленческая культура включает в себя нормы и ценности, которые должны соблюдаться менеджерами любого звена управления: юридические, отраженные в нормативно-правовых актах (управленческая культура муниципального служащего состоит в знании и выполнении законодательных норм) ; морально-этические (не зафиксированы в официальных документах, но выступают регулятором профессиональных отношений и профессионального поведения, так как в них отражены вопросы блага, справедливости, совести, долга, ответственности, чести и др.) ; организационные (устанавливают структуру органов муниципального управления, порядок деятельности функциональных подразделений и их руководителей, а также правила внутреннего распорядка) ; профессиональные (представляют собой систему компетенций, в том числе управленческих, а также опыт муниципального служащего) .

По результатам опроса к очень важным нормам управленческой культуры респонденты отнесли «профессиональные нормы» (64,42%) и «юридические нормы» (58,85%) , к важным – «организационные нормы» (56,54%) и «морально-этические» (51,35%) (сумма ответов – более 100%, так как респондентам была дана возможность выбора нескольких вариантов ответа) . Следовательно, более 50% респондентов считают, что данные нормы управленческой культуры имеют важное значение в деятельности муниципальных служащих. Такой результат подтвердил авторскую позицию: указанные нормы формируют управленческую культуру и образуют совокупность элементов, определяющих управленческую деятельность муниципального служащего.

Анализ эмпирических данных позволяет сделать вывод, что приоритетными ценностями муниципальных служащих выступают такие обусловленные коммуникативными свойствами личности ценности этико-профессиональных отношений, как честь и достоинство, справедливость и честность, исполнительность и аккуратность. Далее следуют ценности самооценки и поведенческой стратегии: независимость, рационализм, самоконтроль, здоровье. Замыкают перечень доминирующих ценности достижения и личностного развития: целедостижение, труд и его результат, профессионализм, познание, развитие, общественное признание.

В результате проведенного исследования можно выделить ряд особенностей, замедляющих процесс формирования управленческой культуры в системе муниципальной службы:

- чрезмерная закрытость органов местного самоуправления от внешнего окружения;
- строго формализованный характер деятельности сотрудников;
- высокая степень сопротивления переменам и нововведениям персонала органов местного самоуправления;
- низкая мотивация персонала к эффективной профессиональной деятельности;
- высокая степень дистанции власти во взаимоотношениях персонала;
- большой объем текущей работы, затрудняющий возможность ее выполнения на должном уровне.

При формировании управленческой культуры в системе муниципальной служ-

бы необходимо учитывать специфику профессии служащего. С целью повышения эффективности деятельности муниципальных служащих необходимо дополнительное профессиональное обучение управленцев разных уровней по конкретным потребностям их должностных обязанностей. При этом важно, чтобы органы местного самоуправления тесно взаимодействовали с учебными заведениями и осуществляли заказ на подготовку или переподготовку своего персонала исходя из профессиональных потребностей. На наш взгляд, это будет способствовать не только более эффективному выполнению функций муниципальной службы по жизнеобеспечению населения конкретного муниципального образования, но и приведет к повышению авторитета органов местного самоуправления у населения.

Формирование управленческой культуры муниципальных служащих необходимо осуществлять в строго определенной последовательности с соблюдением установленных процедур и правил [4, с. 358]. Для этого в первую очередь необходимо установить основные цели муниципальной службы в новых условиях функционирования (определение приоритетов, принципов, подходов, норм и желательных образцов поведения). Этот этап предполагает детальное изучение нормативно-правовых актов и иной управленческой и методической документации организации, определяющей основные направления ее деятельности и регулирующей нормы поведения ее служащих.

Далее следует исследовать сложившуюся в настоящее время в системе муниципальной службы управленческую культуру (предполагается установить уровень развития управленческой культуры, анализ соответствия реального состояния культуры желаемому состоянию). Вначале необходимо четко определить уровни управленческой культуры путем проведения диагностики, используя заранее разработанную систему показателей и индикаторов проявления конкретного уровня управленческой культуры, после чего выработать основные направления (способы) деятельности по формированию управленческой культуры, отнесенной к каждому уровню, с учетом желательной модели управленческой культуры муниципального служащего.

Следующий этап требует разработки организационных мероприятий (организационно-правовые, образовательные, кадровые и др.), направленных на формирование, развитие и закрепление желательных образцов поведения муниципальных служащих или нейтрализацию нежелательных.

Завершает формирование управленческой культуры оценка эффективности воздействия осуществляемых изменений и внесение в процесс необходимых корректив. На данном этапе необходимо прежде всего проведение запланированных на предыдущем этапе организационных мероприятий в соответствии с разработанной программой формирования управленческой культуры.

В современных условиях этапы формирования управленческой культуры должны содержать механизмы преодоления ситуаций, препятствующих успешному осуществлению управленческой деятельности муниципальной службой. Эффективность мероприятий по формированию управленческой культуры зависит прежде всего от качества предварительной диагностики современного состояния управленческой культуры муниципальных служащих.

Библиографический список

1. Хренков В.П. Профессионализм и управленческая культура муниципальных служащих: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2003.
2. Мяготина И.А. Управленческая культура личности руководителя современной России: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2005.
3. Нечепуренко Ю.С. Управление развитием профессиональной компетентности персонала в российских трудовых организациях (на примере Европейского региона России): дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
4. Субботина Ю.А. Особенности формирования управленческой культуры в организациях государственного и муниципального управления региона // Социально-технологическая культура как феномен XXI века: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 29–31 мая 2006 г.: в 2 ч. / отв. ред. Л.Я. Дятченко. Белгород, 2006. Ч. 1.

G.S. Ismailova
The Experience of the Uzbek
Self-Government
for the Russian Federation

The practical experience of citizens' self-government institutions in the Republic of Uzbekistan is researched. Peculiarities of their solving the issues of social security and strengthening family relations are revealed.

Key words and word-combinations: mahalla, descent of citizens, social security, the reconciliatory commission.

Исследуется практический опыт деятельности органов самоуправления граждан в Республике Узбекистан. Показаны особенности решения ими вопросов социального обеспечения и укрепления семейных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: махалля, сход граждан, социальное обеспечение, примирительная комиссия.

УДК 352/353
ББК66.3(0) ,124(5Узб)

Г.С. Исмаилова

**ОПЫТ УЗБЕКСКОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ
ДЛЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Законодательство закрепляет органы самоуправления граждан как основной инструмент решения важных проблем экономического, социально-культурного, политического характера в масштабе всей страны. Самостоятельные государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, строят национальные модели организации местного самоуправления, отражающие специфику определенного общества. Тем не менее представляется интересным не только проанализировать особенности местного самоуправления в отдельных странах, но и рассмотреть возможности использования опыта друг друга в области организации местного самоуправления.

Современное Узбекское государство, как и многие другие, не имеет своих исполнительных органов в конкретных населенных пунктах или территориях. Управленческие

функции здесь выполняют органы самоуправления граждан, то есть выборные и другие органы, наделенные полномочиями на решение вопросов местного значения и не входящие в систему органов государственной власти (в том числе – сход граждан) [1, с. 9]. В Узбекистане местное самоуправление осуществляется в административно-территориальных (кишлаках, аулах, поселках) и территориальных (махаллях) единицах.

В переводе с узбекского «махалля» (араб. – «махаллун», «махаллатун») означает «территория». В современном управленческом понимании махалля – это объединение жителей определенной территории, обоснованное постоянным проживанием в пределах кишлака, поселка, аула, города. Махалля в комплексе решает различные вопросы повседневной жизни. Сегодня это касается не только духовно-нравственной, но и политической и экономической сторон. Именно на махаллю переносится основная нагрузка, связанная с реализацией самоуправления гражданами.

Действующее законодательство возлагает на органы самоуправления махалли решение многих задач, имеющих социальное значение. Так, они согласно постановлению Кабинета министров Республики Узбекистан от 26 июля 2001 г. № 318 [2] выступают поручителями в предоставлении гражданам образовательных кредитов для обучения на платно-контрактной основе в высших учебных заведениях. В предоставлении образовательных кредитов в период с 2010 по 2011 г. в Сурхандарьинской области круглым сиротам, воспитанникам домов-интернатов «Мехрибонлик», инвалидам детства I и II групп и выходцам из малообеспеченных семей органы самоуправления граждан стали поручителями для 11 семей [3], причем сумма данных кредитов составляет 527,2 млн сумов [4].

Кроме того, органы самоуправления махалли обеспечивают целевое и эффективное использование средств, выделяемых в рамках государственной социальной поддержки семей; решают вопросы об оказании материальной помощи малообеспеченным семьям и назначении пособий нуждающимся семьям с детьми, о назначении и выплате пособий семьям с несовершеннолетними детьми. Они осуществляют адресное назначение и выплату пособий нуждающимся семьям. Это прежде всего связано с тем, что в махаллях все друг друга хорошо знают. Адресность в решении данного вопроса является основополагающим фактором еще и по причине того, что нельзя допускать иждивенчества среди взрослого трудоспособного населения. Сход граждан осведомлен о социальном положении каждого жителя, именно поэтому его участники могут реально оценить необходимость выдачи пособия той или иной семье.

Органы самоуправления махалли содействуют осуществлению патронажа одиноких престарелых граждан, нуждающихся в постороннем уходе; за счет выделенных средств государственного бюджета совместно с районными (городскими) отделениями социального обеспечения выдают им бесплатно товары первой необходимости. Помимо этого, совместно с центрами социальной адаптации органы самоуправления осуществляют мероприятия по социально-трудовой реабилитации лиц, освобожденных из учреждений по исполнению наказания, и предупреждению преступности. В целях социально-трудовой реабилитации лиц, освобожденных из учреждений по исполнению наказания, и

предупреждения преступности в 2011 г. только по городу Ташкенту из 478 лиц вышедших на свободу 255 человек были трудоустроены при помощи органов самоуправления граждан. Для их семей сходами граждан были выделены средства в сумме 31 млн 153 тыс. сумов [5].

Тема возрастания роли органов самоуправления граждан как субъекта гражданского общества в последнее время достаточно актуальна. Особенно показательную картину дают результаты опросов общественного мнения. Так, по данным центра изучения общественного мнения (май-июнь 2010 г.) [6, с. 75], на вопрос «В какие социальные и правовые институты Вы обратитесь в случае нарушения ваших прав и свобод (в разрезе города и кишлака) ?» среди опрошенных в городе 25,5%, а в кишлаке – 49,3% ответили: «В махаллинские комитеты». Для сравнения: «в милицию» – ответили в городе 23,0%, в кишлаке – 17,8%; «в судебные органы» – ответили в городе 22,4%, в кишлаке – 11,1%; «никуда, сами попробуем договориться» – ответили в городе 11,1%, в кишлаке – 7,5%; «в прокуратуру» – ответили в городе 6,6%, в кишлаке – 7,1%; «к адвокату» – ответили в городе 5,8%, в кишлаке – 2,8%; «к авторитетным родственникам» – ответили в городе 2,3%, в кишлаке – 1,1%; «в районные, городские хокимияты (органы государственной власти на местах) » – ответили в городе 2,5%, в кишлаке – 2,4%.

Результаты социологического опроса наглядно показывают, что органы самоуправления граждан имеют значительный потенциал доверия, что позволяет государству эффективно его использовать путем включения органов самоуправления в реализацию государственных программ. Например, в рамках осуществления «Года семьи» на институт самоуправления граждан возложен ряд функций: организация «Родительских университетов» с целью повышения правовых, этически-нравственных и физиологических знаний родителей по вопросам воспитания молодого поколения; оказание помощи одиноким престарелым, инвалидам, малообеспеченным гражданам, проживающим в махаллях, особенно в отдаленной сельской местности, путем проведения ремонта их домов и приобретения средств реабилитации (инвалидных колясок, слуховых аппаратов) ; стимулирование создания рабочих мест в махаллях в сельской местности посредством освобождения индивидуальных предпринимателей, проживающих на территории махаллей и занимающихся оказанием там же бытовых услуг (парикмахеры, швеи, мастера по ремонту обуви, бытовой и оргтехники) , от уплаты фиксированного налога сроком на три года начиная с 1 апреля 2012 г. [7].

Сегодня на органы самоуправления возлагается ряд полномочий в сфере сохранения браков и примирении конфликтующих сторон. Благодаря примирительным комиссиям (по Республике их насчитывается более 9 тысяч) , создаваемым при органах самоуправления граждан, удается сохранить семейные отношения. Всего за 2011 г. было зафиксировано 35 555 обращений в примирительные комиссии. Количество семей, которых удалось примирить, составило 21 060 (59,2%) [8]. Конечно, вопросы сохранения семейных отношений решает и государство, но оно делает это в стратегическом масштабе: например, принимая правовые акты и обеспечивая их исполнение средствами и методами, присущими государственной власти. Самоуправление граждан решает сто-

ящие перед ним задачи посредством исследования проблем каждой отдельно взятой семьи.

Результаты опроса, проведенные общественным центром «Ижтимоий фикр» («Общественное мнение») [9, с. 32], показали, что, по мнению большинства респондентов, махаллинский комитет способен помочь жителям в решении конфликтных ситуаций, ссор, разногласий между соседями (91,2%) и внутри семьи (69,0%) . Большинство граждан (81,2%) признают за махаллей право вмешательства во внутреннюю жизнь семьи, тогда как только лишь каждый шестой считает, что махалля такого права не имеет. Комитет самоуправления, по мнению респондентов, влияет на решение вопросов по организации и проведению массовых мероприятий (88,2%) , нравственному воспитанию молодежи (64,8%) . Было установлено, что абсолютное большинство опрошенных (93,3%) считает своим долгом в той или иной степени согласовывать свои действия и поступки с правилами и нормами поведения, принятыми в махалле, где они проживают.

В настоящее время органы самоуправления граждан, будучи властью местного населения, решают различные вопросы комплексного социально-экономического и культурного развития подведомственной им территории. Они могут эффективно сглаживать социальные последствия некоторых конфликтов, оказывать общественную помощь наименее защищенным слоям населения, улучшать общие условия и качество жизни людей. Таким образом, в масштабе всей страны самоуправление граждан решает проблемы общегосударственной важности.

Государственная политика в области самоуправления должна преследовать две цели: обеспечивать максимально возможную материально-финансовую поддержку органам местного самоуправления и совершенствовать правовую базу осуществления самоуправления гражданами. Государство осознает свою миссию. Так, в 2011 г. на финансирование органов самоуправления граждан выделено 108,2 млрд сумов [10], а в рамках государственной программы «Год семьи» установлено введение изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан «Об органах самоуправления граждан» [11].

Органы самоуправления граждан осуществляют свою власть непосредственно в обществе в постоянном взаимодействии с основными институтами социума и государства. Самоуправление должно быть поставлено в центр всех процессов реформирования общественного и государственного строя стран, выбравших демократический путь развития.

Библиографический список

1. *Ахмедов Д., Маликова Г.* Организация деятельности органов самоуправления граждан. Ташкент, 2005.
2. О предоставлении образовательных кредитов для обучения в высших учебных заведениях на платно-контрактной основе: постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 26 июля 2001 г. № 318 // Собрание постановлений Правительства Республики Узбекистан. 2001. № 7. Ст. 43.
3. Ответ Республиканского благотворительного общественного фонда «Махалля» от 6 дек. 2011 г. № 2-02/578 на официальный запрос Академии государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан от 5 окт. 2011 г. № 06/2-1524 / документация Академии гос. и общественного стр-ва при Президенте Республики Узбекистан.
4. Ответ Центрального банка Республики Узбекистан от 5 янв. 2012 г. № 17-22/10 на офици-

альный запрос Академии государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан от 17 дек. 2011 г. № 06/2-1887 / документация Академии гос. и общественного стр-ва при Президенте Республики Узбекистан.

5. Официальные данные, полученные из письма отдела Ташкентского городского правления благотворительного общественного фонда «Махалля» от 30 сент. 2011 г. №1/11-422 / документация Академии гос. и общественного стр-ва при Президенте Республики Узбекистан.

6. Реформа судебной-правовой системы глазами общественности // Общественное мнение. Права человека. 2010. № 3.

7. Государственная программа «Год семьи»: приложение к постановлению Президента Республики Узбекистан от 27 февр. 2012 г. № ПП-1717 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2012. № 10. Ст. 99.

8. Данные результатов мониторинга Республиканского благотворительного общественного фонда «Махалля», проведенного в 2011 г. по работе примирительных комиссий при сходах граждан: письмо Республиканского благотворительного общественного фонда «Махалля» от 14 мая 2012 г. №173 / документация Академии гос. и общественного стр-ва при Президенте Республики Узбекистан.

9. Общественный центр «Ижтимоий фикр»: анализ. докл. по результатам опроса общественного мнения «Общество и семья: духовный и нравственный мир». Ташкент, 2011.

10. Об исполнении государственного бюджета Республики Узбекистан за период 9 месяцев 2011 года: отчет Законодательной палаты Республики Узбекистан № 02/3-202 // Народное слово. 2011. 22 нояб.

11. Об органах самоуправления граждан: Закон Республики Узбекистан от 14 апр. 1999 г. // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 1999. № 5. Ст. 110.

D.B. Saifullaev
Afghan Issue and Ensuring
Security in Central Asia

Problems of ensuring security in Central Asia by the world community are considered. Prospects of international cooperation in this area are identified.

Key words and word-combinations: Afghanistan, the world community, security, international cooperation.

Рассматриваются проблемы обеспечения мировым сообществом безопасности в Центральной Азии. Обозначены перспективы международного сотрудничества в данном направлении.

Ключевые слова и словосочетания: Афганистан, мировое сообщество, безопасность, межгосударственное сотрудничество.

УДК 325/327(51)
ББК66.4(0) 3(54)

Д.Б. Сайфуллаев

АФГАНСКИЙ ВОПРОС И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В настоящее время социально-политическая ситуация в государстве Афганистан представляет собой одну из самых актуальных проблем для России и Узбекистана. Узбекистан, исходя из своих национальных интересов, подтверждает политику всестороннего сотрудничества с Россией и другими странами мира в целях установления мира и стабильности на территории этой страны, где уже несколько десятилетий действуют груп-

пы международных террористов и религиозных экстремистов. Несмотря на частичную нейтрализацию движения «Талибан», задачи, поставленные участниками международной антитеррористической коалиции, полностью не решены. Исходившие с афганской территории военная и террористическая угрозы, в том числе для стран Центральной Азии, были лишь минимизированы.

Анализ политической и социально-экономической обстановки в Афганистане имеет решающее значение в деле ликвидации угроз терроризма, экстремизма и распространения наркотиков.

Сегодня продолжается перегруппировка сил террористических формирований в Центральной Азии. Они не были уничтожены, что означает наличие серьезной потенциальной угрозы с их стороны. Другая проблема – большое количество оружия и боевой техники на руках у населения страны: по оценкам ООН, – более 2,5 млн единиц легкого стрелкового оружия. При этом в процессе организации афганской армии и увеличения числа контрабандного оружия вновь поступающее оружие значительно превосходит по своему уровню и качеству ранее находившееся в стране. Все эти процессы в условиях отсутствия должного государственного контроля над его использованием и наличия достаточно стабильных каналов поставки новых вооружений является серьезной предпосылкой для перерастания любых конфликтов местного уровня в военное противостояние регионального и даже глобального масштаба.

Сложная социально-экономическая обстановка и отсутствие у афганского населения альтернативных источников существования способствуют процветанию в Афганистане наркобизнеса. Гектар опийного мака приносит афганским крестьянам почти в 10 раз больший доход, чем гектар пшеницы. Более того, в ходе антитеррористической операции в Афганистане ни запасы героина, ни мини-заводы по его производству не пострадали.

Деятельность международных террористов во многом преследует целью формирование стабильных каналов наркотрафика из Афганистана через Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан в Россию и далее в Европу. Если раньше контроль над большинством транзитных путей находился в руках транснациональных криминальных групп, то в последние годы значительную роль в осуществлении наркотрафика стали играть группы религиозных экстремистов и международных террористов, для которых наркотики являются серьезным источником финансирования их деятельности.

Эффективное противодействие этим угрозам, решение других задач, связанных с безопасным и устойчивым развитием региона, могут быть обеспечены только при активном участии в процессах ведущих стран мира – США, России, Китая, Индии, а также соседних государств. В данном контексте необходимо отметить, что Узбекистан одним из первых присоединился к международной антитеррористической коалиции и стал практически единственной страной на всем пространстве СНГ, которая уже на начальном этапе антитеррористической операции в Афганистане предоставила коалиции свою инфраструктуру. При этом была выдержана принципиальная позиция республики по двум важным вопросам: не допускалось осуществление наземных боевых операций против Афганистана с территории Узбекистана; не разрешалась реализация бомбово-штурмовых операций с территории республики.

Уже в конце 2001 г. республика предоставила аэродром Термез и открыла мост на узбекско-афганской границе для международных поставок гуманитарных грузов, а также подписала Протокол между Правительством Республики Узбекистан и ООН о содействии поставкам гуманитарной помощи из Узбекистана в Афганистан. Узбекистан поддерживает предложение о вступлении Афганистана в программу ЕС ТРАСЕКА в целях обеспечения эффективной транспортировки гуманитарных грузов из ЕС в Афганистан.

Сегодня Узбекистан активно участвует в реализации гуманитарных программ по оказанию содействия в постконфликтном восстановлении Афганистана, в том числе в различных проектах по реконструкции и развитию автомобильной и железнодорожной инфраструктуры, созданию ирригационной системы, восстановлению нефтегазовой отрасли Афганистана, строительстве жилья и объектов социального назначения. Узбекистаном в целях реконструкции Афганистана было сооружено 11 мостов на участке Мазари-Шариф – Кабул. Кроме того, завершилось строительство высоковольтной линии протяженностью около 442 километров со стороны государственной границы Узбекистана в сторону Кабула, проходящей по территории пяти провинций Афганистана. В дальнейшем планируется, что она будет связана с электроэнергетической системой Узбекистана посредством строительства линии электропередачи от подстанции Сурхан (Узбекистан) до подстанции Хайратон (Афганистан) протяженностью 43 километра. Через эту высоковольтную линию предполагается передача от узбекской энергосистемы на первом этапе 150 МВт, а в перспективе – до 300 МВт мощности. Стоимость проекта составляет свыше 198 млн долларов [1].

Узбекистан оказывает содействие в разработке проекта по строительству железной дороги Термез – Хайратон – Мазари-Шариф, общей стоимостью 150 млн долларов США. При этом техническую и финансовую помощь в подготовке и реализации проекта оказывает Азиатский банк развития. Так, по расчетам, на первом этапе эксплуатации объем грузоперевозок по железной дороге может составить 7 млн тонн ежегодно с последующим увеличением до 20 млн тонн в год [2].

Для обеспечения безопасности и социально-экономического и политического восстановления Афганистана необходима реализация ряда условий. Во-первых, всем странам – в первую очередь, ведущим государствам мирового сообщества – необходимо усилить борьбу с международным терроризмом и урегулировать афганскую проблему. Во-вторых, проблемы безопасности Афганистана должны решаться самими афганцами при содействии государств-партнеров, заинтересованных в окончании войны и стабильном будущем Афганистана. В-третьих, соседние с Афганистаном и другие государства должны оказать афганскому народу экономическую помощь для восстановления экономики и развития инфраструктуры страны.

Библиографический список

1. Акмалов Ш. Саммит ШОС и подходы Узбекистана к урегулированию афганского кризиса / Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/22-06-09.htm>
2. Эргашев Б. Приоритетный Афганистан. У Узбекистана есть что предложить... // Экономическое обозрение. 2009. 21 сент.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

S.G. Sergeev
Foreign Historical Experience
of Extraconstitutional Political
Institutions Projected
onto Modern Russia

The experience of establishment of extraconstitutional political institutions which are not provided by constitutions of foreign states is analyzed. The similarities and differences of Russian and foreign extraconstitutional structures are revealed.

Key words and word-combinations: extraconstitutional political institutions, public administration, political system, constitutionalism.

Анализируется опыт создания политических институтов, не предусмотренных конституциями зарубежных стран. Показаны сходства и отличия российских и зарубежных внеконституционных структур.

Ключевые слова и словосочетания: внеконституционные политические институты, публичное управление, политическая система, конституционализм.

УДК 342.4:34(091)
ББК 67.400.1+67.3

С.Г. Сергеев

ЗАРУБЕЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВНЕКОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ПРОЕКЦИИ НА СОВРЕМЕННУЮ РОССИЮ

В современном политическом мире конституционализм считается явлением демократического порядка [1, с. 63– 64]. Чаще всего это следует понимать в первую очередь как неуклонное следование всеми субъектами предписаниям Основного и иных законов, являющихся зримым, действующим и действенным воплощением права. Наличие конституции при этом воспринимается как некая обязательная и сама собой разумеющаяся норма.

В демократических системах «конституция – это кодекс для государства, правила поведения государства по неотбиранию прав и свобод людей» [2]. Таким образом, ее главное предназначение видится в ограничении

власти государственных институтов по отношению к обществу. В недемократических же системах она часто выступает в какой-то степени «обязательной программой», которую необходимо предъявить *Urbi et Orbi*, но выполнения которой никто всерьез не требует. В первом случае принято говорить о реальной, а во втором – о фиктивной конституции. Но даже в недемократической стране конституция как Основной Закон государства демонстративно и публично определяет два принципиально значимых элемента устройства публично-го управления: властно-политический (природа и характер взаимоотношений власти и подвластных) и властно-структурно-функциональный (устройство и механизмы осуществления властного управления) .

Исторический опыт российского конституционализма убедительно показывает, что фиктивность конституции чаще и очевиднее всего проявляется именно в первом элементе, тогда как второй элемент неизменно оказывается более или менее реальным в соотнесении его с текстом Основного Закона. Об этом свидетельствует прежде всего текущая политика. По крайней мере, система органов государственной власти и поздней Российской империи (1906– 1917) , и, с определенными политологическими допущениями и оговорками, Советской России / СССР (1918– 1993) институционально выстраивалась в соответствии с Основным Законом. То же можно сказать и о Российской Федерации (1993– 2012) .

На таком фоне представляется интересным маркировать и изучить феномен *внеконституционных политических институтов*, формально не предусмотренных Основным Законом государства, но в реальной практике властного управления обществом и государством имеющих весьма важное, а порой и решающее значение.

Основные определяющие признаки и характеристики таковых структур, фиксируемых в современной России, уже были рассмотрены нами [3; 4]. Однако появляется настоятельная необходимость исследовать исторические прецеденты зарубежных внеконституционных институтов, которые могут быть проанализированы в сравнении с современными российскими политическими структурами такого рода. Это позволит сделать необходимые уточнения о природе внеконституционных политических институтов, их эволюции, формах, функциональных особенностях. Несомненно, следует помнить о том, что, «сравнивая различные исторические явления, нередко можно обнаружить их формальное сходство, подобие, но в содержательном отношении они никогда не бывают тождественны, поскольку возникают в иных исторических условиях, в обществе с иным опытом» [5, с. 27].

При отнесении тех или иных институтов к внеконституционным определяющее значение в настоящей работе имеют их публичность и реальная включенность в систему государственного управления.

В контексте рассматриваемой тематики оригинальным, непохожим на других видится опыт Великобритании, которая не имеет писаной, то есть жестко фиксированной конституции и выстраивает национальные институциональные и структурно-функциональные властные практики на основе политического / юридического / управленческого прецедента. В связи с этим говорить о внеконституционности каких-либо политических институтов, учрежденных в этой стране, приходится с известной долей условности.

Созданные в ходе политического процесса, такие «внеконституционные» структуры могли укорениться, легализоваться в процессе государственного управления, стать приемлемыми, привычными и в силу этого вполне конституционными. В другом случае, выполнив возложенные на них функции и исчерпав свой управленческий потенциал, учрежденные институты исчезали. По всей видимости, одним из первых примеров подобного рода выступил наделенный исполнительной властью *Государственный совет*, избранный парламентом в период Английской буржуазной революции середины XVII в.

Более показательным является вариант закрепления в британской конституционной традиции института *Кабинета министров*, выросшего «из возникшего еще при Тюдорах Тайного совета – органа, который официально был призван оказывать монарху содействие в управлении страной» [6, с. 20].

Нечто институционально подобное имелось и в принципиально иных цивилизационных условиях: в относительно недавней истории Японии был известен Гэнро – внеконституционный совещательный орган, состоявший из приближенных к Императору старейших политических деятелей страны [7, с. 63– 64] (помимо Гэнро к внеконституционным, неформальным каналам связи с Императором, позволявшим узаконить в рамках действовавшей Конституции решения, специалисты относят Генеральный штаб и хранителя императорской печати [8, с. 17]). Гэнро давал главе государства рекомендации по назначению премьер-министра и подбору персонального состава Кабинета министров, а также советы по важнейшим политическим вопросам, включая объявление войны и заключение мира. Орган действовал с конца XIX в. и до 1940-х годов, прекратив свое существование естественным образом – со смертью последнего советника. Любопытно, что в современной Великобритании *королевский Тайный совет* сохраняется и поныне – как внеконституционный (в сравнении с Кабинетом министров) политический институт Соединенного Королевства. Это, несомненно, свидетельствует не только о трепетном отношении британской монархии к королевским традициям, но и о востребованности данного образования в национальной системе публичного управления.

Аналогичные по своему значению *Тайные или Исполнительные советы* создаются и в других англосаксонских государствах – Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Все они в своей деятельности ориентированы на исполнительную власть и выполняют контрольные и координирующие функции в системе государственного управления, где занимают положение более высокое, чем рутинные органы. Так, специальный Комитет министров, созданный в середине 1990-х годов для оценки состояния государственного управления Канады, отчеты о своей деятельности направлял именно Тайному совету [9, с. 34].

Британский опыт показывает, что внеконституционные политические структуры могут возникать в качестве временных образований (Государственный совет), но способны закрепиться в системе государственного управления и даже стать конституционными (Кабинет министров). При этом следует отметить такую национальную особенность, как стремление наделить внеконституционные на момент их создания политические институты формальными властными полномочиями. Это отличает исторический британский опыт от совре-

менных российских практик: внеконституционные институты в Российской Федерации юридически не выполняют никаких распорядительно-исполнительных, законодательных или судебных функций.

Институциональное и функциональное подобие британскому Кабинету министров можно обнаружить в другом англосаксонском государстве – США. Практически в самом начале исторического пути этой страны в системе органов управления ею возник *Кабинет*, не предусмотренный Конституцией США. Отметим, что, в отличие от Соединенного Королевства, Соединенные Штаты имеют писаную, то есть жестко фиксирующую систему государственных институтов Конституцию.

По своему статусу Кабинет является совещательным органом, действующим в сфере исполнительной власти США и включающим в себя, помимо президента и вице-президента, отдельных федеральных министров и некоторых других высших федеральных чиновников [10, с. 214]. Хотя потенциально Кабинет способен играть заметную политическую роль уже хотя бы в силу состава его участников, он все же не превратился в полноценное правительство (исполнительную власть) с самостоятельными функциями и значением. По механизмам своей организации и функциональному предназначению данный орган напоминает современный российский *Государственный совет* (внеконституционный политический орган), который призван «содействовать реализации полномочий Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти» [11].

Подобно британскому, американский опыт образования внеконституционных институтов показывает, что структуры могут целенаправленно и вынужденно формироваться как ответ на политически значимый для власти вызов. Так, в годы рузвельтовского «Нового курса» для решения острых социальных и экономических проблем были созданы *Национальная администрация восстановления*, *Корпорация финансирования реконструкции*, *Гражданский корпус охраны природных ресурсов* [12, с. 85– 87], не предусмотренные Конституцией США, но инкорпорированные в систему государственного управления и приобретшие политическое значение в силу сложившихся обстоятельств и характера решаемых ими задач.

Особый интерес в рамках исследования тематики внеконституционных политических институтов, обращенных в область публичного управления, может представлять *Исполнительное управление президента* (ИУП), организованное в соответствии с Актом о реорганизации 1939 г. В эпоху Рузвельта Управление стало важнейшим институциональным нововведением. Так же, как и упомянутый Кабинет, оно не предусмотрено Конституцией США, но играет чрезвычайно значимую роль в системе государственного управления Соединенных Штатов. С момента основания этот институт постоянно расширял сферу своей деятельности, выдвинувшись на одно из центральных мест в системе исполнительной власти. В годы Второй мировой войны в него входило четыре учреждения, в последующем добавилось более десяти. Главными среди них стали Аппарат Белого дома, Административно-бюджетное управление, Национальный совет безопасности, Центральное разведывательное управление, Совет по внутрен-

ней политике, Совет по планированию национальных ресурсов, Совет экономических консультантов.

Таким образом, по организационной структуре Исполнительное управление президента являет собой своеобразный «управленческий холдинг», составные элементы которого охватывают важнейшие сферы деятельности государства и нацелены на обеспечение политического господства президента США в национальной системе разделения властей. Управление разрасталось и расширяло свое влияние по мере укрепления власти главы американского государства [13; 14]. Некоторой аналогией Исполнительному управлению президента США в российской системе можно считать Администрацию Президента РФ, которая хотя и упоминается в Конституции РФ, тем не менее институционально и функционально не проработана в действующем Основном Законе России.

Обусловленное наличием предназначенной к обязательному и неотложному решению политико-управленческой проблемы учреждение внеконституционных структур знакомо и современной Российской Федерации. Например, среди внеконституционных институтов, созданных в новейший период российской истории, особое место занимают *федеральные округа* [15]. От всех прочих рассматриваемых внеконституционных институций их отмечает то, что, они являются территориальными образованиями. Федеральные округа были сформированы ввиду необходимости решения политических задач усиления управленческого влияния Центра на субъекты Федерации. В связи с этим, на наш взгляд, особый интерес в сравнительном аспекте представляет опыт Франции.

Хотя в отличие от России Франция – не федеративное государство, но в ее недавней истории можно отметить создание института, весьма схожего с российскими федеральными округами. В начале 1980-х годов во Французской Республике появились *регионы* – крупные территориальные единицы, обладающие ресурсами и организационно-управленческими возможностями, необходимыми для осуществления крупных правительственных программ [6, с. 268]. Администрация региона возглавляется комиссаром республики, в функциях которого несложно обнаружить аналогию с полпредами Президента РФ в федеральных округах.

Небезынтесным представляется сходство некоторых управленческих практик, применяемых во французских регионах и российских федеральных округах. В частности, координация деятельности французских префектур (административно-территориальных единиц) по реализации региональных (государственных) программ осуществляется через *административную конференцию региона*, в состав которой входят местные префекты и другие руководители. В российском случае имеется некое подобие в виде *советов при полномочном представителе*, куда включены высшие должностные лица субъектов РФ и руководители федеральных силовых и гражданских структур, расположенных в федеральном округе. Такой Совет имеется в каждом федеральном округе и возглавляется полномочным представителем Президента РФ.

Таким образом, внеконституционные институты могут быть организованы на различных уровнях публичного управления: общенациональном – субрегиональном / региональном – внутрирегиональном / муниципальном. Кроме того,

они способны «калькироваться» на этих этажах власти, повторяя друг друга в организационно-функциональном и структурно-представительском отношении. Например, российский Государственный Совет копируется в федеральном округе как Совет при полномочном представителе Президента РФ, который, в свою очередь, в субъекте Федерации повторяется в организационно-институциональной форме регионального *Совета муниципальных образований*. И это не является отечественным административным «изобретением», подтверждением чему служит опыт французских государственных – региональных – муниципальных структур.

Нечто подобное российским федеральным округам и французским регионам можно обнаружить в хронологически более раннем опыте территориального деления послевоенной Германии. В 1952 г. пять земель, существовавших на восточных территориях, во внеконституционном порядке были трансформированы в 14 *административных округов* ГДР. Тем самым согласно закону «О дальнейшей демократизации структур и процедур государственной власти в землях ГДР» утверждалась унитарная территориальная организация немецкого социалистического государства [16, с. 23].

В целом соответствующий по тематике исторический материал авторитарных / тоталитарных государств имеет несомненный интерес для нашего исследования. Его осмысление позволит сформировать некоторые прогностические суждения, в совокупности своей способствующие составлению обоснованного представления о рисках и угрозах появления и закрепления в политической системе Российской Федерации недемократических по своему характеру внеконституционных политических институтов.

Как известно, конституционное устройство не чуждо тоталитарным государствам. Тем более важной является фиксация того обстоятельства, что и в таких системах, где власти ничего не стоило создать и на конституционном уровне узаконить любые необходимые ей институты, отмечаются примеры существования внеконституционных политических институтов.

Достаточно продуктивным для углубления тематики внеконституционных политических институтов представляется рассмотрение опыта Италии 1920–1930-х годов.

Высший орган правящей партии – *Большой фашистский совет* – не был предусмотрен Конституцией итальянского государства, тем не менее в его властных прерогативах не сомневался ни один из политических субъектов того периода. Именно этот институт осуществлял стратегическое управление жизнью государства и общества, принимал программы развития и наиболее важные решения. Положение Совета в реальной системе власти было таково, что даже парламент стал формироваться не путем выборов, а назначением списка кандидатур, предложенных высшим партийным органом [6, с. 294]. Заметим, что в «сталинском» Советском Союзе выборы депутатов Верховного Совета осуществлялись все же на принципах всеобщего и прямого избирательного права.

Важная роль в Италии была отведена *Национальному совету корпораций*, который приобрел важное политическое значение, поскольку в стране целенаправленно строилось корпоративное государство. Система корпораций, подразу-

мевающих организационные формы сотрудничества предпринимателей и трудящихся, пронизывала весь социально-экономический организм итальянского государства. Корпорации являлись объединениями, созданными по отраслевому принципу. Они рассматривались в качестве социального ядра государства.

Несколько позже достаточно интересный и заметно схожий с итальянским опыт общественно-политической корпоративности демонстрировали популистские режимы Латинской Америки середины XX в. Суть латиноамериканского корпоративизма заключалась в попытках путем активного государственного вмешательства в жизнь социума интегрировать общество «сверху», для чего использовалась целая сеть государственных и полугосударственных организаций, реализующих активную социальную и перераспределительную политику, определяемую властью [17, с. 8]. Стоит заметить, что в современной России эксперты находят некоторые институциональные аналогии. Например, идея Общероссийского народного фронта сравнивается с корпоративным государством итальянского фашизма и / или Национальным фронтом ГДР [18]. В целом же тематика корпоративного государства в настоящее время весьма заметна в российской политической науке, профессиональный дискурс явно обнаруживает исследовательский интерес, идущий в данном направлении.

Вряд ли стоит полагать, что современные российские корпоративные структуры претендуют на политические позиции, аналогичные итальянским корпорациям 1920– 1930-х годов. Тем не менее объективный анализ соответствующих российских форм в срезе изучения внеконституционных институтов может обнаружить тенденции, несущие опасности для демократического конституционного устройства Российской Федерации.

Италия демонстрирует, пожалуй, самый показательный пример трансформации внеконституционного политического института в конституционный. Так, с 1907 г. функционирует *Высший совет магистратуры*, имеющий непосредственное отношение к судебной власти и государственной службе. Будучи первоначально внеконституционным органом, в настоящее время этот важный институт регулируется нормами действующей Конституции Итальянской Республики 1947 г. [19]. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от похожего случая, связанного со статусным изменением формального юридического положения британского Кабинета министров здесь речь идет о «перереформировании» статуса института из внеконституционного в конституционный, произведенном в рамках писаной Конституции.

Другим весьма показательным примером европейского государства, имеющего относительно недавний и вполне проецирующийся на современную Российскую Федерацию опыт институциональной внеконституционности, служит Греция.

В 1967– 1974 гг. в этой стране был установлен военно-политический «режим «черных полковников»» якобы во исполнение 91-й статьи действовавшей Конституции Королевства Греция 1952 г. Хотя Конституция не отменялась и Греция формально продолжала считаться демократическим государством, для политической и юридической легитимации новой власти требовалось провести соответствующие изменения в системе публичного управления.

Так же, как в фашистской Италии и латиноамериканских государствах, по-

литическая доктрина установившегося режима основывалась на принципах корпоративизма. Греческие военные, взявшие реальную власть в свои руки, не собирались ликвидировать монархическую форму правления и гражданское правительство, однако они не могли реализовывать свою волю через обычные конституционные институты. Именно поэтому нужно было создать целый набор новых, параллельных уже существовавшим и во многом с ними функционально пересекающихся, внеконституционных структур.

Таковыми образованиями стали Консультативный совет и Консультативная национальная ассамблея. Помимо этого, в административно-территориальное деление Греции был введен новый элемент, способствующий установлению греческой военно-политической модели «вертикали власти», – военные округа, и стратегически наиболее значимые области страны территориально взаимодействовали с административными единицами [20] (заметим, созданные в 2000 г. федеральные округа в России территориально практически повторяли «нарезку» действовавших на тот момент военных округов) .

Консультативный совет, который противники режима прозвали «гарнизонной декорацией», считался «малым парламентом». Он формировался путем косвенных выборов: чуть более 900 его членов избирались почти 11 тыс. выборщиков (главным образом мэрами, муниципальными чиновниками, представителями официальных профсоюзов, которые фактически назначались военным руководством страны) . По своему предназначению Консультативный совет должен был функционировать в качестве представительного и совещательного органа, способного, в случае необходимости, выполнить законотворческие функции. Логическим развитием Консультативного совета стала Консультативная национальная ассамблея. Этот внеконституционный политический орган предназначался для выработки рекомендаций греческому гражданскому правительству по конкретным законопроектам и «контроля политики посредством запросов».

Заметим, что в некоторых аспектах Общественная палата и Государственный Совет Российской Федерации имеют черты, качественно сходные с описанными внеконституционными структурами. В частности, и анализируемые греческие, и современные отечественные внеконституционные образования, выполняющие роль квазипредставительных политических институтов, по сути являются не альтернативой, а отрицанием идеи народного представительства. В лучшем – «умеренном» – случае они своеобразно «дополняют» конституционное представительство, воплощенное в непременно политически «санитарованном» парламенте страны. В худшем – нивелируют парламентаризм как явление демократического порядка, низводя его до формального институционального признака «конституционной» (в греческом) или же «суверенной» (в российском варианте) демократии».

Тем не менее отличие современных отечественных внеконституционных политических институтов от рассмотренных греческих состоит в том, что российские структуры легитимизированы в политическом отношении и легализованы – в юридическом. Иначе говоря, они, во-первых, признаны как основными политическими субъектами (органами публичной власти и их должностными лицами, государственными и политическими деятелями, политическими

лидерами, партиями и общественно-политическими движениями) , так и большей частью общества, а во-вторых, урегулированы законами или подзаконными актами, впрочем оставаясь при этом вне действующей Конституции РФ.

Процессуальная сторона развития внеконституционности на национальной почве достаточно показательно проявляется на материале послевоенного Китая. Здесь, как и во многих других социалистических государствах, наряду с установленными конституциями и законами этих стран, присутствовали и в определенном смысле политически доминировали внеконституционные институциональные формы организации власти и публичного управления. Особенностью Китая конца 1950– 1960-х годов стало сравнительно заметное самостоятельное политическое влияние Национально-освободительной армии (как Главного командования, так и командующих военными группировками и армиями в провинциях) и спецслужб на осуществление внутренней политики вообще и на содержание административно-управленческих технологий в частности.

В результате проведенных «социалистических» преобразований и «культурной революции», как посчитал «Великий кормчий Мао», в Китае победил социализм, что требовалось оформить путем принятия новой Конституции (1975 г.) . В этом скорее идейно-политическом, чем юридическом документе не только фиксировались сложившиеся в стране общественные реалии, но и закреплялись ранее внеконституционные по своему характеру институциональные комплексы.

В частности, на Национально-освободительную армию Китая и народное ополчение возлагалось большинство государственных и даже хозяйственных функций, значительно урезались полномочия Всекитайского собрания народных представителей – за ним фактически оставлялось только право назначения премьер-министра Государственного совета, который превращался в важнейший институт власти. Сам парламент социалистического Китая формировался не выборным путем, а на основе «широких демократических консультаций», которые на деле являли собой не что иное, как партийное назначение. «Низовой» парламентаризм тоже фактически ликвидировался – собрания народных представителей на местах формально сохранялись, но реально не существовали. Управленческие функции и имеющиеся ресурсы переходили в руки революционных комитетов (контролировались военными комитетами провинций и органов безопасности) , которые осуществляли в том числе судопроизводство [21]. В данном случае значительная часть того, что было внеконституционным по Конституции 1954 г., по Конституции 1975 г. узаконивалось на высшем уровне и приобретало новое качество.

Следовательно, внеконституционность в своем пределе может завершаться утверждением новой – иной – конституционности: происходит легализация и затем легитимация нового конституционного порядка. Отсюда можно сделать вывод, что конституционализм представляет собой не застывшее, а более или менее динамичное явление. К тому же, на наш взгляд, политический конституционализм оказывается более гибким и пластичным, чем конституционализм юридический. Данный вывод подтверждается развитием политического процесса в Китае: уже в 1978 г. на смену Конституции 1975 г. пришла новая Конституция Китая, которая вернула многие институты, например Всекитайс-

кое собрание народных представителей и ревкомы, в прежнее состояние, соответствующее нормам Конституции 1954 г. Однако и Конституция 1978 г. вскоре (1979– 1980 гг.) подверглась значительным изменениям, став в конечном счете фундаментальной политико-правовой базой, на которой предстояло развиваться «китайскому чуду».

Стремление сначала сформировать внеконституционные политические институты, а затем превратить их в конституционные обнаруживается и в текущих условиях. Подтверждением этому служит современный Кыргызстан, где в 1992– 2005 гг. «утвердились внеконституционные институты управления» [22], в основе которых лежал кланово-семейный способ организации власти. Но и после «революции тюльпанов» идеи институционализированной внеконституционности не потеряли своей политической актуальности. Весной 2011 г. внесистемная оппозиция, претендующая, как минимум, на участие во власти, объявила курс на создание внеконституционного органа – курултая. Ее лидер А. Джекшенкулов не только стал главой республиканского комитета по проведению общенародного курултая, но и потребовал внести изменения в Конституцию республики, чтобы закрепить статус курултая в качестве «генератора народного интереса» [23].

Пример Кыргызстана не единичен и не относится к числу исключительных случаев, обусловленных цивилизационной (здесь: азиатской) спецификой. Неформальные общественно-политические структуры, несущие в себе существенный институциональный и функциональный потенциал внеконституционности возникали в ряде европейских стран в период их демократического транзита конца 1980-х – начала 1990-х годов. Так, в уже самостоятельной и пока еще единой Чехо-Словакии действовал потенциально внеконституционный политический орган – Моравский гражданский парламент, рабочие группы которого «вели активный диалог с официальными представителями Словакии, чешского парламента и правительства», а уже после разделения Чехословацкого государства и обретения Словакией государственного суверенитета в ней было образовано такое же по характеру внеконституционное «Временное правительство русинов», институционально воплощавшее в себе требование создать «независимое Русинское государство» [24, с. 216– 217, 266].

В силу ситуативно складывавшихся обстоятельств ни Моравский гражданский парламент, ни Временное правительство русинов не превратились в полноценные словацкие внеконституционные политические институты, а были лишь временными «параллельными» структурами, не сумевшими трансформироваться в органы публичной власти моравского и соответственно русинского государств в случае оформления таковых. Но само по себе одно только лишь их учреждение наглядно показывает, какие риски несут внеконституционные образования: они потенциально способны возложить на себя властные / управленческие функции, отведенные конституционным институтам, порождая, углубляя или же, напротив, разрешая (путем изменения общественно-политического строя) конституционный кризис.

Разновременное в хронологическом и широкое в географическом отношении распространение внеконституционных политических институтов, ориен-

тированных в сферу публичного управления, свидетельствует о том, что они не являются только лишь российским явлением, проявившимся в специфических условиях становления новой государственности. Внеконституционные структуры различных стран демонстрируют близость черт и политических смыслов, транслируемых ими.

В то же время, при всей схожести современных отечественных и исторически зафиксированных зарубежных образований подобного рода, зарождение и генезис внеконституционных институтов происходят не по причине их заимствования у других государств, а в силу сложившихся внутренних национальных потребностей в организации институциональной подсистемы. Имеющиеся зарубежные образцы таковых, в отличие от модельных конституционных институтов, не переносятся на российскую почву, но могут быть востребованы как прошедшие апробацию структуры, повышающие ресурсоемкость власти в области публичного управления.

Библиографический список

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998.
2. Третьяков В.Т. Господин Жириновский Конституцию одобрил // Независ. газ. 1993. 30 июня.
3. Сергеев С.Г. Внеконституционные политические институты: правовой феномен и политическая реальность // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2009. № 4 (21).
4. Отчет о заседании Саратовского РО РАПН, 19 янв. 2010 г.: докл. С.Г. Сергеева. URL: <http://www.garh.ru/?grup=69&doc=3036>
5. Каменский А.Б. Взгляд на историю местного управления // Полис. 2000. № 5.
6. Пронкин С.В., Петрунина О.Е. Государственное управление зарубежных стран. М., 2001.
7. Большая советская энциклопедия. М., 1968–1978.
8. Жучкова С.М. Внутриполитическое развитие Японии в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2000.
9. Повышение эффективности деятельности органов государственной власти: подходы к проведению административной реформы в Российской Федерации / Е. Добролюбова, Н. Маннинг, Н. Парисон [и др.]. М., 2005.
10. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 1996.
11. О Государственном Совете Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 сент. 2000 г. № 1602 (в ред. от 10 авг. 2012 г.) // СЗ РФ. 2000. № 36. Ст. 3633; 2012. № 33. Ст. 4632.
12. Паренти М. Демократия для избранных: Настольная книга о политических играх США / пер. с англ. изд. В. Горбатко 7-е. М., 2006.
13. Мишин А.А. Государственное право США. М., 1976.
14. Политические институты США: история и современность. М., 1988.
15. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 (в ред. от 7 сент. 2010 г.) // СЗ РФ. 2000. № 20. Ст. 2112; 2010. № 37. Ст. 4643.
16. Klatt H. German Unification and the Federal System // German Politics. 1992. Vol. 1, № 3.
17. Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России и Латинской Америке // Общественные науки и современность. 2001. № 6.
18. Ефменова А. Народный фронт отрешивается от «Единой России» // Деловой Петербург. 2012. 17 янв.
19. Конституция Итальянской Республики / пер. с итал. Л.П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М., 1997.
20. Улуян А. Имитационная модель: уроки греческого эксперимента // Апология. 2005. № 7(7).

21. Деформация государственной системы периода «культурной революции». URL: <http://isfic.info/urhis3/teris56/>
22. Манифест общественного движения «За справедливость» // Лица. 2008. 30 окт.
23. День 26 мая: Киммо не будет: сообщение CA-NEWS – центральноазиатской новостной службы (Казахстан). URL: <http://thenews.kz/2011/05/26/828876/>
24. Поляков В.М. Воспоминания дипломата исчезнувшей страны. Саратов, 2012.

Sh.M. Khautiev
Evolution of Regional Political
Regime: Characteristics
of Crisis Development
(by the Example of Ulyanovsk
Region in 2000–2004)

The nature of regional political regime by the example of Ulyanovsk region is analyzed. The crisis stage of the political institution evolution in conditions of uncertainty is studied.

Key words and word-combinations: political regime, regional elite, political uncertainty, group egoisms.

Анализируется природа регионального политического режима на примере Ульяновской области. Исследуется кризисный этап эволюции политического режима в условиях неопределенности.

Ключевые слова и словосочетания: политический режим, региональная элита, политическая неопределенность, групповые эгоизмы.

УДК 32.01(470.42)
ББК 66.04(235.54)

Ш.М. Хаутиев

**ЭВОЛЮЦИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА:
ХАРАКТЕРИСТИКИ
КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ
(на примере
Ульяновской области,
2000– 2004)**

В современных общественных науках существует большое разнообразие подходов к оценке политического режима. С учетом этого представляется правильным рассматривать политический режим как совокупность средств и методов, с помощью которых правящие элиты осуществляют экономическую, политическую, идеологическую власть в том или ином сообществе. На наш взгляд, политический режим отражает динамические и переходные характеристики власти и этим он отличается от политической системы.

Поскольку Россия является федеративным государством, применительно к ней следует говорить об общенациональном и региональных политических режимах. Одной из особенностей последних выступает их неопределенность [1].

На примере Ульяновской области можно не только проанализировать особенности при-

роды регионального политического режима, но и показать его развитие. В центре нашего исследования находится правление губернатора Владимира Шаманова (2000–2004).

Именно период губернаторства В. Шаманова содержит, на наш взгляд, наиболее убедительное опровержение «транзитологического» объяснения постсоветских политических трансформаций [2]. По своему хронопризнаку оно отличается тем, что в своем четырехлетнем измерении существовало после затяжного восьмилетнего губернаторства Ю. Горячева (1992–2000) и предшествовало столь же затянувшемуся восьмилетнему правлению нынешнего губернатора С. Морозова (2004–2012). Внешне это был наиболее кризисный этап эволюции регионального политического режима в условиях неопределенности.

К концу 1990-х годов региональный политический режим губернатора Ю. Горячева фактически изжил себя. Данный процесс шел параллельно с деградацией режима личной власти Президента РФ Б. Ельцина, к которому пытался приспособиться локальный режим ульяновского губернатора. Нетворческий характер и того и другого политического режима породили в центре и в регионе запрос на кардинальные перемены.

Под воздействием общественных настроений влиятельные участники ульяновского политического процесса пришли к выводу о том, что «оккупация» региона внешними силами была бы предпочтительнее продолжения «горячевского» правления. Как отмечают российские политологи, согласно этому сценарию сильная личность со стороны смогла бы освободить поле для реализации необходимых преобразований, а окружение «варяга» – устранить тесно спаянную горячевскую команду, плотно контролировавшую местные власть и ресурсы [3]. Данное убеждение возникало как реакция на чувство отчаяния местной антигорячевской оппозиции из-за отсутствия в ее собственных рядах мощной фигуры, способной бросить вызов длительному времени существовавшему региональному политическому режиму.

Надежды на перемены дало инициированное федеральным центром появление в качестве кандидата на пост губернатора Ульяновской области генерала ВДВ В. Шаманова – «отца-командира» и героя второй (успешной) чеченской войны. В итоге был сформирован «антигорячевский» альянс из представителей местной политической оппозиции и влиятельных пришлых политиков. На фоне общественной усталости от примелькавшегося Ю. Горячева В. Шаманов должен был в массовом сознании играть роль «системного положительного героя».

Сложившаяся «антигорячевская» предвыборная коалиция, ориентированная на смену власти, смогла навязать успешный сценарий «опрокидывающих» выборов. Губернаторские выборы в Ульяновской области, которые в декабре 2000 г. прошли при впечатляющей 70%-й явке избирателей, с большим перевесом выиграл В. Шаманов. Он набрал 56,25% голосов, в то время как прежний глава региона – лишь 23,48%.

Еще более впечатляющими для судьбы Ульяновского региона, чем результаты самих выборов, оказались перемены, которые они за собой принесли. В область не просто пришел новый губернатор со своей командой – как оказалось позднее, эти выборы привели к полной дезорганизации прежней конфигурации политических субъектов и интересов в регионе.

В Ульяновске не произошло взаимной адаптации пришлых и местных действующих лиц, составивших прежде выигрышную коалицию, сумевшую сместить Ю. Горячева. Началась колонизация области сторонними силами в самой вызывающей манере и без всякого учета местных интересов. Новое для региона окружение теперь уже губернатора В. Шаманова заявило о своих претензиях на местные ресурсы и контроль над ключевыми властными позициями. «Варяги-победители», пришедшие к власти, приступили к разделу ресурсов и должностей, не нуждаясь при этом в установлении функционального альянса с местными политиками и общественностью. В итоге местные политические и хозяйственные элиты подверглись быстрой маргинализации, а коалиция «пришлых» либо разрушила, либо приспособила к своим нуждам доставшиеся им в наследство от «горячевского» режима институты [3, с. 287].

Новые заместители и советники В. Шаманова не были укоренены в региональную политическую и социальную почву и выступили полной противоположностью горячевской элите, сформированной в свое время по чисто местническо-земляческому принципу.

Ситуация отягощалась тем, что изначально в администрации нового губернатора действовало пять группировок. Первая – так называемая «армейская» группа – состояла из боевых друзей губернатора-генерала. Вторую – «самарскую» группу – составляли выходцы из Самары, курировавшие вопросы промышленности, транспорта и энергетики. Третья часть шамановской администрации – московско-клинская группировка, иначе именованная «михалковской» – по имени известного режиссера Никиты Михалкова, который поддерживал генерала на выборах и, имея в Ульяновской области свои интересы, пролоббировал назначение своих людей. Данная группа оказалась самой агрессивной и впоследствии сумела вытеснить конкурентов в деле захвата региональной собственности. Четвертая – «курская» группа – получила такое название потому, что ее ведущие представители в свое время работали в администрации бывшего курского губернатора Александра Руцкого, тоже генерала, как и Шаманов. Пятая часть администрации В. Шаманова – «местная» – включала в себя нескольких ульяновских политиков и управленцев.

Единые кадровые критерии при формировании администрации области отсутствовали. Как следствие, не состоялось и создание единой губернаторской команды. Результатом такого способа формирования областной администрации стало отсутствие сколь-нибудь целостной региональной экономической политики.

Как и следовало ожидать, пренебрежение принципом преемственности власти и приход в нее столь разнородных и весьма циничных «победителей» не оставляли шансов на взаимопонимание между различными фракциями губернаторского окружения. Окологубернаторские группировки изначально были настроены на монопольное властвование, что исключало всякую возможность внутрикорпоративного сотрудничества в окружении губернатора. Каждая группа защищала собственные эгоистические интересы.

С течением времени ситуация в лагере «победителей» обострилась, началась борьба заместителей губернатора за право курировать региональные предприятия и финансовые потоки. Часть чиновников из губернаторского окружения

оказались вовлеченными в различные махинации и борьбу за ресурсы. Происходил откровенный передел региональной собственности, который не подвергался никакому контролю в соответствии с какими-либо демократическими процедурами. Губернатор попустительствовал соперничающим группам, не гнушавшимся ни насилия, ни воровства в борьбе за захват общественного богатства. Погоня за скорым обогащением различных групп администрации Шаманова потрясла Ульяновскую область.

Областная администрация представляла собой шаткое нагромождение соперничающих между собой представителей органов с неясной иерархией управления, лоббирующих противоположные интересы и обращающих мало внимания на общие региональные цели. Под прикрытием губернатора-«героя» формировалась своего рода «колониальная» администрация, пытавшаяся обеспечить отток из региона экономических ресурсов и активов прибыльных предприятий [4, с. 267].

Сложившаяся ситуация показала неспособность В. Шаманова контролировать свое ближайшее окружение, которое к тому же оказалось весьма нестабильным. Всего за два первых года его губернаторства в администрации области сменилось восемь заместителей, два начальника управлений, руководитель пресс-службы и представитель в федеральном правительстве.

Указанные события поставили под серьезное сомнение эффективность В. Шаманова как лидера, вызвав особое разочарование тех, кто поддержал генерала на губернаторских выборах в 2000 г. Только за первые полтора года правления его личный рейтинг упал с 60 до 30%. Установившийся региональный политический режим фактически оказался вне имеющихся институтов, не давая им приобрести стабильные и зрелые формы. Это был классический пример того, как региональная политика замыкалась внутри самого режима, игнорируя взаимосвязь с обществом и, тем самым, создавая угрозу самой губернаторской власти. В силу данных причин вырождение режима началось раньше бесславного ухода генерала В. Шаманова из Ульяновска в конце 2004 г. по истечении губернаторского срока.

За период губернаторства В. Шаманова Ульяновская область в концентрированном виде пережила то, что остальная Россия испытала за все 1990-е годы. Произошла ломка сложившегося в регионе социально-экономического и политического уклада. Анализ показывает, на наш взгляд, что в отношении постсоветской эволюции неуместно ставить вопрос о несовершенной демократии (полуавторитаризм, гибридный режим и т.д.), стремящейся к совершенствованию в направлении демократической консолидации. Содержание посткоммунистических десятилетий свидетельствует не о переходе (хотя и неполном) к свободному рынку и демократии, а о ситуации, в рамках которой политические игроки ориентированы отнюдь не на реализацию демократического проекта с помощью консолидации региональных элит. Скорее, речь идет о режиме, чьи элитные группы вполне устраивает положение затянувшегося переходного периода с его политической неопределенностью.

Библиографический список

1. McAuley M. Russia's Politics of Uncertainty. Cambridge Univ. Press, 1997.

2. Кузнецов И.И. Парадигма транзитологии (плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода) // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5.

3. Магомедов А.К., Кириченко М.М. От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия (на примере Ульяновской области и Краснодарского края) // *Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная: сб. статей / под ред. К. Маццато*. М., 2004.

4. Магомедов А.К. Три возраста новейшей ульяновской политической истории: политический патронат взамен партийной традиции // *Российский парламентаризм: история и современность: мат-лы науч.-практ. конф., посвященной 10-летию Законодательного Собрания Ульяновской области*. Ульяновск, 2005.

O.V. Taratun
Mechanisms of Forecasting
Social and Political Conflicts
in the Saratov Region

The processes of forming political ideologies under the influence of society's dominant ideas about social justice are analyzed. The reflection of the ideas of social justice in public perception by the population of the Saratov Region is researched.

Key words and word-combinations: social justice, political ideas, ideologies.

Анализируются процессы формирования политических идеологий под влиянием доминирующих в обществе представлений о социальной справедливости. Исследуется отражение идей социальной справедливости в общественном восприятии населения Саратовской области.

Ключевые слова и словосочетания: социальная справедливость, политические идеи, идеологии.

УДК 323.23(470.44) :316.334.52(470.44)
ББК 66.3(0) .133(235.54) +60.6(235.54)

О.В. Таратун

МЕХАНИЗМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В САРАТОВСКОМ РЕГИОНЕ

Несмотря на более чем десятилетний период социальной стабильности, в российском обществе продолжают тлеть очаги конфликтов. В значительной мере они связаны с господствующими массовыми представлениями о социальной справедливости / несправедливости. При этом понимание и толкование справедливости и несправедливости в социуме различается как в разных социальных слоях общества, так и в разных регионах или территориальных общностях.

Представления о социальной справедливости динамичны и существенным образом меняются с течением даже исторически короткого времени. Проблемы, которые еще совсем недавно выступали несущественными на уровне массового сознания, вдруг в настоящий момент становятся актуальными и могут оказаться источником конфликта или даже социального взрыва.

Конфликтогенные риски в немалой степени усиливаются тем, что Россия является страной с чрезвычайно разнообразными условиями проживания граждан в различных ее регионах. По этой причине эмпирические исследования социально-политических проблем регионального уровня сохраняют свою теоретическую и практическую значимость.

Эмпирический анализ вместе с теоретическими исследованиями региональной проблематики служит основой социально-политического прогнозирования положения регионов и социума в целом. В частности, эмпирические исследования массовых представлений о социальной справедливости / несправедливости на уровне региона позволяют оценить настроения электората, угрозы и вызовы управленческим и властным структурам, прогнозировать динамику социального и политического развития, а также конфликты и степень социальной напряженности.

С позиций системного подхода регион рассматривается как целостная система, состоящая из взаимосвязанной совокупности элементов политической, экономической, культурной жизни. Одним из первых в отечественной социологии использовать системный подход к проблемам регионоведения стал Н.А. Аитов, понимающий регион как системную социально-территориальную общность, характеризующаяся единством экономической, политической и духовной жизни [1].

Наше эмпирическое исследование проводилось с целью установить преобладающие в Саратовской области массовые интерпретации понятий «социальная справедливость» и «социальная несправедливость», определить отношение жителей к социально-политической ситуации в контексте их понимания социальной справедливости; выявить социально-политические факты, процессы и состояния, которые большинством населения области расцениваются как «социально несправедливые»; оценить уровень социальной напряженности в регионе и вероятность локальных социально-политических конфликтов.

Всего было опрошено 1470 человек, проживающих в областном центре – Саратове, районных центрах области – Балакове, Балашове, Вольске, Ершове, Пугачеве, Хвалынске, а также в районных населенных пунктах численностью от 10 тыс. человек. 45% респондентов постоянно проживают в Саратове, 38% – в райцентрах Саратовской области, остальные – в селах и малых городах Саратовской области (численностью более 10 тыс. чел.) . Выборка – случайная, бесповторная, репрезентативная по полу, возрасту, месту проживания, уровню образования. Мужчины составили 46%, женщины – 54%, молодежь в возрасте до 30 лет – 15%, лица от 31 года до 50 лет – 53%, старше 51 года – 42%.

Свое материальное положение 17% респондентов характеризуют как хорошее; 1,5% – как «очень хорошее», 48% – как «среднее»; 14% – как «плохое» и 7% – как «очень плохое». Жители Саратова в целом оценивают свое материальное положение выше, чем жители области.

Политические предпочтения опрошенных таковы: на последних выборах в Государственную Думу РФ (по самооценке) около 49% голосовали за «Единую Россию», 21% – за КПРФ, 7,5% – за ЛДПР; 9,5% – за «Справедливую Россию»; 4,5% – за «Яблоко»; остальные затруднились ответить.

Полученные данные показали, что «столкновение с несправедливостью» – это обычная часть жизни большинства опрошенных (65% респондентов) . Только

11% считают, что «мир устроен справедливо; если есть что-то плохое – значит, мы этого заслужили». Лично сталкиваются с несправедливостью «часто» и «очень часто – почти каждый день» 38% респондентов, «иногда» – 21%, «редко» и «очень редко» – 9,5%.

Таким образом, опираясь на результаты опроса, можно предположить, что вероятность локальных социально-политических конфликтов в регионе невелика. Разные группы населения неодинаково относятся к социальным изменениям, к вызовам истории, но это, как отмечает Н.Ф. Наумова, результат незавершенной, рецидивирующей модернизации [2].

На вопрос «Как вы считаете, несправедливости за последние 10 лет стало больше или меньше?» 57% респондентов ответили – «больше», 15% – «ничего не изменилось» и только 11% отметили, что несправедливости стало меньше. Обращает на себя внимание тот факт, что последние относятся к молодым возрастным группам (почти все они не старше 30 лет) , то есть база социального опыта, опираясь на которую они могут формулировать свои сравнительные выводы, у них невелика. На вопрос «Как вы считаете, какое общество устроено более справедливо – современное российское общество или СССР?» подавляющее большинство (69%) ответили: «СССР». Так считают даже многие молодые респонденты (38% от общего числа респондентов моложе 29 лет) .

Современную ситуацию в регионе большая часть опрошенных считает социально несправедливой. В целом как справедливую ее оценивают только 14% респондентов, в целом как несправедливую – 38%. Высок процент тех, кто затруднился ответить на этот вопрос (21%) .

На вопрос «Как вы считаете, возможно ли в ближайшем будущем в России достичь социальной справедливости?» «Да, конечно», – ответили только 2%; 13% считают, что в ближайшем будущем – невозможно, но в отдаленном будущем – конечно»; 14% – «нет, невозможно, социальная справедливость – это утопия, сказка» (остальные затруднились с ответом) .

58% респондентов полагают, что современная система госуправления устроена несправедливо, и только 34% утверждают, что справедливо. 65% считают, что региональное и местное управление в их регионе устроено несправедливо, и только 31% – что справедливо.

При этом необходимо отметить, что жители областного центра чаще сталкиваются с несправедливостью по отношению к себе, но вместе с тем они имеют и больше возможностей по устранению несправедливости. В районных центрах у людей, по их самооценке, также сравнительно больше шансов на устранение несправедливости, чем у жителей села.

На вопрос «Как вы считаете, что необходимо, чтобы общество было более справедливым?» большинство (29%) выбрали вариант «изменений не нужно, а то будет еще хуже» вариант «политические изменения – больше демократии, вернуть выборность губернаторов, дать больше свободы СМИ» – 26,5%; «политические изменения – нужно больше порядка, федеральные и местные власти должны усиливать свой контроль за экономикой, создавать рабочие места» – 26%. Вариант ответа «изменений не нужно, общество и так движется в правильном направлении» предпочли всего 5,3% респондентов.

76% респондентов определяют свое экономическое и финансовое положение как несправедливое, и только 32% считают, что несправедливо их политическое положение.

Таким образом, представления о социальной справедливости или несправедливости не носят в социуме гомогенного характера. Они достаточно существенно дифференцированы в различных социальных группах и слоях, а также по регионам. На представления людей о социальной справедливости оказывают влияние как экономические и демографические факторы, так и этнические и культурные особенности.

В случае столкновения с несправедливостью многие (21,5%) предпочитают «ничего не предпринимать, так как все равно ничего не добьешься»; 20% готовы «обращаться в суд», 11,3% – «писать жалобу губернатору или сразу президенту» и столько же – решать проблему через «родственников и знакомых». Следует отметить, что «обращаться в суд» предпочитают респонденты, проживающие в областном центре (Саратове) , а жители малых городов считают за лучшее «ничего не предпринимать, так как все равно ничего не добьешься» (см. табл.) .

**Распределение ответов на вопрос
«Если к вам относятся несправедливо, ущемляют ваши права,
то куда вы будете обращаться за восстановлением справедливости?»
(можно отметить до 3 пунктов)**

	В суд	К родственникам, знакомым	Писать жалобу губернатору или сразу президенту	Не буду проявлять особой активности, все равно ничего не добьешься	Затрудняюсь ответить
Жители Саратова	21%	11,5%	11%	11,5%	18%
Жители районных центров	13%	15,00%	13%	22%	27%
Жители малых городов, сел	9%	10%	10%	31%	21%
Средний показатель	20,1%	12%	11,3%	21,5%	22%

Оценивая свое личное положение как социально несправедливое, большинство респондентов все же не склонны предпринимать определенные меры для коренного изменения ситуации. В целом политическая ситуация в Саратовском регионе может быть расценена как спокойная, поскольку большая часть жителей – не сторонники каких-либо радикальных действий.

На вопрос «Должно ли государство помогать безработным?» 70% респондентов ответили положительно (58% – «да, конечно»; 12% – «да, но в не-

больших пределах») и только 4,5% – отрицательно («нет, люди сами должны о себе заботиться») . 56% опрошенных считают, что государство должно обеспечивать всех бесплатной медициной; ответ «только бедных» дали 12%; ответ «расходы на медицину должны покрывать частные страховые компании» – 5,5%. На вопрос, должно ли государство обеспечивать всем бесплатное образование, «да, конечно» – ответили 48%; «богатые должны сами оплачивать свое образование» – 16%; ответ «все люди сами должны заботиться об образовании – своим или своих детей» выбрали 11%.

Большая часть респондентов предпочли бы работать в госсекторе (52%) , и только 15% – в частных фирмах, но при этом 21% отметили, что хотели бы заниматься предпринимательством. «За» повышение налогов для бизнеса, «так как не хватает денег в бюджете на медицину, образование и армию» высказались 18% опрошенных; 20,5% считают, что «не надо повышать налоги, сейчас ситуация стабильная, не надо ничего менять»; 15% утверждают, что «надо снижать налоги, чтобы увеличить активность предпринимателей».

В результате опроса выявляются патерналистские настроения жителей региона. Большинство респондентов считает, что государство должно помогать безработным, предоставлять бесплатное образование и медицинское обслуживание. Большая часть опрошенных хочет работать не в частном секторе, а в государственных (бюджетных) организациях. И хотя многие утверждают, что мечтают заняться предпринимательством, складывается впечатление, что это, скорее, отражение их утопического взгляда на экономику и бизнес.

52% опрошенных считают, что обрели несправедливо низкий социальный статус. При этом вину за такую ситуацию и свое не удовлетворяющее их материальное положение 19% респондентов возлагают на неэффективную политику федеральных властей, 22% – на неэффективную политику местных властей; 21% винят себя лично, 14% – свои семейные обстоятельства, 5% – социальное окружение. 30% респондентов разделяют мнение «Россия для русских», 25% – не разделяют, 42% затруднились ответить, остальные оставили вопрос без ответа. 38% чувствуют угрозу со стороны мигрантов нерусских национальностей, 52% не ощущают такой угрозы. 45% признались, что чувствуют раздражение при виде мигрантов нерусских национальностей.

Необходимость борьбы с социальной несправедливостью отмечена 68% респондентов. При этом 31% считают, что необходимо действовать через суд; 29% – «писать жалобы, в том числе президенту и премьер-министру»; 21,5% – «искать связи и знакомства во властных структурах и жаловаться им»; 12% – «необходимо протестовать на улицах, выходить на митинги, демонстрации, бастовать»; 6% – «следует обращаться в правозащитные организации».

На вопрос «Готовы ли вы лично протестовать на улице в целях борьбы за социальную справедливость?» только 5% ответили «да, безусловно» и 12% – «возможно». «Скорее, нет» и «нет» ответили 32%, остальные затруднились ответить на этот вопрос. На вопрос «Готовы ли вы протестовать на улице в том случае, если лично с вами представители государственных (муниципальных) структур поступили несправедливо?» «да, безусловно» ответили 3,5% респондентов, «возможно» – 8%, «скорее, нет» и «нет» – 43% (остальные затруднились ответить) .

Результаты опроса демонстрируют преимущественно патерналистские настроения граждан.

Постоянный мониторинг преобладающих в обществе социальных ценностей, и в том числе массовых интерпретаций ценности социальной справедливости, позволяет адекватно оценивать политическую ситуацию в регионе и прогнозировать политические изменения. Социальная и политическая напряженность может долго существовать в латентной форме; выявлению такого социального состояния способствует исследование социальных, культурных и морально-нравственных ценностей, массовых идеалов, представлений, духовных и социальных идей.

Учеными доказана тесная связь массовых представлений о социальной несправедливости с отсутствием реальной публичной политики [3, с. 224– 236]. Органы государственной и муниципальной власти, изучающие в режиме мониторинга массовые представления жителей о социальной справедливости и несправедливости, имеют возможность корректировать политическую и социальную ситуацию в регионе, используя тонкие механизмы социальных технологий.

Библиографический список

1. *Аутов Н.А.* Социальное развитие регионов. М., 1985.
2. *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация: беда, вина или ресурс человечества? М., 2007.
3. *Никовская Л., Якимец В.* Публичная политика в регионах России: характеристика типов и ресурс влияния // Вестн. МГИМО – Университета. 2011. № 1 (16).

A.S. Ivanov
Coverage of Major Political
Events in the Republic
of Bashkortostan
in the News Feeds of Federal
Information Agencies
(2008–2011)

The way the political events that took place in the Republic of Bashkortostan from 2008 to 2011 were reflected in the news feeds of information agencies is shown.

Key words and word-combinations: political event, news agencies, the monitoring of news coverage.

Показано, как происходившие в Республике Башкортостан политические события 2008– 2011 гг. отражались новостными лентами информационных агентств.

Ключевые слова и словосочетания: политическое событие, новостные агентства, мониторинг освещения новостей.

УДК 070+32.01(470.57)
ББК 76.02:66.04(2Рос.Баш)

А.С. Иванов

**ОСВЕЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ
БАШКОРТОСТАН
НОВОСТНЫМИ ЛЕНТАМИ
ФЕДЕРАЛЬНЫХ
ИНФОРМАЦИОННЫХ
АГЕНТСТВ (2008– 2011)**

Мы живем в эпоху, когда изменения происходят если не мгновенно, то чрезвычайно быстро. Создается впечатление, что бег времени заметно ускорился. С развитием

новейших средств массовой коммуникации, прежде всего сети Интернет, возрастает и объем информации, потребителями которой становятся различные слои современного постиндустриального общества. В памяти у человека, по выражению Э. Тоффлера, создается «склад образов». Как он отмечает, характеризуя «третью волну» развития современного общества: «...По мере ускорения перемен в обществе изменяемся и мы сами. Нас настигает все новая информация, и мы вынуждены постоянно пересматривать картотеку образов. Старые, относящиеся к прошлой жизни образы должны заменяться новыми, иначе наши действия не будут соответствовать новой реальности, мы станем более некомпетентными» [1, с. 266]. Образы создают масс-медиа, транслирующие широкой аудитории поток новостей.

Современному человеку действительно предоставляется богатый набор информации. В то же время она чаще всего имеет уже систематизированный характер и потому является инструментом для манипуляций со стороны заинтересованных в этом субъектов политики. В частности, информационные сообщения, предназначенные для широкой аудитории, могут быть целенаправленно подобраны.

Особое положение в создании и продвижении «информационного продукта» до конечного потребителя занимают новостные ленты информационных агентств. Выгодно отличаясь от «классических» (печатные средства массовой информации, телевидение и радио) и ряда современных средств массовой информации (сайты различных государственных и коммерческих структур), они создают более объективное представление об окружающем мире. Принцип освещения информации, применяемый ими, в основном исключает экспрессию и субъективизм предназначенного аудитории конечного информационного продукта. Безусловно, редакция и в данном случае влияет на формирование новостной ленты, однако сам материал в сообщении строится по схеме «дата сообщения о мероприятии – место проведения мероприятия – основные участники мероприятия – основные события мероприятия». В итоге получается сообщение, которое содержит все необходимые параметры, свидетельствующие о его полноте и объективности.

Как и в «классических» средствах массовой информации, в информационных агентствах существуют лица, отвечающие за отбор информации для новостной ленты. К. Левин, а вслед за ним Д. Уайт назвали их «привратниками», то есть теми, кто стоит на пороге и занимается отбором наиболее интересных на их взгляд информационных сообщений, не допуская, таким образом, прочие, менее интересные сообщения. Отсеивая новости, «привратник» непременно оказывается источником «информационных шумов», способных исказить незначительно или существенно содержание конечного информационного продукта [2, с. 222]. Роль «привратника» играет, как правило, редактор новостной ленты, выполняющий функции «информационного фильтра».

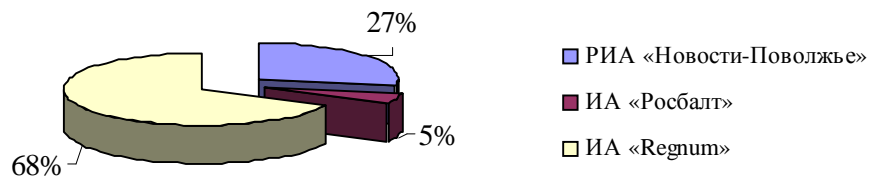
Информационные агентства могут как незначительно, так и серьезно исказить новостную информацию. Существенное значение в данном случае имеет их принадлежность – государственным или коммерческим – структурам, а также масштаб деятельности – общенациональный или региональный.

Принадлежность государственным структурам, как правило, означает, что агентство будет ретранслировать те сообщения, которые способны создавать позитивное впечатление о деятельности власти. Особенно это касается региональных информационных агентств, учредителями которых являются региональные правительства. Основным объектом освещения в таком случае будут события регионального значения. В качестве «фильтров», или субъектов, создающих «информационные шумы», здесь выступают главы регионов и близкие к ним структуры, а уже затем – новостные редакции агентства.

Принадлежность коммерческим структурам, более свободным от влияния власти, создает возможность отражать различные аспекты деятельности власти, заполняя, таким образом, своеобразные «информационные лакуны», оставляемые государственными информационными агентствами. Главную роль в подборке новостной ленты играют прежде всего учредитель из коммерческой или общественной структуры и редакция агентства. Эти обстоятельства существенным образом корректируют коммуникативные «шумовые» модели, известные в политической науке.

В качестве примера рассмотрим специфику формирования новостной ленты об основных политических событиях в одном из регионов России – Республике Башкортостан – федеральными информационными агентствами, не зависящими от региональной исполнительной власти – РИА «Новости», ИА «Росбалт» и ИА «Regnum».

В 2009 г. была начата реализация проекта «Региональная исполнительная власть глазами российских информационных агентств», основной целью которого выступало определение характерных особенностей освещения деятельности высших представителей исполнительной власти Республики Башкортостан (глава региона и председатель регионального правительства) . Эмпирической базой анализа стали результаты осуществленного за период с 1 января 2008 по 31 декабря 2011 г. мониторинга новостных лент российских федеральных и региональных информационных агентств – РИА «Новости», «Росбалт», «Regnum» и «Башинформ» [3, с. 428– 434]. Генеральная совокупность за исследуемый период на федеральных новостных лентах составила 13 993 сообщения. Распределение сообщений по агентствам выглядит следующим образом: РИА «Новости-Поволжье» – 3834, ИА «Росбалт» – 754, ИА «Regnum» – 9405 (см.рис. 1) .

Рис. 1. Распределение долей генеральной совокупности между федеральными информационными агентствами

Распределение генеральной совокупности по периодам исследования представлено в табл. 1. Основываясь на данных, можно выделить следующие зако-

номерности. Во-первых, общее количество сообщений о жизни Башкортостана на ленте РИА «Новости-Поволжье» постоянно росло в течение 2008– 2010 гг. и достигло максимального значения в 2010 г. Во-вторых, общее количество сообщений на ленте ИА «Росбалт», напротив, снижалось и в 2010 г. достигло минимального значения. В-третьих, на протяжении всего периода наибольшее количество сообщений о регионе было размещено на ленте ИА «Regnum», достигнув в 2011 г. максимального значения.

Таблица 1

Размер генеральной совокупности сообщений трех федеральных информационных агентств

Наименование агентства	Размер генеральной совокупности по годам				Итого
	2008	2009	2010	2011	
РИА «Новости-Поволжье»	652	885	1169	1128	3834
ИА «Росбалт»	422	112	95	125	754
ИА «Regnum»	2271	2320	2128	2686	9405
Итого:	3345	3317	3392	3939	13 993

Выборочная совокупность за исследуемый период на федеральных новостных лентах составила 2007 сообщений (14,3% от генеральной совокупности) . Распределение сообщений по агентствам выглядит следующим образом: РИА «Новости-Поволжье» – 435, ИА «Росбалт» – 302, ИА «Regnum» – 1270 (см. рис. 2) .

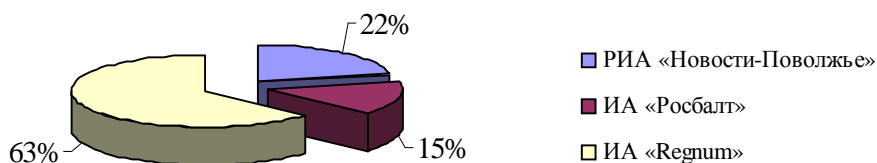

Рис. 2. Распределение долей выборочной совокупности между федеральными информационными агентствами

Размер выборочной совокупности, включившей сообщения о прямом и косвенном упоминании высших представителей исполнительной власти региона, представлен в табл. 2. Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, интерес РИА «Новости-Поволжье» к политическим событиям с участием руководства исполнительной власти региона заметно возрастает к 2010 г. Во-вторых, напротив, интерес ИА «Росбалт» к подобным событиям по сравнению с 2008 г. заметно снижается. В-третьих, интерес ИА «Regnum» при снижении в 2009 г. заметно возрастает в 2010 и 2011 гг.

Таблица 2

**Размер выборочной совокупности сообщений
трех федеральных информационных агентств**

Наименование агентства	Размер выборочной совокупности по годам				Итого
	2008	2009	2010	2011	
РИА «Новости-Поволжье»	47	93	188	107	435
ИА «Росбалт»	174	37	45	46	302
ИА «Regnum»	257	193	402	418	1270
Итого:	478	323	635	571	2007

Итак, как в генеральной, так и в выборочной совокупности сообщений с упоминанием высших представителей исполнительной власти Республики Башкортостан большая часть относится к ленте ИА «Regnum». Доля ИА «Росбалт» в выборочной совокупности заметно выше по сравнению с его долей в генеральной совокупности. Доля РИА «Новости-Поволжье» приблизительно одинакова в обоих случаях.

На представленной эмпирической базе нами анализировалось освещение ключевых политических событий в Республике Башкортостан тремя федеральными информационными агентствами в течение исследуемого периода.

В процессе проведения мониторинга событий 2008– 2011 гг. на указанных федеральных лентах и региональной правительственной ленте «Башинформ» они были классифицированы по трем основным группам:

- 1) события, основное внимание которым уделяется преимущественно региональным информационным агентством (послания главы региона местному парламенту, юбилейные торжества по случаю дня рождения главы региона, проведение общественных мероприятий регионального значения, интервью руководства региона федеральным и региональным средствам массовой информации, ряд других) ;
- 2) события, освещенные в равной мере федеральными и региональным информационными агентствами (рабочий визит в регион первого вице-премьера Правительства РФ Д. Медведева в феврале 2008 г., визит первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ В. Суркова в июне 2009 г. и др.) ;
- 3) события, освещенные в большей степени федеральными информационными агентствами (отставка руководителя администрации главы региона Р. Хабирова в конце июня 2008 г., смена руководства региона в июле 2010 г. и т.п.) .

Основное внимание следует уделить политическим событиям, относящимся ко второй и, особенно, к третьей группам.

2008 год ознаменовался выборами Президента РФ, а также рядом кадровых изменений в исполнительной власти региона.

На рис. 3 представлены основные политические события 2008 г. Информация позволяет проследить особенности освещения ключевых политических событий данного периода на федеральных информационных лентах.

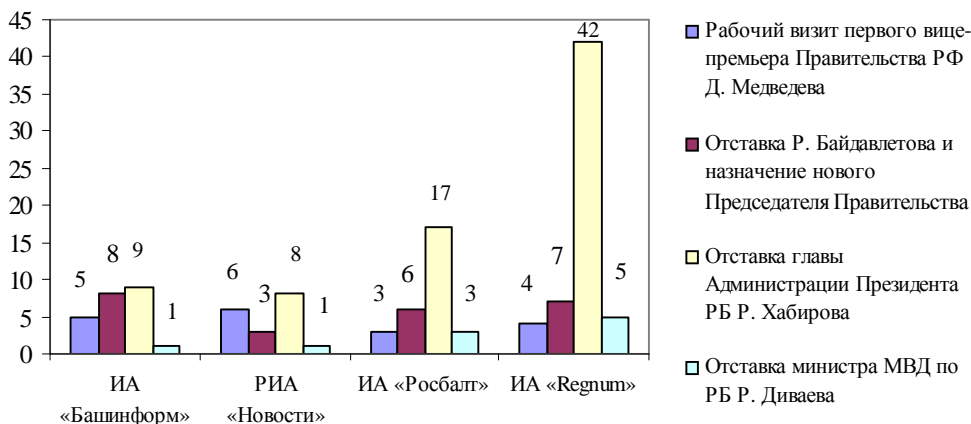

Рис. 3. Освещение основных политических событий в РБ на федеральных новостных лентах в 2008 г.

Визит первого вице-преьера Правительства РФ Д. Медведева (февраль) и смена Председателя Правительства региона (апрель) приблизительно в равной мере освещались федеральными агентствами. В то же время, если отставка в октябре министра МВД по Республике Башкортостан Р. Диваева у федеральных лент вызвала незначительный интерес, то аналогичное событие, произошедшее в июне – отставка руководителя Администрации главы региона Р. Хабирова, напротив, имела определенный резонанс в федеральных новостных лентах. Особенно это касается освещения последнего события ИА «Росбалт» (17 сообщений) и ИА «Regnum» (42 сообщения) .

2009 год стал годом, когда вновь обнаружилось разногласия между руководством региона и руководством партии «Единая Россия». На диаграмме (рис. 4) видно, что федеральные агентства проявили определенный интерес в целом к данной конфликтной ситуации, но количественно он уступает освещению данного события на ленте правительственного агентства «Башинформ».

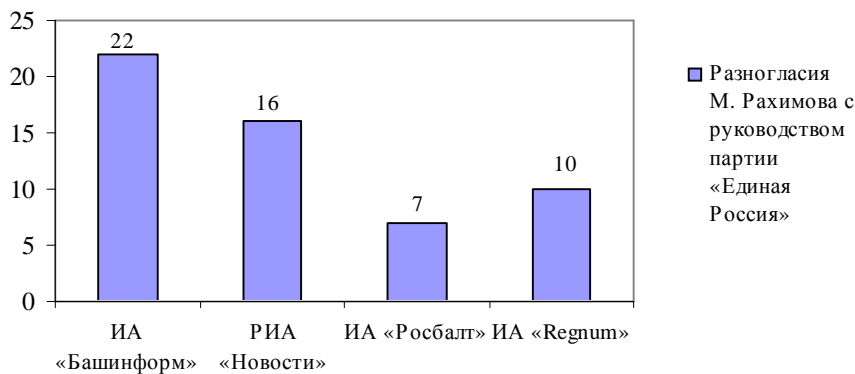
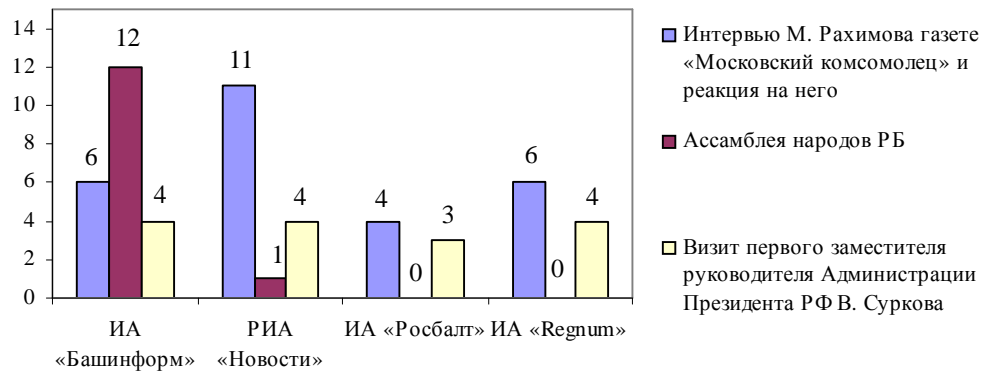

Рис. 4. Освещение основных политических событий в РБ на федеральных новостных лентах в 2009 г.

Мониторинг сообщений позволил выделить три основных этапа развития данной конфликтной ситуации (см. рис. 4а) .

Рис. 4а. Освящение ключевых моментов конфликта между главой региона и руководством партии «Единая Россия» в июне 2009г. на федеральных новостных лентах

Событием-триггером (событие, послужившее началом ряда других событий, связанных с ним общей тематикой) стало интервью главы региона газете «Московский комсомолец» 5 июня 2009 г. с критикой правящей партии. Основное содержание первого этапа составили сообщения о самом интервью и его оценка со стороны третьих лиц. При этом на федеральных лентах оценка интервью была в основном негативного характера со стороны представителей федеральной власти или местных оппозиционных сил. Как видно на диаграмме, этот этап развития ситуации вызвал наибольший интерес со стороны федеральных агентств.

Основное содержание второго этапа развития конфликтной ситуации составили сообщения, связанные с подготовкой и проведением Ассамблеи народов Республики Башкортостан. Как видно на диаграмме, данный этап пользовался наименьшим интересом у федеральных лент. На ленте правительственного агентства «Башинформ», напротив, данное событие освещалось более подробно, а комментарии третьих лиц по поводу проводимой руководством региона политики и озвученной в интервью политической позиции были позитивного характера.

Третий этап развития конфликтной ситуации составили сообщения, связанные с рабочей поездкой в регион первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ В. Суркова. Всеми агентствами это событие было освещено приблизительно в равной мере.

В 2010 г. произошел очередной период нагнетания напряженности в отношениях региональной и федеральной властей. Событием-триггером стали критические замечания, высказанные в адрес федеральной власти руководством региона в июне, на празднике Всемирного Курултая башкир в Уфе. В июле конфликт между представителями разных уровней власти завершился сменой главы региона и назначением нового руководителя.

Освещение указанных событий указано на диаграмме (рис. 5) .

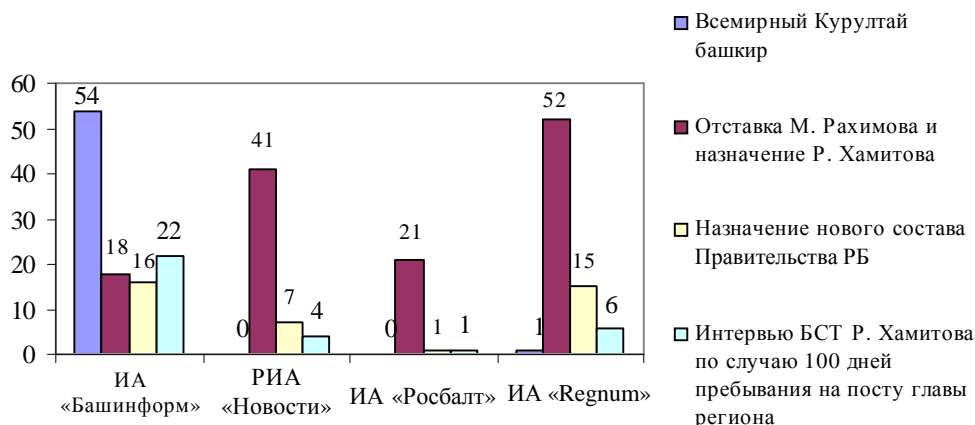

Рис. 5 Освещение основных политических событий в РБ на федеральных новостных лентах в 2010 г.

Проведению Всемирного Курултая башкир было посвящено всего одно сообщение на ленте ИА «Regnum». В то же время процесс смены главы региона и назначение нового руководителя, напротив, вызвал наибольший интерес со стороны федеральных информационных агентств (РИА «Новости-Приволжье» – 41; ИА «Росбалт» – 21; ИА «Regnum» – 52). Назначение нового правительства региона в августе вызвало интерес лишь частично (основная масса сообщений была размещена на ленте ИА «Regnum» – 15). То же самое следует отметить и в отношении освещения интервью нового руководителя региона Р. Хамитова по случаю ста дней пребывания на посту главы региона в октябре 2010 г.

Для Р. Хамитова 2011 год стал первым полноценным годом руководства регионом. Произошло много важных событий, определивших контуры новой политики и продолживших некоторые демократические тенденции прошлого года (см. рис. 6).

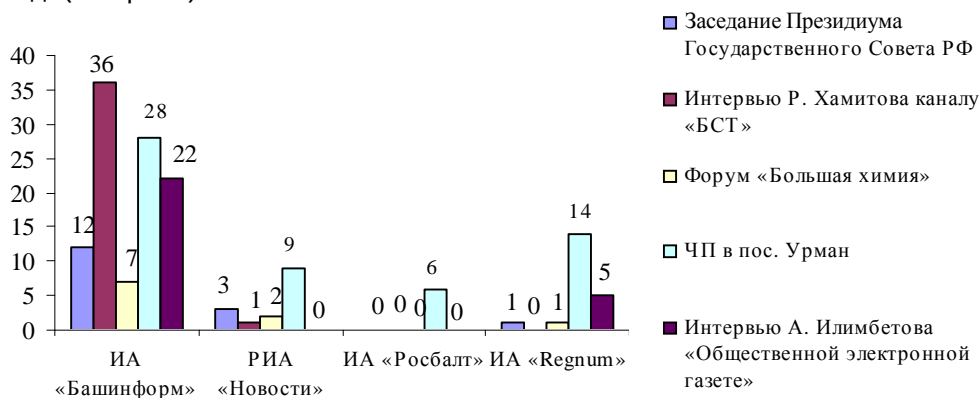

Рис. 6. Освещение основных политических событий в РБ на федеральных новостных лентах в 2011 г.

Было проведено заседание Президиума Государственного Совета РФ в Уфе под председательством Президента РФ Д. Медведева; состоялся Форум «Большая химия»; в мае каналу БСТ дал интервью глава региона, а в декабре Председатель регионального правительства – «Общественной электронной газете». Однако особый интерес у федеральных лент вызвали не эти события, а чрезвычайное происшествие в поселке Урман Иглинского района в мае 2011 г., причем наибольший интерес к данному событию был проявлен лентой ИА «Regnum».

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, существует различие в освещении одних и тех же политических событий региона федеральными и региональным информационными агентствами. В отличие от региональных агентств, федеральные уделяют внимание событиям экстремального и неординарного характера, связанным, как правило, с взаимоотношениями региональной и федеральной власти.

Во-вторых, наибольший интерес к политической жизни региона практически на всем протяжении исследования демонстрировался лентой ИА «Regnum», где размещались сообщения, не только напрямую информирующие о произошедшем событии, но и комментарии третьих лиц, которых не было на региональной ленте.

Таким образом, федеральные и региональные агентства могут демонстрировать разнообразные подходы к освещению тех или иных политических событий, уделяя пристальное внимание одним и упоминая вскользь о других. По этой причине для получения полноценного представления о происходящем человеку необходимо получать информацию из различных источников. Только тогда граждане смогут сформировать близкую к истине картину мира и минимизировать манипулирование со стороны ключевых субъектов политики, являющихся основными источниками информации и одновременно «фильтрами», создающими «информационные помехи».

Библиографический список

1. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999.
2. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004.
3. *Иванов А.С.* Применение методики контент-анализа в сообщениях информационных агентств // Вестн. БашГУ. 2010. № 2. С. 428–434.

A.P. Mikhailov
Information as an Attribute
of Social and Communicative
Government

Information and communication are considered as key elements of social control. Features of the formation of modern social-communicative management paradigm are revealed.

Key words and word-combinations: information society, information, communication, information management.

Информация и коммуникация рассматриваются как основные элементы социального управления. Показаны особенности формирования парадигмы современного социально-коммуникативного управления.

Ключевые слова и словосочетания: информационное общество, информация, коммуникация, информационное управление.

УДК 005:004
ББК 60.843

А.П. Михайлов

ИНФОРМАЦИЯ КАК АТТРИБУТ СОЦИАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Термин «информация» уже более полувека используется в журналистике, где он считается одной из центральных и наиболее общих категорий. Информационные идеи применяются в биологии (предполагается, что само появление жизни было связано с преобразованием генетической информации), в психологии, физиологии нервной высшей деятельности, педагогике. Идеи, сформулированные в рамках теории информации, используются в физике, химии, географии, геологии и ряде других наук о неживой природе. Особое место понятие «информация» заняло в длинном ряду социальных наук – теории управления, экономике, политологии. Все это свидетельствует о теоретической и практической значимости информации в современной жизни.

Информация – ценнейший интеллектуальный ресурс в системе жизнеобеспечения общества, важнейшая часть его интеллектуальной собственности, доля которой постоянно возрастает. Информацию можно назвать инфраструктурой интеллектуальной собственности, ибо интеллектуальная собственность берет начало с информации как фундаментальной базы.

Социальная информация играет роль ориентирующего знания о состоянии социальной системы и возникает в процессе обеспечения информационных потребностей общества на основе применения информационных технологий. Особенно велико значение

информации (процессов ее сбора, хранения, переработки и использования) в управлении общественными делами, социальными процессами.

Процесс становления гражданского общества основным условием делает требование равноправных отношений социального партнерства в информационном пространстве, или субъект-субъектные информационно-коммуникативные отношения. Именно диалоговая модель информационного воздействия является самой эффективной, демократичной, так как в результате ее применения формируется сознание человека с активной гражданской позицией. Ни в экономической, ни в социальной, ни тем более в политической сфере прогресс невозможен без выстраивания доверительных отношений между государством и обществом, между властью и народом.

В рамках современных демократических представлений о взаимоотношениях государства и общества более целесообразно говорить не столько об управлении, сколько о взаимодействии этих акторов, от эффективности которого во многом зависит стабильность и успешность развития национальных общественно-политических систем. Выработка эффективного баланса между интересами государства и общества в рамках их коммуникации друг с другом является залогом стабильного и демократичного развития Российского государства в долгосрочной перспективе.

Поскольку информация сегодня выступает в качестве мощного и эффективно-го ресурса, в первую очередь используемого в государственном управлении, информационное взаимодействие, как одно из наиболее перспективных направлений дальнейшего развития современных демократий, выходит на первый план.

Информационное взаимодействие, осуществляемое в сфере государственного управления, вовлекает в себя органы власти и их должностных лиц, средства массовой информации и массовой коммуникации, а также общество в его различных сегментах и институционализованных воплощениях.

Информация используется властью как основа для формирования управляющих воздействий, в силу чего может рассматриваться в качестве основополагающего элемента процесса управления. Поскольку в системе взаимодействия «власть – СМИ – общество» информация по своему значению выходит на первый план, важно проанализировать ее как атрибутивное (существенное, неотъемлемое) свойство социального управления.

С точки зрения социальной информатиологии существуют два аспекта управления: 1) управление всеми процессами (природными, социальными, планетарными и т.д.) с помощью информации и коммуникации – внешнее проявление воздействий и 2) управление информационными, коммуникативными процессами с помощью информации и коммуникации – формирование теоретической базы, на основе которой осуществляется управление всеми процессами. Для понимания сущности информации, в частности управленческой, особенно важным является раскрытие трех основных ее аспектов: синтаксического, семантического и прагматического. Синтаксическая сторона информации характеризует внутренние особенности используемого в управлении «слепок» объекта, его структуру, сложность, организованность. С точки зрения семантики информация должна обладать определенным смыслом, то есть быть соотносенной с отражаемым объектом, быть в некоторых пределах его «заместите-

лем». Прагматический аспект информации характеризует ее способность влиять на процессы управления, то есть ценность, полезность.

Информацию об объектах управления и происходящих в них событиях и процессах не без основания называют их своеобразной моделью, а также словесным или цифровым портретом [1, с. 9]. Управленческая информация представляет собой совокупность сведений о состоянии и процессах, протекающих внутри и вне системы.

В период быстрого движения информации с помощью различных средств, в первую очередь Интернета и телевидения, управляющим органам необходимо применять все новые механизмы ее сбора и предоставления населению. С этой целью проводится информатизация государственных услуг, развиваются применяемые информационные, коммуникационные, цифровые технологии, происходит их продвижение в обществе. Это не только повышает удобство пользования гражданами сервисами госуслуг, но и делает население более мобильным, способствует формированию информационного общества [2, с. 222] как нового типа общественно-политической и социально-экономической организации социума.

Получение обратной связи сопряжено с техническими, материальными сложностями, временными затратами. Традиционные средства массовой информации в большей степени ориентированы на монолог, то есть на односторонний процесс коммуникации. Становление информационного общества, развитие и особенность гуманитарной компоненты информационных технологий предоставляют новые возможности для дискурса органов власти и населения, способствующего трансформации политических коммуникаций.

Демократизация власти, потенциал Интернета нацелены на развитие интерактивных форм политического и социального общения. Граждане получают доступ ко все большему объему информации, активизируются в обмене этой информацией и начинают непосредственно участвовать в процессе обсуждения и принятия решений. Тем самым они способствуют распространению демократических процедур. Происходит формирование *новой парадигмы государственной власти*, когда государство является не доминирующей силой, а обслуживающей общество структурой, то есть реализуется принцип «государство – для народа, а не народ – для него».

В современной интерпретации под информационной цивилизацией понимают состояние общества, в котором главенствующее место занимают информация, управление и организация. Но на практике чаще всего это сводится к таким представлениям, как, например, повсеместное внедрение компьютеров, микропроцессоров и других технических средств передачи, хранения и переработки несущих информацию сигналов.

Имеющиеся технологические системы, связанные с обработкой и передачей информации, созданием соответствующей продукции и ее потреблением, являются исключительно сложными системами, способными поглощать огромные человеческие и интеллектуальные ресурсы. При этом на духовность, культуру, политику, человеческие отношения компьютеризация и информатизация могут оказать негативное влияние. В условиях быстро происходящих изменений для государства важно, чтобы в нем появилось новая философия и идеология, новое содержание информационной политики, в которой необходимо сохранить лучшие черты и

особенности менталитета российского народа. На это в значительной степени направлены усилия власти по насыщению электронными средствами и информационными технологиями сферы взаимодействия государства и общества.

Задача управления – своевременно разрешать возникающие проблемы. С учетом господствующих тенденций современного общественного развития актуальным становится информационный менеджмент, предметом которого является управление информационным воздействием, осуществляемым в социально-экономических системах. Важнейшим элементом теоретической базы информационного менеджмента выступает информационное управление. Информация, используемая в управлении обществом, по самой своей природе социальна. Отражая общественные отношения (в широком смысле) , отношения и процессы любого типа и уровня, она является высшим, наиболее сложным и многообразным типом информации.

Достоверная информация необходима для всех этапов управления – постановки целей, оценки проблемной ситуации, принятия управленческих решений, для организации и регулирования управляющей системы.

Большинство этапов принятия и реализации информационных управленческих решений осуществляются в рамках медиапланирования, объединяющего процессы прогнозирования, разработки концепции, стратегии, программы и сценария. Медиапланирование позволяет определить, как создать и наиболее эффективно передать требуемую информацию в нужное место и в нужное время. Контроль государства над масс-медиа позволяет осуществлять целенаправленное воздействие на социум, фактически – управлять общественной эволюцией.

Субъект управления должен быть информирован о результатах выполнения принятых решений, на основе чего он корректирует прошлые решения и принимает новые, с учетом допущенных ранее просчетов и неоптимальных действий. Поэтому сбор и переработка информации, ее эффективное использование – необходимый компонент управления.

Средства массовой информации постоянно осуществляют информационное воздействие на население, реализуя стратегические, тактические и оперативно-психологические операции. Но для достижения наибольшего эффекта воздействия необходимо изучать подвергаемую информационному воздействию аудиторию социологическими методами, исследовать ее предпочтения и реакции, ожидания и стереотипы.

Управляющее воздействие осуществляется в целенаправленно формируемой информационной сфере. Информационная сфера есть структурный элемент социосферы (где социальное – все общественное) , в котором информация рассматривается в качестве субстрата в развитии соответствующих общественных отношениях [3, с. 52]. Она представляет собой совокупность, систему деятельности, отношений, сознания и поведения, связанную с производством, распределением и потреблением социальной (общественно значимой) информации. Информационная сфера – это система субъект-объектных и субъект-субъектных отношений в обществе с множеством прямых и обратных связей.

Особенностью современной информационной сферы является фактическое отсутствие у нее национальных границ (за редчайшими исключениями, подобными Северной Корее) . Обусловленные этим обстоятельством, противоречия,

проблемы, достоинства и недостатки, экзистенциальный прогресс и регресс в условиях информационного (постиндустриального) общества выдвигают потребность в управлении одновременно мировым, национальными, региональными информационными пространствами на основе единства классических и неклассических парадигм управления.

Ведущие мировые державы в своих интересах стремятся установить управляемое мировое информационное пространство. Но этот процесс получает сопротивление вследствие самоорганизации и организации развития этногенеза и социогенеза, роста национального самосознания прочих народов. Полагаем, что для защиты национальных интересов России необходима научно обоснованная субъект-объектная государственная информационная политика, воплощающая в себе современное искусство управления.

Формирование и проведение грамотной информационной политики – основная задача для власти. Политика здесь выступает искусством управления народным сознанием в интересах этого народа и в национальных интересах страны. Для проведения грамотной информационной политики либо проведения информационного управления важно понимать, что информационная революция породила новый тип человека – информационного человека. В социальной информатиологии информационный человек есть центральное фундаментальное понятие, включающее в себя противоречивое единство материального и духовного, природного и социального. Информационный человек является субъектом-носителем духовной культуры, которая основана на свободе коммуникации и обмене информацией и служит, таким образом, удовлетворению его потребностей.

Человек обладает высшим уровнем психики – сознанием и способен воспринимать информацию, осмысливать, переваривать ее и формировать свою позицию. Поэтому для эффективного социального управления важно достичь соответствия между требованиями объективных законов и сознательной управленческой деятельностью, но уже с учетом информационной революции, которая диктует новые законы жизнедеятельности людей.

Информация является главным атрибутом коммуникации, соответственно и социального управления. В современной социально-коммуникативной системе ее роль, в сравнении с предыдущими периодами, трудно переоценить. Жизнь становится все более и более зависима от количества и качества социальной информации, которой обладают жители того или иного региона. От ее эффективного использования зависит не только развитие образования и культуры, но и экономическая и властная составляющие развития российских регионов.

Информация сегодня – это уже стратегически важный ресурс, использование которого меняет образ жизни. В управлении социальными общностями информация может оказать стабилизирующее и мобилизующее действие, создать благоприятную и стимулировать толерантную среду обитания, а также социально-экономическую активность.

Социально направленная информация воздействует прямо противоположно созданию конфликтной, агрессивной, угнетающей среды. Не все решает информация, но многое зависит от самооценки членов сообщества, от их социальной установки, тем более многое зависит от информационной сферы взаимоотношений власти средств массовой информации и общества.

Библиографический список

1. *Атаманчук Г.В.* Управление – фактор развития. М., 2002.
2. *Мусеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество // Информационная политика: в контексте социальной информациологии: хрестоматия / сост. Н.П. Арапова. М., 2007.
3. Социальная информациология: словарь / сост. Л.И. Мухамедова / под общ. ред. В.Д. Попова. М., 2007.

А.А. Mitin
Left Radical Youth
Organizations in the Modern
Russian Politics: Forms
of Activity and Ideological
Bases

The left radical youth organizations activity in modern Russia is analyzed. The special attention is given to the characteristics of the left youth organizations activity ideological bases.

Key words and word-combinations: youth policy, public organizations, left radical youth organizations, ideology.

Анализируется деятельность левых радикальных молодежных организаций в современной России. Особое внимание уделяется характеристике идейных основ деятельности левых молодежных организаций.

Ключевые слова и словосочетания: молодежная политика, общественные организации, левые радикальные молодежные организации, идеология.

УДК 32.01(470+571)
ББК 66.04(2Рос)

А.А. Митин

ЛЕВЫЕ РАДИКАЛЬНЫЕ
МОЛОДЕЖНЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ:
ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ

В условиях становления гражданского общества в России актуальным становится исследование вопросов, связанных с участием молодежи в деятельности различных общественных движений и организаций. При этом по формам деятельности и идеологическим основам современные российские молодежные организации существенным образом различаются. Активизация протестных настроений, происходящая с конца 2011 г., вызывает потребность проанализировать идейные основы и формы деятельности, используемые левыми радикалами, определить степень участия левых молодежных организаций в публичной политике российского государства.

Понятие «молодежная политика» в российской политической науке включает в себя «деятельность государства, политических партий, общественных объединений и других субъектов общественных отношений,

имеющую целью определенным образом воздействовать на социализацию и социальное развитие молодежи, а через это – на будущее состояние общества» [1, с. 264]. Однако проблема заключается в том, что решающее значение при определении приоритетов в области молодежной политики принадлежит российскому государству и его институтам. Множество других субъектов в сложившуюся систему попросту «не вписываются». По вполне понятным причинам к их числу относятся и левые радикальные организации, которые, тем не менее, активно рекрутируют молодых людей и фактически осуществляют их политическую социализацию в своих интересах.

В настоящее время все более актуальными становятся настроения, что только радикальные методы борьбы, используемые рядом радикальных молодежных организаций, способны внести определенные коррективы в политику государства. События последних месяцев показали, что молодежные организации не согласны со сложившейся политической ситуацией и прилагают усилия, чтобы изменить ее, заставить публичную власть слышать их голос, учитывать их мнение при принятии политических решений. При непосредственном участии радикальных молодежных организаций достигнуты определенные политические результаты: во-первых, это изменение порядка избрания губернаторов (в октябре 2012 г. в нескольких субъектах Федерации пройдут восстановленные прямые выборы губернаторов) [2]; во-вторых, придание процедуре выборов более «прозрачного» характера (установка веб-камер на избирательных участках на президентских выборах в марте 2012 г.) .

Левые радикальные молодежные организации как заметное общественно-политическое явление заявили о себе в середине 1990-х годов. К числу левых радикалов следует относить следующие структуры: организации, созданные при участии политических партий и движений – Авангард Красной Молодежи (АКМ) , Союз коммунистической молодежи (СКМ РФ) , Революционный коммунистический союз молодежи (РКСМ(б)) , анархистские организации – Конфедерация революционных анархо-синдикалистов, Ассоциация движений анархистов, «Автономное действие»; троцкистские организации – «Социалистическое сопротивление», Революционная рабочая партия. В 2003 г. левые радикальные организации создали координационное объединение под названием Молодежный левый фронт, лидером которого стал И. Пономарев. В него вошли СКМ, АКМ, «Социалистическое сопротивление» и другие немногочисленные левые оппозиционные организации. Несмотря на попытки создать глобальное объединение, Молодежный левый фронт включал в себя всего приблизительно 500 реальных активистов, де-факто являясь структурой Института проблем глобализации Б. Кагарлицкого [3]. Просуществовав несколько лет, эта организация прекратила свою деятельность.

Рассмотрим основные формы работы и идейную платформу левых радикальных молодежных организаций.

Благодаря своей протестной деятельности наиболее известен на политической сцене России и активен в продвижении своей идеологии среди молодежи, *Авангард Красной Молодежи* (существует с 1998 г.) , возглавляемый С. Удальцовым. АКМ – одна из самых многочисленных радикальных молодежных орга-

низаций, которая призывает к свержению власти революционным путем, установлению коммунизма и возврату в СССР. Согласно программе, принятой на VI съезде АКМ в 2005 г., «идеологией АКМ выступает марксизм-ленинизм, который является не догмой, а идейной основой и творческим методом решения жизненно важных проблем современности» [4]. В отличие от множества молодежных организаций, АКМ – достаточно самостоятельная структура, идеологическая составляющая в мотивации деятельности которой очень сильна. Это значительно облегчает мобилизацию сторонников на проведение акции, и, как следствие, ей не требуется на это серьезных финансовых вливаний. АКМ часто координирует свои уличные акции с другими радикальными организациями – СКМ и сторонниками Э. Лимонова.

Традиционно активно работает с молодежью КППРФ в рамках *Союза коммунистической молодежи* (основан в 1999 г.). СКМ – попытка КППРФ создать некий аналог ВЛКСМ, однако ее вряд ли можно считать успешной, так как участия в непосредственной политической деятельности КППРФ молодежная организация не принимает. СКМ используется преимущественно как уличная протестная сила, действующая, как правило, совместно с другими радикальными молодежными организациями, прежде всего с АКМ. В своей идеологической части программы СКМ «выступает с позиций патриотизма и социальной справедливости, объединяя молодежь, придерживающуюся этих взглядов. Теоретической основой СКМ РФ является марксизм-ленинизм, творчески примененный к современным условиям России» [5].

Революционный коммунистический союз молодежи (большевиков) (действует с 1996 г.) как молодежная организация декларирует цели ниспровержения капиталистического строя, установление диктатуры пролетариата. В идеологии РКСМ(б) господствует классический марксизм «с опорой на исторический опыт мирового коммунистического движения (в особенности на большевистский)» [6]. Основная задача организации на данном этапе – пропаганда и агитация идей социализма в молодежной среде, политическое просвещение, организация защиты прав рабочих, студентов, служащих путем создания профсоюзов, уличной митинговой деятельности [7, с. 24].

В отличие от данных организаций, меньшей популярностью у молодежи и СМИ пользуются анархисты и троцкисты, хотя и они, правда, на иных основаниях, выступают за смену политической системы путем революции.

Анархистские организации с левым уклоном основным средством борьбы за социальное освобождение считают создание революционных союзов трудящихся. Они признают только самоорганизацию рабочих, отвергая политические партии и органы власти. Так, основным идеологическим направлением *Конфедерации революционных анархо-синдикалистов* (известна с 1995 г.) является реализация либертарного коммунизма, основанного на таких принципах, как прямая демократия, общественное самоуправление и федерализм. Предполагается создание системы народного самоуправления в виде федерации свободных индивидов, групп, общин, регионов, стран и т.д. Органами координации между этими группами планируются независимые Советы или похожие институты самоуправления. Организационные структуры анархистов создаются по конфе-

деративному принципу, то есть в них входят как отдельные группы, так и индивидуальные члены, сохраняющие за собой «полную внутреннюю автономию в рамках общих программных и организационных принципов» [8]. Активистами и сочувствующими проводятся акции экологической, антивоенной, антифашистской, социальной направленности; организуются сезонно антиизбирательные выступления.

Весьма разнообразны идейные принципы анархистской организации «Автономное действие» (существует с 2002 г.), представленные в ее манифесте: антиавторитаризм, антинационализм, антибольшевизм, самоуправление, антимилитаризм, экологизм, феминизм, новая гуманистическая культура, антиклерикализм [9].

Троцкистские организации разделяют все основные теоретические взгляды марксизма: построение коммунистического общества, уничтожение товарно-денежных отношений и классов, необходимость диктатуры пролетариата.

Одна из крупнейших троцкистских организаций «Социалистическое сопротивление» представляет русскую секцию «Комитета за рабочий интернационал» (КРИ). 7 марта 2011 г. «Социалистическое сопротивление» объединилось с социалистическим движением «Вперед» и образовало «Российское социалистическое движение». Троцкистские организации, входящие в российскую секцию «Комитета за рабочий интернационал», четко формулируют свои программные требования. В их Программе заявлена основная цель – создание международной революционной организации, способной привести трудящихся к победе над капитализмом в мировом масштабе [10]: «Особое внимание, как и прежде, необходимо уделять формулированию, пропаганде и разъяснению позитивной программы и политических лозунгов. Нужно сделать все возможное, чтобы вывести на первый план вопросы классовой борьбы, не дать движению утонуть в либеральном или шовинистическом болоте» [11].

Революционная рабочая партия (действует с 1999 г.) в своей идеологии опирается на теоретическое наследие Маркса, Энгельса, Ленина и Троцкого. Ее программой стала Переходная программа IV Интернационала. РРП заявляет, что в основе ее деятельности лежат коммунистические принципы, согласно которым они выступают за власть рабочих; за массовое рабочее движение, вооруженное боевой социалистической программой; за действительное исполнение демократических прав [12; 13].

Несмотря на идеологическую разнородность молодежного движения в современной России, левому фронту принадлежит заметное место среди множества политических организаций. Радикально настроенная молодежь выступает за революционную трансформацию политической системы, не видя для себя в дальнейшем пути самореализации в рамках существующих возможностей (получение конкурентоспособного образования, карьерного роста). Между организациями молодых левых радикалов существуют как программные сходства, так и различия. Однако в целом левые радикальные молодежные организации выступают сегодня наиболее дееспособной «уличной» силой, способной оказать влияние на публичную политику независимо от желания или нежелания властей. Если в электоральную борьбу их представители прак-

тически не могут быть допущены в силу радикализма, то как «уличный» ресурс они наиболее эффективная сила, в том числе по причине сильной идеологической составляющей.

Библиографический список

1. Социология молодежи: энциклопедический словарь. М., 2008.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Федер. закон. URL: <http://kremlin.ru/acts/15186> (дата обращения: 23.09.2012).
3. Становая Т. Молодежные организации в современной России. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/stan_mol.php (дата обращения: 23.09.2012).
4. Программное заявление Авангарда Красной Молодежи. URL: <http://akm1917.su/Program> (дата обращения: 23.09.2012).
5. Программное заявление СКМ РФ. URL: http://skm-rf.ru/index.php?id_site_page=programm&am=16 (дата обращения: 23.09.2012).
6. Нейжмаков М. Шаг из тени. Молодежное левое движение в России – тенденции и перспективы // Левая политика. 2007. № 2.
7. Программное заявление РКСМ (б). URL: <http://rksmb.org/prog.php> (дата обращения: 23.09.2012).
8. Организационные принципы Конфедерации революционных анархо-синдикалистов. URL: <http://aitrus.info/node/117> (дата обращения: 23.09.2012).
9. Манифест «Автономного действия». URL: <http://avtonom.org> (дата обращения: 23.09.2012).
10. Программа секции КРИ в СНГ. URL: <http://socialistworld.ru/programma-sekczii-kri-v-sng> (дата обращения: 23.09.2012).
11. О текущем положении и наших задачах: тезисы, принятые на конференции Российской секции КРИ. 16–17 апр. 2011 г. URL: <http://socialistworld.ru/materialy/organizacziya/dokumentyi/o-tekushhem-polozhenii-i-nashix-zadachax> (дата обращения: 23.09.2012).
12. Агония капитализма и задачи четвертого интернационала. URL: <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/SA/Trotsky-IV/Trotsky-Agonia.html> (дата обращения: 23.09.2012).
13. На чем мы стоим: [официальный сайт «Рабочей демократии»]. URL: <http://rwp.ru/index.html> (дата обращения: 23.09.2012).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

M.V. Bogomolov
Problems of Defining
the Amount of Compensable
Legal Expenses for Proxy
Services in Arbitration
Proceedings
in the Russian Federation

The author studies the mechanism of determining legal costs for proxy services. The criterion of "reasonable limits" of compensable legal costs is researched.

Key words and word-combinations: arbitration proceedings, procedural proxy services, legal costs for proxy services, "reasonable limits" of proxy services costs.

Раскрывается механизм определения размера судебных расходов на услуги представителя. Исследуется критерий «разумных пределов» подлежащих компенсации расходов.

Ключевые слова и словосочетания: арбитражный процесс, процессуальное представительство, расходы на оплату услуг представителя в арбитражном процессе, «разумные пределы» стоимости услуг представителя.

УДК 347.9
ББК 67.410

М.В. Богомолов

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА ПОДЛЕЖАЩИХ КОМПЕНСАЦИИ СУММ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ НА УСЛУГИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Возможность осуществления предоставленных законодателем прав характеризует правовую систему государства как реально функционирующий механизм, в противном случае право просто не действует [1, с. 70]. Ключевым звеном, обеспечивающим эффективность действия ряда таких конституционных принципов, как свободный доступ к правосудию, равенство всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) или право каждого на квалифицированную юридическую помощь (ст. 46 Конституции РФ) , является институт компенсации судебных расходов на услуги представителя.

В повседневной жизни именно экономическая составляющая вопроса использования квалифицированного специалиста в области

права для решения конкретной проблемы зачастую определяет выбор в пользу самостоятельного (не всегда верного) способа отстаивания своих прав и законных интересов в суде. Предоставление законодателем возможности тяжбующимся компенсировать, в случае вынесения решения в их пользу, понесенные на процессуального представителя расходы [2, ч. 2 ст. 110] существенно способствовало реализации указанных конституционных принципов, основополагающих для правового общества и государства. Понесенные на оплату услуг представителя расходы подлежат взысканию с противоположной стороны по данному делу, при этом закон говорит о взыскании «в разумных пределах» [3, с. 214]. Однако существует ряд проблем, связанных с определением размера подлежащих компенсации сумм судебных расходов на услуги представителя в судебном, в частности арбитражном процессе.

Анализ действующего арбитражного процессуального законодательства, а также судебной практики позволяет сделать вывод о том, что закрепив на законодательном уровне возможность компенсации судебных расходов на услуги процессуального представителя, законодатель не раскрыл четкого механизма определения размера подлежащих компенсации сумм. Подобная ситуация в действительности вызывает существенные сложности для правоприменительной практики. Разрешение возникшей проблемы, на наш взгляд, заключается в формировании универсального подхода к определению размера подлежащих компенсации сумм расходов на услуги процессуального представителя.

Решение проблемы видится прежде всего в определении цели установления законодателем критерия «разумности», мнения исследователей о котором неоднозначны. Так, одни считают, что норма направлена на ограничение (снижение) ответственности «проигравшей стороны» по рассматриваемому судом делу [4]. В то же время, в трактовке Высшего Арбитражного Суда РФ, установление «разумных пределов» направленно исключительно на предотвращение сутяжничества, поскольку именно указанием на «разумность» при компенсации расходов на услуги представителя законодатель в значительной мере ограничил возможность «выигравшей» дело стороны наживаться за счет проигравшей, выдвигая огромные счета за услуги своего представителя [5].

На первый взгляд, оба подхода имеют достаточное обоснование. Но необходимо обратить внимание, что позиция «ограничения ответственности» применима исключительно к делам с участием в качестве стороны по делу физического лица и при условии, что данная сторона является «проигравшей». В подобной ситуации действительно целесообразно в зависимости от различных условий (наличие иждивенцев, нахождение лица в трудном финансовом положении, отсутствие по тем или иным причинам деятельности, приносящей финансовый доход) ограничить ответственность лица в целях сохранения его финансового благосостояния. Однако рассматриваемые арбитражными судами дела – это в большинстве случаев споры между юридическими лицами, в связи с чем предлагаемая трактовка введения и понимания «разумных пределов» не совсем приемлема. Рассматривая обоснование

установления «критерия разумности» исключительно как способа «ограничения сутяжничества», представляется, что с этих позиций невозможно определить конкретную сумму подлежащих взысканию с «проигравшей» дело стороны судебных расходов, понесенных на оплату услуг представителя.

По нашему мнению, изложенные точки зрения лишь предполагают возможные цели установления критерия «разумности» размера компенсируемых сумм, но в чистом виде не способны предложить реального механизма решения существующей проблемы. В связи с этим предлагаем иную, переработанную и дополненную концепцию определения подлежащей компенсации суммы расходов на услуги процессуального представителя, которая помимо критерия «разумности» включает в себя принцип «соразмерности». Соразмерность следует рассматривать в двух аспектах: 1) как соразмерность расходов на услуги представителя и реальной стоимости нарушаемого или оспариваемого права; 2) как соразмерность заявленной стороной стоимости услуг представителя по конкретному делу стоимости, обычно устанавливаемой за подобные услуги [6; 7].

При определении среднестатистической суммы возмещаемых затрат можно исходить из нескольких соображений: во-первых, из стоимости подобных услуг в регионе по аналогичным делам (подобная позиция довольно распространена в правоприменительной практике арбитражных судов РФ); во-вторых, из стоимости услуг, «обычно» уплачиваемой стороной (представляемым субъектом) за аналогичные услуги; в-третьих, из стоимости «обычно» взимаемой конкретным представителем за оказываемые им аналогичные услуги.

Рассмотрим предложенный критерий «соразмерности» более подробно.

Раскрывая соразмерность стоимости услуг представителя и реальной стоимости нарушаемого или оспариваемого права (цене иска) , следует учитывать, что подобный подход более приемлем в ситуациях с требованиями материального характера. В случае же предъявления нематериального требования, с нашей точки зрения, необходимо обратиться к таким юридическим понятиям, как деловая репутация или, в некоторых случаях, упущенная выгода. Оценив с позиции данных институтов уже нанесенный или наносимый (в перспективе) стороне вред, считаем возможным определить, насколько соразмерны судебные расходы на услуги представителя предотвращенным его действиями последствиям. При этом следует установить верное соотношение цены услуг представителя к вреду (как фактически понесенному, так и предотвращаемому в перспективе) . По нашему мнению, размер первой не должен превышать размера второго.

Анализируя данный критерий в контексте – соразмерности стоимости услуг представителя среднестатистическим данным, необходимо рассмотреть каждый из трех предложенных вариантов возмещения затрат в отдельности и по возможности определить наиболее приемлемый.

В основе первого из предложенных вариантов лежит соотнесение стоимости услуг представителя со среднестатистической ценой на подобные услуги в каждом конкретном регионе. Подобный подход на первый взгляд вполне приемлем, поскольку основан на статистических данных и возмож-

ности заявленные стороной суммы всегда подтвердить. В то же время данный подход практически лишает заявителя надежды на справедливую, полноценную компенсацию в случае обращения к «профессионалу высшего класса», цена на услуги которого, разумеется, значительно выше среднестатистической стоимости в регионе, тем более если этот профессионал привлекается из другого региона с более развитой экономикой. Следовательно, такой подход будет ущемлять конституционное право на труд самого представителя. К тому же необоснованность подобного подхода с его монопольностью показана в литературе по ряду иных оснований [8, с. 25]. Следовательно, данный подход невозможно использовать в качестве универсального, рекомендовать к применению во всех случаях.

Второй подход базируется на сопоставимости сумм с обычно уплачиваемыми конкретной стороной, представляемой субъектом, за подобные услуги. Сторона, заявляя необходимость компенсации понесенных ею расходов на услуги представителя, подтверждает заявленную сумму – например, договором на оказание услуг, после чего доказывает обоснованность установления именно этой суммы в качестве цены договора, поскольку она (сторона) всегда уплачивает примерно такую (хотя, может быть и высокую) сумму. Но такой подход провоцирует ситуацию, когда одна сторона будет сознательно выплачивать большие гонорары привлекаемым ею представителям, чтобы оказывать давление на процессуально противоположную сторону самой вероятностью компенсации высоких затрат в случае проигрыша противником спора в суде. Таким образом, факт стабильности выплат организацией крупных гонораров нельзя принять за основу надлежащего обоснования «разумности» понесенных расходов, но в то же время следует учитывать как факт, имеющий существенное значение при принятии решения о возмещении затрат на оплату услуг представителя.

Обоснование «соразмерности» заявленных стороной к компенсации сумм, основанной на цене услуг конкретного представителя, обычно взимаемых им за подобные услуги, может показаться противоречивым и неоднозначным. Но, на наш взгляд, данный способ не ущемляет прав процессуальных представителей различного профессионального уровня (от начинающих до узких специалистов). Кроме того, он обосновывает заявляемые стороной расходы, руководствуясь данными из личной практики самого представителя и стоимостью его труда, основанной на общепризнанном коллегами уровне его профессионализма. Анализируемый путь способствует сокращению злоупотреблений правом со стороны участника процесса при разрешении вопроса о компенсации судебных расходов (существенных размеров), поскольку сам факт отнесения данного класса процессуальных представителей к разряду высокопрофессиональных специалистов предполагает высокий как образовательный, так и морально-этический уровень.

В заключение следует отметить, что для определения действительно справедливого размера суммы подлежащих компенсации судебных расходов на услуги процессуального представителя недостаточно установления в арбитражно-процессуальном праве одного лишь критерия «разумности», поскольку

ку он является декларативным и носит сугубо оценочный характер. Решение существующей проблемы, по нашему мнению, видится в обязательном использовании рассмотренного критерия «соразмерности» в обоих его аспектах. Так, при определении фактических размеров компенсируемых сумм необходимо руководствоваться следующими критериями: стоимость аналогичных услуг в среднем по региону, размер обычно уплачиваемых сумм каждой конкретной стороной (представляемым субъектом), цена услуг каждого конкретного представителя, вытекающая из его личной практики. Выведенная из этих трех величин средняя сумма, помимо прочего, не должна нарушать установленного правила о недопустимости превышения стоимости услуг представителя цены защищаемых им интересов или предотвращаемого вреда.

Предлагаемая нами концепция не противоречит установленному законодателем критерию «разумности», отвечает целям ограничения сутяжничества, поскольку основана на статистических данных. При необходимости, в исключительных случаях, вычисленный с ее помощью размер компенсации может быть снижен в целях ограничения ответственности конкретной «проигравшей стороны». Именно такой дифференцированный подход позволит процессуальной стороне пользоваться реально действующим механизмом, способствующим реализации ряда межотраслевых принципов российского права, разрешив при этом проблему определения размера судебных расходов на услуги представителя в арбитражном процессе.

Библиографический список

1. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М., 2001. (Классика российской цивилистики).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 8 дек. 2011 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2011. № 50. Ст. 7364.
3. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2007.
4. *Мякина А.В.* Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации // Убытки и практика их возмещения: сб. статей / отв. редактор М.А. Рожкова. М., 2006.
5. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах: информ. письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 дек. 2007 г. № 121 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
6. *Рожкова М.А.* Проблемы возмещения судебных расходов на оплату услуг представителей и иных судебных убытков // Убытки и практика их возмещения: сб. статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006.
7. *Савранский М.Ю.* Возмещение расходов на юридических представителей: практика МКАС при ТПП РФ // Арбитражное правосудие в России. 2008. № 2.
8. *Пепеляев С.Г.* О подходах к раскрытию понятия «разумные пределы расходов на представительство в суде» // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2008. № 8.

O.V. Levchenko,
E.V. Mishchenko
Problems of the Legal Status
of a Person under Investigation
on the Application
of Compulsory Medical
Treatment

Problems of the legal status of a person under investigation on the application of compulsory medical treatment are considered. Ways to improve the current legislation and law enforcement practices with regard to all factors affecting such person's rights and interests observance are proposed.

Key words and word-combinations: human rights, personal legal status, compulsory medical treatment, insanity.

Рассмотрены проблемы правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Внесены предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики правоприменения с учетом всех факторов, влияющих на соблюдение прав и интересов названных лиц.

Ключевые слова и словосочетания: права человека, правовой статус личности, принудительные меры медицинского характера, невменяемость.

УДК 343.268+342.7
ББК 67.408.05+67.400.03

О.В. Левченко, Е.В. Мищенко

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Современная наука уголовно-процессуального права активно исследует вопросы правового положения лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства с точки зрения соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с Конституцией РФ и международными стандартами. Актуальность таких исследований подтверждается положениями и выводами, в которых предлагаются пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, тем более нуждается в особом внимании со стороны законодательных органов, поскольку оно не в состоянии самостоятельно защитить свои права и интересы в связи с психической болезнью. Задача исследователя при таких обстоятельствах усложняется, поскольку необходимо обосновать не только включение в закон дополнительных гарантий, но и проанализировать, каким образом они обеспечат соблюдение прав человека и гражданина, страдающего психическим расстройством.

В концепции прав человека воплотились различные доктрины, философские воззрения, политические, экономические, этические и правовые учения многих веков и народов. В

основе этой концепции – представление о человеке, его достоинстве как высшей ценности. Человек как член общества и как носитель индивидуального начала воплощается в личности.

Личность появляется с момента осознания человеком своего «я» и в своем развитии проходит путь от «минимума личности» до своей социальной зрелости [1, с. 227]. Такой подход поддерживается и правоведами, которые также стоят на позиции, что человек, стремящийся стать личностью, должен был пройти соответствующие стадии социального развития. Некоторые из правоведов полагают, что дети и душевнобольные не могут считаться личностями [2, с. 42]. В связи с этим справедливо мнение М.С. Строговича, отмечавшего, что каждый человек – личность. «Конечно, – пишет он, – личности бывают разные, есть личности высокого уровня развития, есть личности малоразвитые, есть личности достойные, есть личности деградированные, изуродованные, разложившиеся, но каждый человек заслуживает отношения к себе как к личности» [3, с. 190].

Понятие «личность» – самая обобщенная по уровню абстракции категория, которая охватывает все разнообразие человеческих индивидуумов, в том числе в срезе их правового положения. Следует отметить, что в настоящее время правоведение сосредоточивает свое внимание в основном на юридическом обеспечении прав и свобод человека и гражданина в соответствии с внутригосударственными и международными закономерностями развития правовых явлений.

Основным звеном механизма регулирования уголовно-процессуальных отношений, которые обеспечивают реализацию статуса личности, являются правовые нормы. Правовые нормы всегда отражают уровень развития общества, поскольку содержат запреты и дозволения, которые общество на данном этапе исторического развития считает необходимым ввести для своего жизнеобеспечения. Современная концепция государства, имеющая своим приоритетным направлением обеспечение прав личности, в настоящее время требует определенного совпадения между содержанием правовых и моральных норм. Нарушение такой взаимосвязи опять приведет к различного рода перекосам, таким, как обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве. По выражению В.С. Шадрина, не права человека должны подгоняться под нужды расследования преступлений, уголовного процесса в целом, а, наоборот, уголовный процесс должен максимально соотноситься с правами человека [4, с. 18].

Подходя к вопросу о единстве правового статуса личности, включая лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, необходимо руководствоваться принципом равноправия, определенным Конституцией РФ [5, ст. 19], согласно которому все граждане, независимо от их социального положения, находятся в одинаковом правовом состоянии, обладают равными правами и возможностями, несут одинаковые обязанности. Выделение общего, единого правового статуса любой личности имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку, являясь исходным, методологическим понятием, позволяет определять специфические черты, присущие правовому статусу конкретного лица, его возможного ограничения или расширения в зависимости от наличия установленных законом юридических фактов. Вместе с тем в теории права выделяется специальный право-

вой статус, имеющий значение для обеспечения определенных дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов некоторых лиц. В уголовно-процессуальном праве специальным статусом обладают лица, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

В литературе отстаивается позиция, что совершение невменяемым деяния, предусмотренного уголовным законом, не влечет им утрату правоспособности и он остается субъектом права, наделенным по уголовному законодательству определенными правами, осуществляемыми самостоятельно или через представителей. В то же время он, как и несовершеннолетний, не является субъектом правового поведения, так как не несет ответственности за содеянное. К нему могут быть применены меры превентивного характера в виде принудительных мер лечения [6, с. 84].

С.Н. Шишков предложил новый концептуальный подход к уголовно-правовым проблемам невменяемости, считая, что невменяемость необходимо рассматривать в качестве разновидности уголовно-правовой недееспособности, а именно той, что обусловлена болезненным состоянием психики. При таком понимании невменяемости «особое психопатологическое состояние» оказывается не более чем ее фактическим основанием [7, с. 32].

Обосновывая теорию специального правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, необходимо подчеркнуть некоторые аспекты, имеющие значение в ее исследовании.

Во-первых, какую бы опасность лицо с психическим расстройством ни представляло для себя самого и окружающих, оно должно совершить деяние, запрещенное уголовным законом. Только при совершении такого деяния оно вступает в уголовно-правовые отношения с государством и становится субъектом этих правоотношений. Объектом посягательства при этом являются охраняемые законом ценности; объективная сторона – внешнее проявление деяния; субъективная сторона – болезненное состояние психики. Как правильно указал Р.И. Михеев, рассуждения о вменяемости вообще, вне преступления «безотносительно к субъекту преступления и к уголовной ответственности – беспредметны» [8, с. 72].

Во-вторых, невменяемость как понятие юридическое есть особое правовое состояние лица, при наличии которого оно освобождается от уголовной ответственности, то есть от обязанности понести наказание за совершенное преступление, и приобретает другую обязанность – подвергнуться принудительному лечению в соответствии с УПК РФ [9, гл. 51]. Применение данных мер к лицу не связано с ретроспективной (негативной) уголовной ответственностью [10, ст. 21] и не имеет своими целями восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

В-третьих, как субъект уголовного правоотношения лицо, безусловно, наделяется правами и обязанностями в соответствии с Конституцией РФ. При этом его нельзя ограничивать в правах в сравнении с подозреваемым, обвиняемым или подсудимым. Кроме того, оно приобретает ряд прав, соответствующих своему особому правовому состоянию.

Таким образом, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, обладает общим правовым статусом как любой гражданин Российской Федерации и специальным правовым статусом, обусловленным наличием у него психического расстройства, причем свои права такое лицо может, если позволяет состояние здоровья, осуществлять лично.

Не совсем верным поэтому представляется положение, в соответствии с которым представительство в судопроизводстве – «это замена одного лица другим (представителем) , при которой процессуальная деятельность представителя создает права и обязанности представляемого лица» [11, с. 131]. Согласно современному уголовно-процессуальному законодательству законные представители, в том числе лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, считаются самостоятельными участниками уголовного судопроизводства и за ними закрепляется достаточно широкий спектр прав для выполнения обязанности представителя.

На протяжении длительного времени ученые-процессуалисты вели научные споры о возможности личного участия в уголовном судопроизводстве данного лица и об объеме предоставляемых ему прав. Данная дискуссия не могла не коснуться и реализации международно-правовых аспектов процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Прежде всего, необходимо опираться на Декларацию о правах умственно отсталых лиц, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1971 г. [12]. В ней записано, что: а) умственно отсталое лицо имеет в максимальной степени осуществимости те же права, что и другие люди; б) в случае судебного преследования в связи с каким-либо деянием оно должно иметь право на должное осуществление законности, полностью учитывающее степень умственного развития; в) умственно отсталое лицо имеет право пользоваться квалифицированными услугами опекуна в тех случаях, когда это необходимо для защиты его личного благосостояния и интересов; г) если вследствие серьезного характера инвалидности умственно отсталое лицо не может надлежащим образом осуществлять все свои права или же возникает необходимость в ограничении или аннулировании некоторых или всех таких прав, то процедура, применяемая в целях такого ограничения или аннулирования, должна предусматривать надлежащие правовые гарантии от любых злоупотреблений.

Попытку разрешить такую проблему предпринял Конституционный Суд РФ, который определил, что лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должны обеспечиваться процессуальные права, равные с правами других лиц (подозреваемый, обвиняемый) , в отношении которых осуществляется уголовное преследование, хотя это лицо и не привлекается к уголовной ответственности [13]. Внесенные дополнения в ч. 1 ст. 437 и ч. 1 ст. 441 УПК РФ о возможности участия лица, к которому могут быть применены принудительные меры медицинского характера в досудебном и судебном производстве, все же вызывают много вопросов, не разрешенных уголовно-процессуальным законодательством.

Основная проблема касается отсутствия механизма реализации правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. В законе говорится о том, что данному лицу предоставляется право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ процессуальные права и лично участвовать в судебном заседании, если это возможно по его психическому состоянию. В каком порядке и кто знакомит лицо с этими правами, какой процессуальный документ при этом составляется, УПК РФ не регламентируется.

Пробел в законе не позволит единообразно осуществлять практику ведения судопроизводства по такому роду дел, и, как следствие, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, не сможет воспользоваться теми правами, которые гарантирует его статус. По этой причине законодатель должен включить в УПК РФ отдельную норму, посвященную правовому статусу данного лица, сформулировав ее следующим образом:

«1. Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, вправе: 1) знать о возбуждении в отношении него уголовного дела и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, копию постановления о применении к нему меры пресечения, копию постановления о помещении в психиатрический стационар; 2) знать о возможности применения к нему судом принудительной меры медицинского характера и получить копию постановления о направлении дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера; 3) давать объяснения и показания по совершенному общественно опасному деянию или отказаться от дачи показаний. При согласии лица, к которому может быть применена принудительная мера медицинского характера, он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе при его последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части 2 статьи 75 настоящего Кодекса; 4) представлять доказательства; 5) заявлять ходатайства и отводы; 6) давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет; 7) пользоваться помощью переводчика бесплатно; 8) пользоваться помощью защитника бесплатно с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы; 9) иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса лица, без ограничения их числа и продолжительности; 10) иметь законного представителя; 11) участвовать с разрешения следователя в следственных действиях, проводимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя; знакомиться с протоколами этих следственных действий и подавать на них замечания; 12) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, ставить вопросы эксперту и знакомиться с заключением эксперта; 13) знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из него любые сведения в любом объеме; 14) снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств; 15) приносить жалобы на действия и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда и принимать участие в их рассмотрении судом; 16) возра-

жать против прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным статьями 24 и 27 настоящего Кодекса, а также в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны; 17) если психическое состояние позволяет, участвовать в судебном разбирательстве дела лично в судах первой, второй и надзорной инстанций, а также в рассмотрении судом вопросов об избрании в отношении него меры пресечения или помещения в психиатрический стационар; 18) знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания; 19) обжаловать постановление суда и получать копии обжалуемых решений; 20) получать копии принесенных по делу жалоб и представлений и подавать возражения на них; 21) участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с продлением, изменением или прекращением применения принудительной меры медицинского характера; 22) защищаться иными средствами и способами, не запрещенными настоящим Кодексом.

2. Участие в уголовном деле законного представителя и защитника не служит основанием для ограничения какого-либо права лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера.

3. Разъяснение прав, предусмотренных настоящей статьей, лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, производится следователем, дознавателем при первом допросе и судом, если решение о личном участии лица принято судом».

Другой немаловажной проблемой полной реализации правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, является своевременное участие защитника по делу, которое является важнейшей гарантией обеспечения прав и законных интересов личности – участника процесса.

Наука уголовно-процессуального права стоит на позиции, что защита прежде всего противопоставляется обвинению и направлена на обеспечение уголовно-процессуальной функции, которая «представляет собой определенную совокупность последовательных, взаимодополняемых действий субъектов уголовного процесса со стороны защиты, которые предопределяются защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» [14, с. 25].

В соответствии со ст. 438 УПК РФ участие защитника в производстве по применению принудительных мер медицинского характера обязательно с момента вынесения постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы. Однако действующая норма не в полной мере гарантирует своевременное вступление защитника в дело.

Представляется, что момент участия защитника должен быть установлен при наличии сомнений в психической полноценности лица, которого нужно привлечь к уголовной ответственности, то есть до назначения судебно-психиатрической экспертизы. Источниками таких сведений могут быть справки медицинских учреждений, истории болезни, медицинские карточки и т.п. После производства экспертизы и установления фактов, служащих основаниями для производства о применении принудительных мер медицинского характера, начинать такое производство следует уже при участии защитника, который имеет

право оспорить данное решение. Это послужит гарантией реализации процессуальных прав лица, к которому могут быть применены принудительные меры медицинского характера, и вместе с тем обеспечит полноту исследования обстоятельств дела и защиту его законных интересов. Особенно это необходимо тогда, когда в силу болезненного состояния больной не может участвовать в следственных действиях. Изложенное в полной мере относится и к процедуре назначения экспертизы, когда лицо не знакомится с постановлением в силу болезненного состояния психики и тем самым лишено возможности реализовать свои права и отстаивать свои законные интересы.

Психические расстройства не столь очевидны, как физические, и их нельзя выявить без специальных исследований, тем более что следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, суд не обладают специальными познаниями в области психиатрии и психологии и, как правило, не могут определить, имеются ли у лица какие-либо психические расстройства. Однако они могут, исходя из своего опыта и общих знаний, обнаружить некоторые характерологические особенности субъекта, которые позволят заподозрить наличие психических отклонений. В этом случае должна быть сразу же назначена судебно-психиатрическая экспертиза.

Законность и обоснованность применения принудительных мер медицинского характера зависят от психологических и профессиональных качеств должностных лиц, а также от уровня их правосознания и совести. Кроме того, особенности рассматриваемого производства требуют от сотрудников правоохранительных органов не только хорошего знания законодательных актов, но и представлений о судебной психиатрии, патопсихологии и других наук, где объектом изучения является личность, страдающая психическим расстройством. К сожалению, в настоящее время следователи не готовы грамотно трактовать информацию, получаемую из медицинских учреждений, оценивать ее и применять в процессе производства по уголовному делу. Отсюда можно заключить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит достаточных гарантий защищенности психически больных лиц от некомпетентных действий правоприменителя.

Таким образом, проблемы правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, носят многоплановый характер. Их разрешение возможно при учете всех факторов, влияющих на законное и обоснованное соблюдение прав и интересов таких лиц.

Библиографический список

1. *Платонов К.К.* Структура и развитие личности. М., 1986.
2. *Орзих М.Ф.* Личность и право. М., 1975.
3. Конституция общенародного государства: вопросы теории. М., 1979.
4. *Шадрин В.С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000.
5. Конституция Российской Федерации (в ред. от 30 дек. 2008 г.) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
6. *Михеев Р.И., Протченко Б.А.* Правоотношения, порожаемые деяниями невменяемого // Советское государство и право. 1984. № 11.
7. *Шишков С.Н.* Уголовный кодекс России и проблемы невменяемости // Журнал российского права. 1998. № 1.

8. *Михеев Р.И.* Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток, 1983.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 28 июля 2012 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 2012. № 31. Ст. 4332.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 июля 2012 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2012. № 31. Ст. 4330.
11. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб., 2005.
12. Декларация о правах умственно отсталых лиц: принята резолюцией 2856 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1971 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/retarded
13. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева» от 20 нояб. 2007 г. № 13-П // СЗ РФ. 2007. № 48 (ч. 2). Ст. 6030.
14. *Кудрявцева А.В., Великосельский Ю.И.* Функция защиты на стадии предварительного расследования. Челябинск, 2006.

T.V. Gornaeva
Temporary Transfer of Adult
Disabled People from Inpatient
Social Services
to the Families
of Their Relatives

Various aspects of temporary transfer of adult disabled people to their family and relatives are considered. Legal solutions to the problem are proposed.

Key words and word-combinations: adult disabled people, guardianship, social services, family, relatives.

Рассматриваются различные аспекты временной передачи совершеннолетних недееспособных граждан их близким и родственникам. Предлагаются правовые способы решения проблемы.

Ключевые слова и словосочетания: совершеннолетние недееспособные граждане, опека, учреждения социального обслуживания, семья, родственники.

УДК 347.61/.64
ББК 67.404.5

Т.В. Горнаева

**ВРЕМЕННАЯ ПЕРЕДАЧА
СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
НЕДЕЕСПОСОБНЫХ
ГРАЖДАН
ИЗ СТАЦИОНАРНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ
СОЦИАЛЬНОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ В СЕМЬИ
ИХ РОДСТВЕННИКОВ**

Даже в современных условиях, когда медицина, казалось бы, умеет все или почти все, определенная часть населения страдает такими формами заболеваний, при которых больные признаются судом недееспособными, так как не могут понимать значения своих действий и руководить ими. Тогда встает вопрос устройства гражданина, признанного судом недееспособным. Одним из решений про-

блемы выступает установление опеки как способа защиты прав и законных интересов граждан.

Совершеннолетние недееспособные граждане нуждаются в защите не меньше, чем несовершеннолетние. Опека над совершеннолетним недееспособным гражданином как форма его жизнеустройства является наиболее благоприятной, так как он остается в привычных домашних условиях и получает индивидуальный уход. Однако по объективным причинам (занятость на работе, физическое состояние подопечного и т.п.) родственники не всегда имеют возможность стать опекунами. В этом случае совершеннолетние недееспособные граждане помещаются под надзор в стационарные учреждения социального обслуживания.

Как правило, если помещение совершеннолетнего недееспособного гражданина под надзор в стационарное учреждение социального обслуживания обусловлено необходимостью обеспечения подопечного круглосуточным уходом, что крайне сложно обеспечить в домашних условиях, родственники желают поддерживать с ним связь и временно забирать его в свою семью на проживание (например, на время отпуска).

Рассматриваемая проблема затрагивает интересы людей, относящихся к категории наиболее социально уязвимых – недееспособных граждан, которые по объективным причинам не в состоянии самостоятельно защитить свои права и интересы. В связи с этим важно определить, каким образом в рамках действующего законодательства Российской Федерации можно осуществить временную передачу совершеннолетнего недееспособного гражданина в семью родственников, не нарушив его права и законные интересы.

До недавнего времени руководитель учреждения социального обслуживания, исполняющего обязанности опекуна совершеннолетнего недееспособного гражданина, давал разрешение на временную передачу подопечного в семью родственников. Таким образом, всю ответственность за подопечного он брал на себя, так как именно учреждение в данном случае является законным представителем опекаемого. Но такая уже сложившаяся практика противоречит действующему законодательству Российской Федерации: временная передача совершеннолетних недееспособных граждан, находящихся под надзором в учреждениях социального обслуживания, в семьи их родственников аналогично временной передаче детей, находящихся под надзором в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, им не предусмотрена.

Изучение данной проблемы целесообразно начать с анализа законодательства, действующего в сфере опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных граждан.

Гражданским кодексом РФ установлено, что недееспособность – это неспособность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их; гражданин признается недееспособным в силу недостижения определенного возраста либо вследствие психического расстройства [1, ст. 21]. Совершеннолетний гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над лицом, признанным недееспособным, устанавли-

вается опека [1, ст. 29]. К обязанностям опекунов совершеннолетних недееспособных граждан относится забота о содержании своих подопечных, об обеспечении их уходом и лечением, защита их прав и интересов [1, ст. 36].

Недееспособным гражданам, помещенным под надзор в медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, опекуны или попечители не назначаются. Исполнение обязанностей опекунов или попечителей возлагается на указанные организации [1, ст. 35]. При помещении подопечного под надзор в медицинскую организацию, организацию, оказывающую социальные услуги, или иную организацию орган опеки и попечительства освобождает ранее назначенного опекуна, если это не противоречит интересам подопечного [1, ст. 39].

Положением Министерства социального обеспечения РСФСР о психоневрологическом интернате предусмотрено, что временное выбытие из интерната престарелых инвалидов может быть разрешено с учетом заключения врача о возможности выезда при наличии письменного обязательства родственников или других лиц об обеспечении ухода за больным и с согласия директора учреждения на срок не более одного месяца [2, с. 3]. В то же время орган опеки и попечительства, осуществляя надзор за деятельностью учреждения, куда помещены совершеннолетние недееспособные граждане, в соответствии с федеральным законом должен контролировать недопущение случаев дачи согласия руководителем стационарного учреждения социального обслуживания на подобное временное выбытие из интерната совершеннолетнего недееспособного гражданина [3, ст. 8]. Таким образом, руководитель стационарного учреждения социального обслуживания, в том числе психоневрологического интерната, не может дать согласие на временное выбытие из учреждения совершеннолетнего недееспособного гражданина в семью его родственника, не являющегося опекуном этого недееспособного.

Согласно разъяснению Министерства здравоохранения и социального развития РФ вопрос о выписке недееспособного гражданина из психоневрологического интерната по просьбе его родственников к ним на попечение может быть решен только после принятия органом опеки и попечительства акта, предусматривающего назначение подопечному опекуна на основании личного заявления данного гражданина и с его согласия [4, с. 2]. Следовательно, родственнику совершеннолетнего недееспособного гражданина, находящегося в учреждении социального обслуживания, изъявившему желание взять на определенный срок подопечного к себе для проживания, необходимо обратиться в орган опеки и попечительства по вопросу назначения его опекуном такого недееспособного.

Орган опеки и попечительства в акте о назначении опекуна может указать срок действия полномочий опекуна, определяемый периодом или указанием на наступление определенного события [3, ст. 11]. Он же, исходя из интересов лица, нуждающегося в установлении над ним опеки, может назначить ему несколько опекунов. При назначении нескольких опекунов обязанности по обеспечению подопечного уходом и содействием в своевременном получении им медицинской помощи распределяются между опекунами в соответствии с актом органа опеки и попечительства об их назначении либо договором об осуществлении опеки [3, ст. 10].

Случается, что по объективным причинам опекун – физическое лицо не имеет возможности надлежащим образом обеспечить ежедневный уход, лечение своему

подопечному – совершеннолетнему недееспособному гражданину (по причине занятости на работе, физического состояния подопечного и т.п.) . Тогда опекун вынужден поместить своего подопечного под надзор в стационарное учреждение социального обслуживания, но при этом не желает быть освобожденным от исполнения обязанностей опекуна, с тем чтобы в дальнейшем брать подопечного к себе для проживания на определенный срок. В этой ситуации можно, на наш взгляд, не освобождать его от исполнения обязанностей опекуна в связи с помещением совершеннолетнего недееспособного гражданина в стационарное учреждение социального обслуживания и распределять обязанности между опекуном – физическим лицом и стационарным учреждением социального обслуживания в акте органа опеки и попечительства либо договором об осуществлении опеки.

Предложенная процедура осуществления временной передачи совершеннолетнего недееспособного гражданина, помещенного в стационарное учреждение социального обслуживания, в семью родственников позволит в рамках действующего законодательства Российской Федерации временно передать гражданина в семью для проживания, что будет в первую очередь отвечать его интересам и удовлетворит желание родственников поддерживать родственную связь, осуществлять уход и заботиться о совершеннолетнем недееспособном гражданине. При соблюдении оговоренных условий руководитель стационарного учреждения социального обслуживания может дать согласие на временное выбытие из учреждения совершеннолетнего недееспособного гражданина в семью его родственника, являющегося опекуном такого недееспособного гражданина, на срок не более одного месяца. В стационарном учреждении социального обслуживания за совершеннолетним недееспособным гражданином должно сохраняться койко-место.

Проблему принятия нормативного правового акта, регламентирующего вопросы временной передачи совершеннолетних недееспособных граждан, помещенных под надзор в стационарные учреждения социального обслуживания, в семьи родственников аналогично временной передаче детей, находящихся под надзором в организациях для детей-сирот, и детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо рассмотреть на федеральном уровне. Принятие соответствующего нормативного правового акта в первую очередь будет отвечать интересам совершеннолетних недееспособных граждан, помещенных под надзор в стационарные учреждения социального обслуживания, а также позволит избежать неоднородного толкования правовых норм и их вариативное применение на практике.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Об утверждении Положения о психоневрологическом интернате Министерства социального обеспечения РСФСР: приказ Министерства социального обеспечения РСФСР от 27 дек. 1978 г. № 145 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Об опеке и попечительстве: Федер. закон от 24 апр. 2008 г. № 48-ФЗ (в ред. от 1 июля 2011 г.) // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755; 2011. № 27. Ст. 3880.
4. Рекомендации Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 15 февр. 2010 г. № 18-2/452 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A.V. Makhyanova
Internalization Crisis
in the Socialization Process:
Causes and Mechanisms
of Control

The material of the author's poll which revealed the reasons for internalization of the crisis is presented. Ways to overcome the crisis by optimizing the activities of socialization agents are proposed.

Key words and word-combinations: internalization, socialization, crisis.

Представлен материал авторского социологического исследования, в котором раскрываются причины интернализационного кризиса. Предлагаются способы его преодоления посредством оптимизации деятельности агентов социализации.

Ключевые слова и словосочетания: интернализация, социализация, кризис.

УДК 316.614
ББК 60.52

А.В. Махиянова

ИНТЕРНАЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Интернализация рассматривается в качестве одного из элементов социализации и означает заимствование основных категорий индивидуального сознания из сферы общественных представлений и опыта. В научную мысль данное понятие введено представителями французской психологической школы (Ж. Пиаже, П. Жане, А. Валлон) и советским ученым Л.С. Выготским. В переводе с латинского данный термин означает «внутренний» и трактуется как процесс освоения внешних структур, в результате которого они становятся внутренними регуляторами личности.

Для социологической науки характерен свой подход к категории «интернализация». Во-первых, она рассматривается как важнейшая составляющая процесса социализации, поскольку отвечает за усвоение индивидом ценностей и норм конкретного социокультурного контекста, постижение значимых объективных фактов (прежде всего языка) для общения. Во-вторых, в процессе интер-

нализации общество оказывается как бы «внутри» индивида, а предписанные им нормы и правила становятся для него субъективно значимыми.

В целом под интернализацией понимается процесс, в ходе которого индивид познает и принимает в качестве обязательных социальные ценности и нормы поведения, характерные для его социальной группы или более широкой общности [1, с. 171].

Сущность интернализационного кризиса, а также причин его возникновения и развития можно свести к следующим аспектам. На современном этапе нормы, стандарты, ценности теряют однозначность по причине развития дезорганизационных тенденций распространения массовой культуры и разрушения традиционных основ организации повседневной жизни. Социальная реальность, основные элементы которой должны в процессе интернализации становиться частью личности, приобретает фрагментарность и дисперсность. Многие социальные институты провоцируют нелинейность и контекстуальность ценностно-нормативной системы. Интернализировав определенные элементы социальной реальности и организуя свою деятельность и повседневную практику, личность сталкивается с необходимостью постоянного пересмотра и перестройки сконструированного мира, что в итоге может привести к интернализационному кризису.

Безусловно, анализ последствий развития современного общества достаточно разнообразен и включает в себя как позитивные, так и негативные аспекты. Остановимся только на тех из них, которые так или иначе можно рассматривать в качестве причин возникновения интернализационного кризиса в процессе социализации. На наш взгляд, необходимо учитывать как процессы мирового масштаба, так и трансформационные процессы внутри российского общества.

Относительно первого аспекта речь идет о процессах глобализации. Например, Э. Гидденс считает, что личность подвергается разрывам, расчлененности в результате фрагментации жизненного опыта, у нее периодически возникает чувство «опустошенности» повседневной жизни из-за вторжения в нее абстрактных систем. Относительно влияния глобализации на формирование интернализационного кризиса необходимо подчеркнуть основную мысль исследователя, которая состоит в следующем. Происходит достаточно существенная трансформация таких социальных институтов, как государство, семья, работа, культура и т.д. Называя их «институтами-пустышками», Гидденс утверждает, что они уже не соответствуют тем задачам, которые должны выполнять, так как у них осталась только внешняя оболочка, тогда как внутреннее содержание полностью изменилось [2, с. 35]. Таким образом, социализация и интернализация рассматриваются в неразрывной связи с процессами глобализации, а их успешность ставится в зависимости от умения индивида устанавливать консенсус между собой и современностью.

В этом же русле У. Бек рассуждает об индивидуализации, которая во многом меняет повседневную жизнь современного человека. В самом общем понимании индивидуализация означает, что личность все в большей степени начинает зависеть от самой себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда. Это происходит на фоне освобождения от классовых отношений и форм обеспечения в семье. У. Бек показывает обратную сторону индивидуализации: у личности появляется зависимость от рынка, систем образования и потребления, от социально-правового регулирования, от возможностей и модных тенденций в меди-

цинской, психологической и педагогических сферах. Таким образом, формируются «институционально зависимые индивидуальные ситуации» [3, с. 109]. Речь идет, с одной стороны, об активизации в процессе социализации и взаимодействия мира в целом. С другой стороны, присутствует обратная сторона медали – детерминация повседневной жизни экономическими институтами.

Интересны в этом русле высказывания З. Баумана, основная мысль которого состоит в том, что личность не только решает задачи выбора идентичности и признания ее социальным окружением. Проблема современного общества, «мучающая людей», состоит в умении вовремя сделать выбор другой идентичности, если прежняя потеряет свою ценность. Современное общество З. Бауман сравнивает с индустрией самоидентификации, так как глобальные рынки сбыта потребительских товаров и информации постоянно воспроизводят новые символы для идентичностей. Идентичность в результате этого непостоянна. Она может угасать, заново рождаться или периодически подвергаться воздействию со стороны постоянно меняющихся символов [4, с. 185].

В данном случае акцент в большей степени смещается на идентичность как «конечный продукт» социализации и интернализации. Ее формирование погружается ученым в проблемное поле современности, основами которого являются непостоянство, социальная неопределенность и диффузность. Современное общество отходит от постоянства идентификационных основ, требуя от личности перманентности и умения менять свой идентификационный образ в соответствии с постоянной сменой образцов и стандартов. При этом внутренние переживания и трудности, которые во многом аналогичны переживаниям и трудностям при интернализационном кризисе, общество камуфлирует под естественные свойства современной повседневности.

Согласно рассмотренным тенденциям само общество и происходящие в нем процессы создают благоприятные условия для возникновения и развития интернализационного кризиса. К ним относятся расчлененность, чувство опустошенности, стрессы и напряженность, имеющие не локальный, а мировой характер; индивидуализация и зависимость повседневной жизни от экономических институтов, рост эгоцентрических мировоззрений; кризис идентичности на фоне индустрии по производству самоидентичностей. Российское общество, являясь частью мировой системы, безусловно, испытывает на себе воздействие указанных тенденций. Стоит также отметить, что на них накладываются процессы трансформации, вызванные распадом Советского Союза и социально-экономическими кризисами.

В научной литературе отечественными исследователями отмечается, что российское общество также становится амбивалентным, так как скорость происходящих преобразований начинает выступать в роли нового социального капитала, который не только является определяющим вектором социального статуса индивида, но и служит индикатором модернизации социума в целом. Определенная часть общества не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, что может привести к возникновению новых маргинальных групп, опасных классов. Делается предположение, что их основу будут составлять индивиды, которые вследствие своих физических и интеллектуальных способностей не осият адаптацию к скорости модернизации, к дифференцированной социокультурной динамике. Это, в свою очередь, приведет к диспропорции между инертным коллективным бессознательным и

динамикой разума, которая отличается быстрым приспособлением к увеличивающейся скорости происходящих изменений [5, с. 6– 7].

Таким образом, можно утверждать наличие в российском обществе определенных условий, которые являются благоприятной почвой развития интернализационного кризиса. Присутствует значительная доля индивидов, которая не в состоянии интернализировать новые нормы, стили, образы, ценности и т.д., жизненный мир которых не способен усвоить амбивалентность последствий происходящих изменений.

Безусловно, данные процессы отражаются на всех макро- и микропроцессах общества. Современность приводит к постоянной смене, перекодировке ценностно-нормативной системы, последствия которой очевидны. Как только индивид интернализирует определенный набор ценностей, норм, стандартов и организует в соответствии с ним свою повседневную жизнь, ему приходится неоднократно, можно сказать, периодически пересматривать и переоценивать усвоенный комплекс. Этого требует современность с ее нелинейной динамикой, плюралистичностью и амбивалентностью, с отсутствием долгой легитимации социальных форм. В совокупности мы имеем дело с основой формирования интернализационного кризиса у достаточно большой массы индивидов.

С целью определения причин и механизмов управления интернализационным кризисом было проведено авторское социологическое исследование. Выборочная совокупность сформирована с использованием метода случайной бесповторной квотной выборки путем многоступенчатого отбора обследуемых единиц.

В качестве квот отбирались такие показатели, как пол, возраст и место жительства респондента. Объем выборочной совокупности при 5%-ной ошибке репрезентативности составил 1500 респондентов, что позволяет говорить о высокой степени надежности полученных данных. Исследование проведено в 2012 г. в столице, в девяти малых городах, восьми поселках городского типа и в 23 селах Республики Татарстан.

В ходе разработки инструментария опроса учитывался основополагающий факт, что одной из ведущих причин формирования интернализационного кризиса является достаточно быстрая смена ценностей, норм и стандартов. Вследствие этого сконструированная социальная реальность индивида подвергается периодическому пересмотру, дополнению или частичному изменению. Особенно кризис может обостриться, если изменения касаются ценностей, норм и стандартов, заложенных в ходе первичной социализации, когда интернализированный мир воспринимается как данность. С целью раскрытия данного аспекта в ходе прикладного исследования блок вопросов был направлен на выявление характера, причин и последствий трансформационных процессов ценностно-нормативной системы общества.

В целом подавляющее число опрошенных считает, что в современном обществе происходит достаточно быстрая смена ценностей норм и стандартов поведения (67,5 %). Каждый второй респондент характеризует данные изменения как медленные (22,3 %), и только каждый десятый считает их неизменными (9,5 %). Затруднились с ответом 0,7% опрошенных.

Тройку лидеров причин достаточно быстрой смены основных ценностей и норм составили социально-экономическое расслоение, возрастание роли средств массовой информации и экономические кризисы (58,6; 49 и 42,5% соответ-

ственно) . Незначительно уступила причина, связанная с распадом Советского Союза (36%) . В менее значимую группу причин вошли изменение общественного сознания, технический прогресс и возрастание роли религии (29,4; 22,9 и 14,4% соответственно) .

С изменением ценностей, норм и стандартов человеку приходится постоянно приспосабливаться к ним, адаптироваться, менять привычный взгляд на повседневную жизнь, что, безусловно, является благоприятной почвой для развития интернализационного кризиса. При ответе на вопрос «Каковы могут быть последствия данных изменений для человека?» подавляющее большинство обозначило развитие неуверенности в будущем и потерю нравственности, духовности (47,4 и 40,5%) . Треть опрошенных рассматривает девиантный вариант, когда человек может приобщиться к криминалу, преступности (34,8%) .

Следующая группа последствий носит социально-психологический характер и связана с развитием депрессии, апатии, чувств подавленности и потерянности (36,6; 31,2 и 28,8% соответственно) . Каждый пятый опрошенный предполагает, что человек может стать сторонником сект и других псевдорелигиозных течений (19%) . Если 7,7% считают, что никаких последствий не произойдет, то 3,2% респондентов прогнозируют только положительные последствия.

Дисбалансирующие процессы ценностно-нормативной системы, неустойчивость и перманентность ее оснований находят отпечаток не только на микро-, но, безусловно, и на макроуровне. Основным негативным последствием для самого общества считается упадок морали и нравственности (56%) . Каждый второй опрошенный утверждает, что люди становятся более агрессивными (50,4%) . Не снижается и распространение девиантных форм, которые сводятся к росту преступности (45,2%) . Треть опрошенных видит среди последствий распространение половой распущенности и рост эгоистических настроений среди людей (34,5 и 34,8%) . Есть также мнение, что увеличивается число псевдорелигиозных течений и всевозможных сект, которое практически в два раза превышает мнение, что никаких последствий не происходит (14 к 7,5%) .

Помимо периодической смены приоритетов в ценностно-нормативной системе общества, на наш взгляд, стоит выделить и наличие в ней противоречий. Итоги проведенного исследования доказали наше предположение. В частности, подавляющее большинство респондентов полагает, что многие ценности, нормы и стандарты современного общества противоречат друг другу (82,2%) . Иной точки зрения придерживаются 13,6%, тогда как 4,2% опрошенных затруднились с ответом.

Анализ также был направлен на исследование последствий данных противоречий как для отдельного человека, так и для общества в целом. Относительно первого аспекта лидирующим последствием стало развитие у человека чувства неуверенности в будущем (42,9%) . Относительно других вариантов мнение опрошенных распределилось примерно в равных пропорциях. Респонденты говорили о том, что у человека может произойти потеря нравственности, духовности, что он может впасть в депрессию, апатию, испытать чувство потерянности (36,7; 34,8; 32,4 и 29,6%) . Треть опрошенных не исключает вариант приобщения к криминалу, преступности (33,2%) . Вовлечение в секты прогнозируют 18,5%, отсутствие каких-либо изменений – 7,5%, тогда как только 2,6% опрошенных полагают, что никаких последствий не произойдет.

При ответе на вопрос «Каковы последствия противоречий в ценностях, нормах и стандартах для самого современного общества?» каждый второй утверждает, что происходит упадок морали, нравственности и возрастает агрессивность людей (51,1 и 47,4%) . Не исключается рост преступности, криминала, а также эгоистических настроений (44,2 и 34,9%) . Треть респондентов среди последствий указывает на распространение половой распущенности (31,1%) . Примерно каждый десятый убежден, что никаких последствий не произойдет (8,4%) .

Мы задали респондентам следующий вопрос: «Как часто в Вашей жизни Вам приходится пересматривать усвоенные ранее ценности, нормы и стандарты?» При ответе на него каждый третий выбрал вариант «иногда» (32,5%) . Каждый пятый утверждает, что ему приходится это делать часто (18,1%) . Незначительно по показателям уступил такой вариант, как «редко» (16,7%) . Каждый десятый остановил свой выбор либо на варианте «очень редко», либо на варианте «достаточно часто» (10,8 и 10,1%) . Затруднились с выбором 0,8% опрошенных.

Среди причин, по которым пришлось пересматривать усвоенные ранее ценности, нормы и стандарты, лидировали расслоение населения на бедных и богатых и экономические кризисы (37,6 и 33,7%) . Следующую по значимости группу составили такие факторы, как знакомство с новыми ценностями и нормами посредством телевидения, радио, Интернета, изменение общественного сознания и разрушение Советского Союза (28,1; 28 и 25,7%) . В группу наименее значимых причин вошли технический прогресс, возрастание роли религии и распространение новых религиозных течений (18,1 и 10,1%) .

Показательно, что в исследовании не сразу возник акцент на личных чувствах и переживаниях человека, которые он испытывает при интернализации новых ценностей, норм и стандартов. Авторы старались подвести респондентов к данной теме с помощью вопросов, носящих обобщающий, безличный характер, после которых последовал вопрос: «Какие чувства Вы испытывали, когда ценности, нормы, усвоенные стандарты и взгляды на жизнь в целом подверглись изменению?»

Как и в предшествующих ответах, в данном случае лидерство занял вариант, связанный с ростом неуверенности в будущем (39,7%) . Каждый четвертый испытывал чувство потерянности, апатию и подавленность, а каждый пятый респондент – депрессию (27,1; 25,5 и 20,9% соответственно) . Признались в том, что у них произошла потеря нравственности, духовности, 17% опрошенных, тогда как 14,5% убеждены, что никаких последствий не произошло. Стало сторонником определенной религии или приобщилось к криминалу, преступности достаточно малое количество респондентов (6,6 и 5,5%) .

Таким образом, в качестве основных механизмов управления интернализационным кризисом необходимо рассматривать активизацию агентов социализации, связанных с близким окружением человека, а также использование социально-психологических техник, тренингов, применение которых направлено на разрешение данных внутриличностных проблем.

Для раскрытия механизма управления интернализационным кризисом был сформирован рейтинг агентов социализации, деятельность которых необходимо активизировать с целью его преодоления. Проведенная интерпретация и операционализация исходных категорий позволили выработать параметры из-

мерения влияния указанных агентов социализации и построить их рейтинг с применением расчета среднего значения.

Среди агентов социализации рассмотрены следующие институты и общности: семья; государство; образование (школа, вуз и т.д.) , средства массовой информации (телевидение, печатные издания, радио) ; религия, религиозная община; представители своей этнической принадлежности; близкое окружение (родственники, друзья) ; трудовой (производственный) коллектив, коллеги; люди, проживающие на одной территории (соседи, земляки и т.д.) .

Рейтинг построен с использованием подсчета среднего значения по трехбалльной системе оценки. Явными лидерами выступают семья и близкое окружение человека (2,73 и 2,26 балла) . Значимо в данном аспекте и образование, которое набрало чуть меньшее количество баллов (2,14) . В следующую по значимости группу вошли средства массовой информации, государство и трудовой коллектив (1,76; 1,69 и 1,65 балла соответственно) . Наименьшую роль в преодолении интернализационного кризиса играют территориальная общность, состоящая из людей, проживающих на одной территории (соседи, земляки) , и религиозная общность (1,47 и 1,41 балла) . Наименьшие показатели зафиксированы у такого агента социализации, как этническая общность (1,26 балла) .

Таким образом, многие неотъемлемые процессы и тенденции в развитии современного социума являются основополагающими и благоприятными условиями для развития интернализационного кризиса. К ним относятся разрушение традиционных основ организации повседневной жизни, негативные аспекты распространения массовой культуры, фрагментарность, дисперсность и контекстуальность ценностно-нормативной системы, рост индивидуализма, эгоцентрических основ взаимодействия, трансформация социальных институтов на фоне детерминирующего значения экономических институтов и, как следствие, увеличение и усложнение социально-психологических проблем современной личности. Помимо общемировых тенденций в российском обществе происходят собственные трансформационные процессы, которые также способствуют приобретению интернализационным кризисом массового характера.

Согласно итогам авторского исследования в обществе присутствует осознание того, что ценностно-нормативная система не является постоянной и характеризуется быстрой сменой своего внутреннего содержания. Социальная дифференциация, возрастание роли средств массовой информации и экономические кризисы выступают в роли ведущих факторов быстрой смены ценностно-нормативного комплекса.

Основой развития интернализационного кризиса является необходимость периодического пересмотра усвоенных ранее ценностей, норм и стандартов. Как показали результаты прикладного исследования, с данной необходимостью сталкивается подавляющее большинство опрошенных. Согласно полученным данным многие респонденты переживали интернализационный кризис. В основном он вызывал у них рост неуверенности в будущем, чувство потерянности, апатию, подавленность и депрессию. Менее всего распространены такие последствия, как потеря духовности, приобщение к криминалу и к псевдорелигиозным ценностям. В целом в общественном сознании доминирует отрицательная оценка как постоянных изменений в ценностях, нормах и стандартах, так и наличия в них противоречий.

В качестве последствий интернализационного кризиса на макроуровне выступают упадок морали и нравственности, рост агрессивности и девиации среди людей. Микроуровень последствий интернализационного кризиса, безусловно, касается внутреннего мира человека и связанных с ним проблем (неуверенность в будущем, усиление чувств апатии и депрессивного состояния) .

Механизм управления интернализационным кризисом в первую очередь заложен в оптимизации функционирования тех агентов социализации, которые непосредственно связаны с духовно-нравственным становлением личности и оказывают наиболее действенное влияние на ее социально-психологическое состояние (семья, близкое окружение, образование) . В качестве дополнения можно рассматривать привлечение социально-психологических практик, направленных на активизацию самостоятельности личности в решении внутренних проблем.

Библиографический список

1. Социологический словарь / пер. с англ. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; под ред. С.А. Ерофеева. М., 2004.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М., 2004.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М., 2000.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
5. Кравченко С.А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // Социологические исследования. 2007. № 9.

A.A. Remontova
Gender Factor
of the Professional Formation
of Students

The author examines the interrelation between gender characteristics of a personality and the professional motivation. Special emphasis is paid to the problem of gender factor influence on the process of a person's actualization in the specialty.

Key words and word-combinations: professional formation, gender characteristics.

Исследуется взаимосвязь между гендерной характеристикой личности и ее профессиональной мотивацией. Особое внимание уделяется вопросу влияния гендерного фактора на процесс самоактуализации личности в выбранной специальности.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональное становление, гендерные характеристики.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

А.А. Ремонтова

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

На современном этапе социально-экономического и культурного развития российского общества приоритетной является проблема формирования личности. Особое внимание при этом акцентируется на процессе ее профессионального становления, сопровождающегося изменением представлений индивида о себе и своем месте в социальном мире и мире профессий. Под профессиональным ста-

новлением нами понимается «продуктивный процесс развития и саморазвития личности, освоения и самопроектирования профессионально ориентированных видов деятельности и самоактуализации своего потенциала для достижения вершин профессионализма», который обогащает психику, наполняет жизнедеятельность человека особым смыслом [1, с. 58].

Анализ проблемы самореализации личности в профессии позволил предположить, что на ее эффективность оказывает влияние ряд факторов, которые можно подразделить на внутренние, внешние и внутренне-внешние.

Одним из самых влиятельных среди внутренних факторов выступает биологический, который закладывает наследственные свойства человека, обуславливающие особенности нервной системы, задатки мышления, способностей к трудовой деятельности и творчеству. А.В. Брушлинский, специально рассматривавший проблему предпосылок психического развития личности, пришел к выводу, что «на ранних стадиях онтогенеза биологическое выступает в качестве внутренних условий развития» [2, с. 30]. С биологическим фактором связано психическое развитие личности, включающее в себя такие качества, как усидчивость, целеустремленность, медлительность, тип темперамента и связанные с ним поведенческие реакции, способные оказать сильное влияние на реализацию личности в профессиональном труде.

Не менее важным внутренним фактором, оказывающим влияние на процесс профессионального становления, является мотивация, поскольку «подготовка специалистов опирается на осознание личностных мотивов с учетом конечной цели обучения, реализации связи учебной и профессиональной деятельности, формирования профессиональной направленности» [3, с. 69]. Более того, мотивация учения выступает движущим внутренним фактором, усиление которого следует рассматривать как важнейшее условие интенсификации обучения будущих профессионалов. Следует учитывать, что девушки, как правило, больше ориентированы на оценку их труда другими участниками совместной деятельности, поэтому похвала или негативная оценка являются основными регуляторами их трудовой активности. В мотивационной иерархии юношей доминирует такая ценность, как достижение конкретных и ощутимых результатов своего труда [4, с. 252].

По мере становления личности усиливается влияние внешних факторов, в числе которых наибольший интерес вызывают социальный фактор и воспитание. При этом внешние причины профессионального становления личности зачастую действуют опосредованно через внутренние условия. Таким образом, на процесс профессионального становления и самоопределения личности влияют не столько внутренние или внешние факторы, сколько их совокупность. Именно поэтому в последние годы пристальное внимание исследователей привлекает вопрос о влиянии гендерного фактора, сочетающего в себе характеристики как внутреннего, так и внешнего порядка.

С одной стороны, человек появляется на свет с определенной половой принадлежностью; с другой – именно под влиянием воспитания и окружающей среды происходит становление гендерной идентичности. В связи с этим перспективным и актуальным становится изучение профессионального становления

личности с позиции гендерного подхода, так как при данном подходе в центр внимания ставится учащийся и его личностные особенности, включающие мышление, способность к обучению, мотивацию.

Противоречия между необходимостью и значимостью исследования гендерных детерминант профессионального становления личности и отсутствием достаточного объема научных эмпирических данных об этом феномене позволили сформулировать основной вопрос данного исследования – как гендерный фактор влияет на успешность профессионального становления личности студента.

На наш взгляд, достижение положительных результатов в профессиональном становлении студента определяется такими детерминантами, как повышение уровня профессиональной мотивации, интенсификация учебного процесса и сформированность профессиональной компетентности, и связано не столько с биологическими характеристиками, сколько с гендерными особенностями. Рассматривая профессиональное становление с гендерной позиции, необходимо отметить, что данный процесс находится под сильным влиянием культурных норм, устанавливающих, что должны делать мужчины, а что – женщины, то есть под влиянием гендерных стереотипов.

Одним из наиболее распространенных выступает стереотип, предписывающий разное содержание труда. Общепринятым является мнение о существовании «женских» и «мужских» специальностей. Так, традиционно мужскими считаются профессии инструментальной сферы деятельности, имеющие творческий характер, в то время как женские профессии отличаются исполнительским или обслуживающим характером. Наряду с гендерным делением сфер профессиональной деятельности существует другое, выражающееся в том, что в большинстве случаев руководящие должности занимают мужчины, а позиции женщин носят подчинительный характер, что приводит к трудностям в их продвижении по служебной лестнице.

Общеизвестно, что лица мужского и женского пола предъявляют к профессиональной деятельности в значительной степени разные требования, видят в ней источник удовлетворения разных потребностей. Опираясь на данные ряда исследований, Е.П. Ильин отмечает, что у юношей существенно возрастает число требований к своей будущей квалификации, то есть принимается во внимание все большее число факторов [5]. Анализируя внутренние механизмы, смысл явлений и обстоятельств, юноши стремятся к работе, позволяющей получить власть, выгоду и независимость. Девушки же обращают внимание на качество и полезность объектов и более всего ценят работу на среднем уровне управления, где требуется умение ладить с людьми.

Позитивный результат работы производственного коллектива зависит от степени реализации как специальных, профессиональных умений и навыков всех его членов, так и от исповедуемых ими ценностей и применяемых психологических знаний. В этом контексте женщины более чувствительны к отношениям, складывающимся на производстве, поэтому считается, что они предпочтут работу, где сложилась комфортная, благожелательная атмосфера в коллективе. Мужчины, в силу природных особенностей и исторических традиций, более ориентированы на производство, деловые отношения, успехи по службе. Их эмоциональное реагирова-

ние связано с материальным и техническим обеспечением производства [6]. Но казалось бы устоявшиеся гендерные приоритеты меняются. Сегодня все большее число женщин не готовы ради душевного и эмоционального комфорта жертвовать рабочим местом с хорошей заработной платой. Кроме того, современные женщины не стесняются показывать свое стремление к росту на работе.

Таким образом, ориентированность на профессию – гендерно-нейтральная характеристика стратегий на рынке труда. В профессиональном плане стремление к карьере в равной степени выражены и у женщин, и у мужчин. Разные представления мужчин и женщин о значимости профессии скорее касаются ролей, чем содержания как такового. Значимость труда определяется различными факторами, среди которых гендер является лишь одним из многих. Тем не менее он достаточно влиятелен и должен учитываться в процессе профессионального становления личности.

Во время учебно-воспитательного процесса происходит самореализация личности, раскрытие и использование собственного потенциала, личностных и профессиональных ресурсов. Критерием оценивания внутреннего потенциала могут выступать результаты трудовой деятельности во время производственной практики, оценка знаний и умений педагогами и однокурсниками. В процессе профессионального становления трудно определить, какой пол успешнее – все зависит от гендерного аспекта, а не от биологического пола. Однако в литературе по вопросам гендерных различий в профессиональной мотивации обнаруживается явный недостаток научных исследований в этой области. Именно поэтому требуется выявить взаимосвязи между гендерной характеристикой личности и ее профессиональной мотивацией, на что и было направлено авторское исследование.

Целью опытно-экспериментальной работы в 2011/12 учебном году стало подтверждение того, что уровень профессиональной мотивации и успешность профессионального становления студентов в большей степени зависят от гендерных особенностей личности, нежели от биологического фактора.

Экспериментальной базой служили студенты вторых и третьих курсов факультета государственного и муниципального управления Поволжского института имени П.А. Столыпина. В исследовании приняло участие 103 человека (45 юношей и 58 девушек) в возрасте 17–20 лет. Выбор возрастных групп обоснован рядом обстоятельств. Известно, что юношеский возраст – это время, когда уже есть основания для преодоления страха утраты своего «Я» в условиях трудовой деятельности, так как процесс половой социализации практически завершен. В данном возрасте, с одной стороны, заканчивается процесс самоопределения; с другой – сохраняется некоторая гибкость во взглядах, подверженность групповому мнению. Ранняя взрослость характеризуется устойчивостью стереотипов, поэтому все связи и закономерности, выявленные в этом возрасте, будут достаточно устойчивы в течение жизни.

В процессе экспериментальной работы использовались эмпирические методы исследования, включающие в себя наблюдение и анкетирование. Для этой цели применялись специально разработанные анкеты, на которые студенты отвечали в письменной форме: «Дифференциально-диагностический опросник», «Анкета по

определению мотивации учения», «Анкета по определению мотивации профессиональной деятельности», анкета «Диагностика направленности личности».

По результатам исследования можно сделать определенные выводы.

1. После определения профессиональной направленности и ориентации по методу Е.А. Климова [7] было выявлено, что большинство испытуемых женского пола (83%) отдали предпочтение такому типу профессий, где реализуются связи «человек – человек». Эти профессии привлекают девушек возможностью реализовать свои способности анализировать поведение окружающих, понимать намерения и настроения других людей, разбираться во взаимоотношениях людей и уметь улаживать разногласия между ними, организовывать их взаимодействие, то есть респонденты женского пола ценят работу, где необходимо умение ладить с людьми. Однако 17% девушек отдают предпочтение профессиям группы «человек – художественный образ», что предполагает создание, проектирование и тиражирование художественных произведений. Данная сфера деятельности считается преимущественно мужской. Этот факт подтверждает, что стереотипное деление профессий на «мужские» и «женские» в современных условиях деформируется. Большинство испытуемых мужского пола (73%) предпочитают профессии группы «человек – знаковая система» и «человек – техника», где необходимыми психологическими требованиями являются хорошая оперативная и механическая память, развитое логическое мышление и наблюдательность.

2. При определении мотивации учения по методу В.Г. Каташева [8] большинство исследуемых как женского, так и мужского пола показали нормальный и высокий уровни. Данные результаты вновь подтверждают стереотипность мнения, что уровень внутренней мотивации деятельности у женщин выше, чем у мужчин, и подчеркивают значимость учета гендерных особенностей в процессе учебной деятельности.

3. Диагностируя направленность учебно-профессиональной мотивации по методу К. Замфира в модификации А. Реана [9], у 10% опрошенных была обнаружена потребность во внешнем контроле, то есть внешняя отрицательная мотивация. При этом следует отметить, что все указанные респонденты – представители мужского пола. Это может быть объяснено тенденцией феминизации мужчин, так как изначально оценка собственного труда другими участниками деятельности была значима для девушек. Остальные тестируемые показали внутреннюю мотивацию.

4. Для изучения основной жизненной позиции человека и определения направленности личности была использована диагностическая методика В. Смекала и М. Кучера [10]. По ней большинство респондентов мужского пола проявили деловую направленность, отражающую преобладание мотивов, порождаемых самой деятельностью, увлечение процессом деятельности и стремление к познанию, овладению новыми умениями и навыками. Однако около 25% юношей показали личностную направленность, связанную с преобладанием мотивов собственного благополучия, стремления к личному первенству, престижу. Большинство испытуемых женского пола обнаружили коллективистскую направленность, когда поступки человека определяются потребностью в обще-

нии, стремлением поддерживать хорошие отношения с товарищами по работе. Тем не менее в анкетах 30% девушек была также обнаружена личностная направленность, что выражает их стремление к свободе и независимости. Более того, большинство девушек в качестве ведущего мотива в профессиональной деятельности указывают мотив самоутверждения в труде. Это, безусловно, связано с возрастающей маскулинизацией женщин, с их стремлением к профессиональному росту. Явно виден сдвиг гендерных стереотипов: как юноши, так и девушки высоко мотивированы на процесс и результат.

Итак, практические результаты нашего эмпирического исследования не противоречат теоретическим данным. В частности, наблюдаемое размывание гендерных ролей, сдвиг гендерных стереотипов в профессиональной сфере достаточно ярко представлены в результатах исследования. На основании полученных данных можно сделать вывод, что женщины и мужчины на современном рынке труда незначительно отличаются друг от друга по показателю профессиональной мотивации, в силу чего в процессе ее формирования наибольшее внимание следует уделять гендерному подходу.

Игнорирование реальных половых и гендерных различий нецелесообразно. Предназначение гендерного подхода к профессиональной подготовке студенческой молодежи заключается в преодолении гендерных стереотипов.

Активное педагогическое содействие студентам в решении проблем, связанных с гендерной идентификацией и самореализацией, предполагает включение информации гендерного содержания. Гендерный подход к профессиональному воспитанию студентов осуществляется со следующими общими установками: направленность на нейтрализацию и смягчение различий между полами, воспитание в духе свободного выбора гендерной идентичности, отсутствие ориентации на особое предназначение мужчин и женщин и поощрение видов деятельности, адекватных интересам личности.

Библиографический список

1. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М., 1996.
2. *Зеер Э.Ф.* Психология профессий: учеб. пособие для студ. вузов. 2-е изд., перераб., доп. М.: Екатеринбург, 2003.
3. *Тельтевская Н.В.* Формирование системы профессионально-педагогических знаний: теоретический аспект. Саратов, 2002.
4. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб., 2009.
5. *Берн Ш.* Гендерная психология. СПб., 2001.
6. *Навольская Д.В.* Гендерные аспекты профессионального самоопределения // Ананьевские чтения-2002: тез. науч.-практ. конф. СПб., 2003.
7. *Климов Е.А.* Дифференциально-диагностический опросник: сб. психологических тестов. Ч. III: пособие / сост. Е.Е. Миронова. Минск, 2006.
8. *Каташев В.Г.* Методика определения мотивации учения // Профессиональное самосознание личности и профилизация обучения / сост. В.Г. Каташев, Л.Н. Нугуманова. Казань, 1998.
9. *Замфир К., Реан А.* Диагностика направленности учебной мотивации и мотивации профессиональной деятельности // Педагогика / сост.: Н.В. Бордовская, А.А. Реан. СПб., 2008.
10. *Смекал В., Кучер М.* Диагностика направления личности // Психология подростка: практикум: тесты, методики для психологов, педагогов, родителей / под ред. А.А. Реана. СПб., 2003.

E.A. Yeliseeva
The Role of Social Partnership
in the Training of Students
of Pedagogical Specialties

Social partnership is considered as one of the components of education quality. Forms and ways of implementation, and the potential of social partnership in education are shown.

Key words and word-combinations: social partnership, training, interaction, dialogue (polylogue).

Социальное партнерство рассматривается в качестве одного из слагаемых качества образования. Показаны формы и способы реализации, потенциал социального партнерства в сфере образования.

Ключевые слова и словосочетания: социальное партнерство, профессиональная подготовка, взаимодействие, диалог (полилог).

УДК 378:316.74:37
ББК 74.58+60.561.9

Е.А. Елисеева

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Возникновение феномена социального партнерства связано со становлением индустриального общества. Упрочение системы партнерских отношений между различными социальными слоями в большинстве зарубежных стран получило развитие перед Второй мировой войной и после нее. В России, в силу различных обстоятельств, социальное партнерство получило признание лишь в конце XX в., в период резкого роста числа социальных проблем в обществе и усиления роли широкой общественности в поиске путей их решения.

В самом общем понимании термин «социальное партнерство» означает «тип взаимодействия, направленный на согласование и защиту интересов различных социальных групп, слоев, классов путем достижения в процессе диалога, цивилизованных переговоров социального консенсуса по поводу развития возникающих противоречий и конфликтов» [1, с. 64]. В последние годы все четче вырисовывается тенденция рассмотрения партнерства в более «приземленном», субъектно-личностном и социально-коллективном аспекте как «...согласованный по целям, направлениям деятельности, времени и месту проведения особый тип взаимодействия школы, семьи и общественности, нацеленный на решение воспитательных, профилактических задач» [2, с. 9]. Нередко со-

циальное партнерство воспринимается адресно, составной частью включаясь в механизм деятельности конкретного специалиста. Так, «... социальное партнерство в профессиональной деятельности социального педагога представляет собой особый тип взаимодействия между субъектами социально-педагогической деятельности по оптимизации решения социальных проблем подопечных (беспризорность, сиротство, семейное неблагополучие и т.п.) при иницирующей (активной) роли специалиста социальной сферы» [3, с. 7].

Социальное партнерство как определенный феномен модели взаимоотношений в макро- и микросоциуме отличается следующими характеристиками: совместность действий различных субъектов; диалоговые, договорные формы взаимодействия; консенсус при решении возникающих противоречий, конфликтов на основе принципов добровольности и равноправия; достижение социальной стабильности. Таким образом, социальное партнерство представляет собой вид взаимодействия сторон – участников социального партнерства (различные учреждения, субъекты этих учреждений, общественные организации, физические лица) , характеризующийся поиском и достижением консенсуса путем согласования целей всех его участников, установления взаимовыгодных диалоговых (полилоговых) отношений за счет определения не только обоюдных интересов, но и точек их несовпадения.

Социальное партнерство тесно связано с основными областями жизни социума – экономикой, политикой, общественной сферой, культурой и образованием. Так, в современном российском образовании социальное партнерство согласно Национальной доктрине рассматривается как «... совместная коллективная деятельность различных социальных групп, которая приводит к позитивным и разделяемым всеми участниками образовательного взаимодействия эффектам. К социальному партнерству в образовании должны быть привлечены работодатели и другие заказчики профессионального образования с целью удовлетворения потребностей современного рынка труда» [4, с. 3].

В указанной сфере проблема социального партнерства разрабатывается относительно недавно. Причиной послужило позиционирование образования как системы оказываемых услуг, необходимость его преобразования в открытую социальную образовательную систему и повышения конкурентоспособности выпускников педагогических вузов [2; 5; 6]. Под влиянием перемен образовательное сообщество дифференцировалось, структурировалось, стратифицировалось и стало активно взаимодействовать с другими возможными агентами социально-партнерских отношений – бизнес-сообществом, государством (в его федеральном, региональных и муниципальных компонентах) , профсоюзами, научным сообществом, зарубежными инвесторами, силовыми структурами.

В зависимости от уровня его реализации социальное партнерство в образовании отличается определенной спецификой. В высшем, среднем и начальном профессиональном образовании оно рассматривается как определенный тип идеологии, построенный на взаимных уступках, компромиссе, консенсусе для достижения соглашений по вопросам трудоустройства выпускников или согласования, защите интересов работников образования. В сфере общего образования социальное партнерство предполагает в первую очередь эффективность взаимодействия всех участников образовательного пространства (ребенок, учи-

тель, классный руководитель, администрация образовательных учреждений, родители, ближайший социум) . В системе дополнительного образования социальное партнерство означает интенсификацию педагогического взаимодействия благодаря объединению совместных усилий учреждений культуры, образования, здравоохранения, полиции, общественных организаций.

Социальное партнерство оказалось особенно востребовано в сфере управления современными образовательными учреждениями как конкретный тип социально-трудовых отношений между органами власти, работодателем, другими заинтересованными ведомствами и трудовым коллективом образовательного учреждения. Функционирование системы социального партнерства позволяет интегрировать усилия государственных, муниципальных и общественных структур в решении актуальных социальных и педагогических проблем, что способствует реализации единой образовательной политики нашей страны.

Востребованность социального партнерства актуализировало проблему подготовки специалистов-педагогов, готовых работать в новых условиях современного образования. Вместе с тем все четче проявляется противоречие между объективными потребностями современного общества в педагогических кадрах, готовых работать в системе социального партнерства, и сложившейся традиционной системой профессиональной подготовки будущих учителей, педагогов. Решение проблемы, на наш взгляд, состоит в переходе высшего профессионального образования на компетентностно ориентированную модель подготовки выпускников.

В связи с вхождением России в единое образовательное пространство (Болонский процесс) и переходом на двухуровневую систему высшего образования компетентность и образующие ее компетенции видятся залогом успешной деятельности специалиста не только в профессиональной сфере. Компетентность рассматривается сегодня как сочетание профессиональных и надпрофессиональных умений, способностей личности, позволяющих ей творчески самореализоваться, адаптироваться и взаимодействовать в динамично меняющихся условиях в соответствии с социальным заказом общества и требованиями рынка труда (области профессиональной деятельности) .

Следовательно, профессиональная подготовка должна ориентировать будущих учителей на предстоящее взаимодействие с социальными партнерами, стимулировать их общественно значимую деятельность, поддерживать включенность в социальные инициативы, акции, мероприятия, проекты и программы, проводимые как в вузе, так и за его пределами. Уже в период обучения студент может пройти школу социального партнерства. Участвуя в разнообразных социально-ценностных инициативах, будущий педагог учитель поднимется по ступеням собственного социального творчества, партнерского взаимодействия с различными социальными субъектами, стремясь к разработке и внедрению проектов, позитивно меняющих образовательное пространство и окружающий социум.

Подготовка студентов педагогических специальностей вуза к взаимодействию с социальными партнерами определяется, по нашему мнению, как процесс формирования профессиональной компетентности, отражающей готовность к активной, самостоятельной профессиональной деятельности на основе социального и профессионального опыта, умений конструктивного взаимодействия с участни-

ками образовательного и социального сообщества для достижения продуктивного консенсуса в решении педагогических и социально значимых задач. Организационными единицами данной подготовки выступают мотивационно-целевой, волевой, когнитивный, операционный и оценочные компоненты.

Такая подготовка вариативна и, с нашей точки зрения, может быть представлена как структурно-функциональная конструкция (модель) организации образовательного процесса по мотивации будущих педагогов к взаимодействию с социальными партнерами на основе целенаправленного совершенствования соответствующего профессионального и социального опыта. Модель включает в себя последовательность взаимодополняющих блоков – целевого (мотив, цель, задачи) , организационно-содержательного (содержание, этапы подготовки) , операционно-деятельностного (традиционные и инновационные формы методы и средства) и результативно-оценочного (критерии, уровни, результат) . Особенность ее реализации заключается в обязательном включении студентов в аудиторную, внеаудиторную (педагогические практики) и вневузовскую (активная общественная, волонтерская работа) виды деятельности.

Благодаря такому подходу происходит расширение возможностей социального партнерства будущих учителей с педагогами в рамках профессиональной общности конкретной ступени образования (дошкольного и школьного, дополнительного, начального профессионального и среднего специального, высшего) . Студенты активно взаимодействуют с детским (классный коллектив, органы ученического самоуправления, детские движения и объединения) и родительским (родительский комитет школы, попечительский совет) сообществом. К числу реальных и потенциальных партнеров добавляются учреждения здравоохранения, социальной защиты населения, культуры, туризма; правоохранительные органы; центры милосердия, занятости молодежи; управления по делам молодежи и работе с общественностью; общественные организации; средства массовой информации.

Критерии подготовленности студентов к взаимодействию с социальными партнерами соотносятся с компонентами подготовки (мотивационно-целевым, волевым, когнитивным, операционным и оценочным) и акцентируют внимание на проявлении активности личности в учебной, социальной, профессиональной деятельности; стремлении к соответствию социальному заказу на компетентного педагога, достижению успеха в деятельности; на сформированности коммуникативных умений, конструктивных отношений с людьми и наличии волевого потенциала, рефлексии [5]. В соответствии с данными критериями, учитывая выявленную сущность и специфику подготовки студентов к взаимодействию с социальными партнерами, нами разработаны соответствующие им показатели и уровни – элементарный, достаточный и оптимальный, позволяющие оценить эффективность рассматриваемого процесса.

Несомненно, предложенная модель может рассматриваться лишь как возможный вариант решения вопроса подготовки студентов педагогических специальностей вуза к взаимодействию с социальными партнерами в образовании. Но постановка данной проблемы и необходимость ее решения отвечают актуальным потребностям современного образования как образования без границ и социальных барьеров.

Библиографический список

1. Социальное партнерство: словарь-справочник / рук. авт. кол. В.П. Киселев, В.Г. Смольков. М., 1999.
2. Васильева Р.М. Социальное партнерство как фактор профилактики девиантного поведения подростков: дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2006.
3. Деревцова Е.Н. Модель подготовки студентов педагогического колледжа к социальному партнерству // Вестн. Иркутского гос. техн. ун-та. 2006. Вып. № 4. С. 170–173.
4. Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года // Вестн. образования России. 2011. № 1 (январь). С. 4–14.
5. Правовые основы социального партнерства. М., 2009.
6. Ткаченко Е.В. Социальное партнерство // Профессиональное образование: проблемы, поиски, решения: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., Челябинск – Магнитогорск / отв. ред. Е. Матушкин. Челябинск, 2006. С. 3–12.

A.G. Nosov
 The Model of Pedagogical
 Accompaniment to Form
 Students' Healthy Way of Life

A model of pedagogical accompaniment to organize an efficient formation of a healthy way of life and to trace the dynamics of this process is proposed. Basic requirements to the development of the model are identified, objectives, tasks, and principles of models construction are formulated, and stages of pedagogical accompaniment of a healthy way of life are highlighted.

Key words and word-combinations: pedagogical model, pedagogical accompaniment, formation of a healthy way of life.

Предложена модель педагогического сопровождения, позволяющая организовать эффективное становление здорового образа жизни обучающихся и проследить динамику этого процесса. Выявлены основные требования к разработке модели, сформулированы цели, задачи и принципы построения модели, выделены этапы педагогического сопровождения становления здорового образа жизни.

Ключевые слова и словосочетания: педагогическая модель, педагогическое сопровождение, становление здорового образа жизни.

УДК 371.4:796.01
 ББК 74.200+75.1

А.Г. Носов

**МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
 СОПРОВОЖДЕНИЯ
 СТАНОВЛЕНИЯ ЗДОРОВОГО
 ОБРАЗА ЖИЗНИ
 У ОБУЧАЮЩИХСЯ**

Приоритетными направлениями развития отечественного образования в XXI в. являются повышение его качества и сохранение при этом здоровья обучающихся. Специалисты отмечают, что в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. главной задачей системы образования объявляется воспитание человека в духе ответственного отношения к собственному здоровью, формирование высокого уровня здоровья во всех его аспектах – духовном, психическом, физическом [1]. Однако, несмотря на обозначенные ориентиры, до сих пор остается высоким уровень как заболеваемости среди обучающихся, так и наличия у многих из них вредных привычек, о чем свидетельствует статистика [2].

В каждом российском образовательном учреждении ведется работа по сохранению здоровья учащихся, в ходе которой возникает определенное противоречие между целями и результатами педагогической деятельности. Проблема здоровьесбережения, на наш взгляд, заключается в том, что образ жизни, являющийся определяющим фактором в процессе сохранения здоровья, навязать человеку практически невозможно. Связано это прежде всего с индивидуальностью каждого человека, с его физическими, психическими особенностями и убеждениями. Идя вразрез с индивидуальностью и нивелируясь до усредненного значения, здоровый образ жизни может отвергаться и не признаваться человеком из-за непонимания, отсутствия комплексного подхода или неправильно подобранных средств инициаторами такого подхода к организации жизни.

С нашей точки зрения, здоровый образ жизни должен осознаваться личностью как необходимое условие полноценной жизнедеятельности, а его воплощение и реализация должны быть индивидуально обусловлены. Субъект деятельности, в данном случае – обучающийся, должен проявлять активность и уметь делать сознательный выбор в вопросах здоровьесбережения. Способствовать этому может ряд мероприятий, организованных педагогом в процессе особого метода педагогической деятельности – педагогического сопровождения.

Под педагогическим сопровождением следует понимать процесс создания педагогом ситуаций для того, чтобы обучающийся смог сознательно и самостоятельно разработать и реализовать «индивидуальную траекторию становления здорового образа жизни». Это становится возможным благодаря адекватному и ответственному выбору собственной стратегии действий. Данная стратегия реализуется на основе имеющихся и получаемых знаний, а также приобретения умений и навыков во время обучения.

По нашему мнению, в основу методики и организации становления здорового образа жизни обучающихся должна быть положена следующая идея: здоровый образ жизни не должен навязываться насильно или «извне», равно как быть для всех одинаковым и обязательным. Процесс его становления должен стимулироваться педагогом с помощью комплекса мер и возникать внутри личностной структуры обучающегося, опираясь при этом на его ведущие мотивы и жизненные цели. Здоровый образ жизни должен стать *осознанной* необходимостью, при этом не вызывая у обучающегося дискомфорта. Именно эта идея определила дальнейшую стратегию в построении модели.

Становление здорового образа жизни представляет собой организуемый самим субъектом осознанный процесс трансформации «пассивного образа жизни» (нормативно одобренной общественной модели) , управляемого обстоятельствами «извне», в активный (обусловленный индивидуальными качествами субъекта) , направленный на саморазвитие и самоактуализацию. В процессе становления здорового образа жизни у обучающихся формируются три компонента: знаниевый, деятельностный и ценностно-мотивационный. Знаниевый состоит из приобретенных знаний о своем здоровье; овладения способами, его охраняющими и умножающими; осознания ценности здоровья и необходимости вести здоровый образ жизни для успешной самореализации. Деятельностный компонент позволяет сохранять и накапливать здоровье в различных жиз-

ненных обстоятельствах, способствует росту уверенности в себе, развитию чувства компетентности в здоровьесберегающей деятельности, применению индивидуальной формы накопления здоровья к особенностям конкретного организма. Ценностно-мотивационный компонент выражен в установке на ценность собственного здоровья; в ответственном отношении как к своему здоровью, так и здоровью окружающих; в стремлении сохранить и приумножить свой природный потенциал; в устойчивой потребности вести здоровый образ жизни.

С учетом выявленных компонентов определяем критерии и показатели становления здорового образа жизни:

- *наличие знаний о здоровом образе жизни и умений их применять на практике.* Показатели: знания о здоровье и здоровом образе жизни, умение их применять; знание собственных отличий и особенностей; физическая подготовленность; субъективное состояние здоровья; общая успеваемость;

- *принятие здорового образа жизни как индивидуальной ценности.* Показатели: отношение к здоровому образу жизни и здоровью, ориентация ценностей на здоровый образ жизни; система ценностных установок (мотив и потребность) на постоянное развитие и образование в области здорового образа жизни;

- *индивидуальный стиль здорового образа жизни.* Показатели: организация жизнедеятельности, ориентированная на здоровый образ жизни; целенаправленное использование средств здорового образа жизни на укрепление и сохранение собственного здоровья.

На основании определенных критериев и показателей выделяем три уровня становления здорового образа жизни обучающихся: недостаточный (низкий) , необходимый (средний) и достаточный (высокий) .

Результаты проведенных исследований позволяют сделать вывод о том, что педагогическое сопровождение обучающихся в процессе формирования у них перечисленных компонентов способно повысить исходный уровень становления здорового образа жизни. На это направлено моделирование изучаемого процесса.

Модель специально организованного педагогического сопровождения разработана как необходимое условие эффективности становления здорового образа жизни и как возможность проследить динамику этого процесса и его поэтапную реализацию. Предполагается, что такая модель от чисто теоретического понимания ценности здоровья и здорового образа жизни позволит перейти к практическим действиям в конкретных условиях образовательного учреждения. Кроме того, ее внедрение в реальный учебный процесс способно не только укрепить его *содержательно*, путем разработки методических рекомендаций, исходящих из конкретного возраста, индивидуальных особенностей, физического состояния учащегося, но главное – *концептуально* оснастить, наладить и организовать здоровьесберегающий учебно-воспитательный процесс в образовательном учреждении.

Теоретическим обоснованием построения модели послужили научные исследования, раскрывающие разные аспекты педагогического моделирования: важность применения моделирования в учебном процессе (Б.А. Глинский, А.Н. Дахин, В.И. Загвязинский и др.) [3– 5]; методологию моделирования в

контексте исследования образовательных систем (В.А. Веников, Р.В. Габдреев, Ю.И. Тарский и др.) [6– 8]; представление о модели как системе, включающей в себя цели, содержание, способы и средства, а также результаты образовательного процесса (Ю.К. Бабанский, М.В. Кларин, В.А. Сластенин и др.) [9– 11]. В своей работе мы исходили из устоявшихся положений, изложенных в специальных научных исследованиях по моделированию сопровождения педагогического процесса (Л.В. Зудилова, Г.Е. Котькова, Т.Л. Лещинская, А.Л. Уманский, М.В. Шакурова и др.) [12– 16]. Все это позволило определить авторский подход к рассматриваемой проблеме.

Основной целью модели является педагогическое обеспечение становления здорового образа жизни. Данная цель обуславливает выполнение комплекса мероприятий, направленных на информационное обеспечение познавательной деятельности обучающихся, формирование у них потребности в здоровом образе жизни, обогащение деятельности по здоровьесбережению, поддержку в формировании и становлении индивидуальной системы здорового образа жизни.

На наш взгляд, моделирование педагогического сопровождения должно опираться на личность-ориентированный подход, в основе которого лежат принципы самоактуализации, субъектности, принцип выбора, принцип творчества и успеха, а также принцип доверия и поддержки. Помимо общих принципов педагогики, следует учитывать принципы поддерживающей деятельности [17].

Проанализировав и сравнив изложенные в педагогической литературе принципы, можно отметить, что содержание их схоже и порой синонимично. Обусловлено это отражением в различных аспектах отдельных сторон и закономерностей единого процесса. Синергизм используемых педагогических принципов даст возможность обеспечивать успешность педагогического сопровождения становления здорового образа жизни.

Педагогическое сопровождение становления здорового образа жизни – процесс длительный и сложный. При его моделировании целесообразно выделить следующие этапы: организационно-подготовительный, практический и диагностический.

Организационно-подготовительный этап включает изучение характеристик обучающихся и их семей, знания основ здорового образа жизни (рациональное питание, физическая активность, общая гигиена организма, закаливание, отказ от вредных привычек) и реализацию их на практике, сбор начальных данных личностного становления, выявление интересов и склонностей; анализ полученных в ходе диагностики данных, который позволяет оценить уровень образования, отношение к здоровому образу жизни и дает возможность составить обобщенный «портрет» коллектива обучающихся в аспекте здоровья, образа жизни, отношения к физической культуре. На основе полученных данных осуществляется целенаправленное, личность-ориентированное педагогическое сопровождение становления здорового образа жизни.

Практический этап представляет собой набор практических действий, раскрывающих конкретное содержание педагогического сопровождения становления здорового образа жизни учащихся, формы, методы и средства реализации этого содержания и обеспечивающих устойчивое чувство комфорта и удовлет-

воренности от результатов взаимодействия всех участников (обучающиеся, педагоги, администрация и т.д.) , от атмосферы образовательного учреждения. На этом этапе реализуется разработанный комплекс образовательных оздоровительных программ и мероприятий, направленных на увеличение двигательной активности, формирование личной гигиены, духовно-нравственной культуры, а также действуют разнообразные системы контроля физического и психического здоровья.

Диагностический этап состоит из ожидаемых результатов, полученных в ходе специально организованной педагогической деятельности. Кроме того, он определяет уровень становления и отражает изменения компонентов здорового образа жизни. Полученные данные устанавливают эффективность разработанной модели педагогического сопровождения становления здорового образа жизни.

Этапы моделируемого нами процесса своей динамикой обуславливают последовательный выбор тактики педагогического сопровождения (наставничество, помощь, поддержка и собственно само сопровождение) .

На организационно-подготовительном этапе уместно использовать наставничество. В рамках этой тактики педагог инструктирует обучающихся по ходу действий, направленных на создание первоначального шаблона индивидуальной траектории. Обучающийся, получая указания по работе с информацией и ведению своих записей, узнает, какую часть работы необходимо провести самостоятельно что делать при возникающих трудностях.

На практическом этапе логично действовать согласно тактике помощи и поддержки. Помощь педагога заключается в организованном консультировании обучающихся по вопросам самостоятельного выбора форм и средств здорового образа жизни. Основная задача преподавателя состоит в одновременном содействии при возникших затруднениях и стимулировании самостоятельной работы обучающихся. Создание учителем эмоционального комфорта в процессе становления здорового образа жизни способствует активизации творческих способностей и заложенного потенциала обучающегося.

Выбирая тактику поддержки, педагог должен вовремя среагировать на возникающие у обучающегося в процессе самостоятельной работы проблемы, дать совет, подбодрить его, настроить на успех. Обучающийся же должен самостоятельно нести ответственность за свои поступки, но одновременно ощущать «чувство плеча» педагога. Данный эффект позволяет обеспечивать положительную мотивацию педагогического процесса, а значит, способствовать успешному решению поставленных задач.

Тактика сопровождения подразумевает дистанционное наблюдение за деятельностью обучающегося по реализации индивидуальной траектории становления здорового образа жизни. Обмен информацией и общение с обучающимся в рамках педагогического процесса создадут условия для необходимой и дозированной коррекции процесса реализации индивидуальной траектории. Педагог должен помнить, что в рамках данной тактики важно делать акцент именно на самостоятельность выбора обучающимся собственной стратегии поведения в процессе образовательной деятельности.

В результате организованного педагогического сопровождения процесса ста-

новления здорового образа жизни мы планируем получить повышение исходного уровня трех его компонентов.

Модель педагогического сопровождения становления здорового образа жизни должна содержать четыре блока: *целевой*, включающий постановку основной цели и задач моделирования педагогического сопровождения; *содержательный*, определяющий концепцию, подходы и принципы, реализуемые нами в исследовании; *технологический*, содержащий педагогические условия и этапы педагогического сопровождения совместной деятельности субъектов учебно-воспитательного процесса; *результативный*, показывающий эффективность разработанной модели через уровни, критерии и показатели становления здорового образа жизни обучающихся.

Считаем, что разработанная нами модель должна быть испытана путем внедрения в педагогический процесс образовательных учреждений.

Библиографический список

1. *Зверева Е.Л.* Развитие физической культуры старшеклассников-спортсменов как фактора формирования здорового образа жизни. Воронеж, 2012.
2. *Зоренко Н.Н., Солоненко Р.А.* Заболеваемость студентов и школьников как социально-педагогическая проблема. URL: <http://www.istu.edu/structure/49/2798/>
3. Моделирование как метод научного исследования (Гносеологический анализ) / Б.А. Глинский [и др.] М., 1965.
4. *Дахин А.Н.* Педагогическое моделирование: сущность, эффективность и ... неопределенность // Педагогика. 2003. № 4.
5. *Загвязинский В.И.* Моделирование в структуре социально-педагогического проектирования // Моделирование социально-педагогических систем: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Пермь, 2004.
6. *Веников В.А.* Некоторые методологические вопросы моделирования // Вопросы философии. 1964. № 11.
7. *Габдреев Р.В.* Моделирование в познавательной деятельности студентов. Казань, 1983.
8. *Тарский Ю.И.* Методология моделирования в контексте исследования образовательных систем // Моделирование социально-педагогических систем: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Пермь, 2004.
9. *Бабанский Ю.К.* Оптимизация процесса обучения: общедидактический аспект. М., 1997.
10. *Кларин М.В.* Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. М., 1994.
11. *Сластенин В.А., Подымова Л.С.* Педагогика: инновационная деятельность. М., 1997.
12. *Зудилова Л.В.* Моделирование педагогического сопровождения социализации студентов // Среднее профессиональное образование. 2009. № 2.
13. *Котькова Г.Е.* На пути к адаптивной школе: моделирование системы комплексного сопровождения // Школа и российское общество. 2008. № 2.
14. *Лецинская Т.Л.* Психолого-педагогическое сопровождение интегрированного обучения: мат-лы респуб. науч.-практ. семинара. Минск, 2005.
15. *Уманский А.Л.* Педагогическое сопровождение детского лидерства. Кострома, 2004.
16. *Шакурова М.В.* Педагогическое сопровождение становления и развития социокультурной идентичности школьников: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007.
17. *Александрова Е.А.* Педагогическое сопровождение развития индивидуальности у старшеклассников. М., 2009.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

N.N. Lomovtseva
Reforming the Remuneration
System in the Public Sector
in Russia during the Transition
to a Market Economy
(1992–2011)

The basic stages of transition from the rigid centralized criteria of remuneration system for public sector employees to the new remuneration system during the market reforms are explored.

Key words and word-combinations: public sector, remuneration regulation, new remuneration system.

Рассматриваются основные этапы перехода от жесткой централизации критериев оплаты труда работникам бюджетной сферы в России к новой системе оплаты труда в период рыночных преобразований.

Ключевые слова и словосочетания: бюджетная сфера, регулирование оплаты труда, новая система оплаты труда.

УДК 331(470+57)
ББК 65.24(2Рос)

Н.Н. Ломовцева

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ (1992– 2011)

В бюджетной сфере России сегодня занято более 14 миллионов человек. При этом основная часть работников государственных и муниципальных учреждений трудится в таких социальных отраслях, как образование – 5,4 миллиона человек, здравоохранение и социальные услуги – около 4 миллионов человек, культура и физический спорт – 900 тысяч человек. Численность работающих в бюджетном секторе составляет примерно пятую часть от численности всех работников, занятых в экономике страны, поэтому формирование заработной платы в бюджетной системе, определение критериев ее дифференциации согласно квалификации и должностям всегда вызывали интерес у всех слоев общества как в период «развитого» социализма правления, так и сегодня.

Оплата труда работников бюджетных организаций в советском государстве происхо-

дила централизованно и носила отраслевой характер. Соответствующие министерства (Министерство образования, Министерство здравоохранения и др.) разрабатывали схемы окладов, которые в дальнейшем координировались Правительством страны и Государственным комитетом по труду. Размер оклада устанавливался согласно занимаемой должности в соответствии с образованием, квалификацией, стажем работы и был закреплён в отраслевых тарифных сетках. Премияльные выплаты предполагались в зависимости от экономии фонда заработной платы по четко установленным критериям. Отраслевые системы оплаты труда работников были жестко регламентированы и являлись важнейшим элементом управления персоналом в условиях плановой экономики.

Реформирование системы оплаты труда в организациях бюджетной сферы началось в 1992 г. переходом на Единую тарифную сетку на основании ныне утратившего свою силу постановления Правительства РФ «О дифференциации в уровнях оплаты труда работников бюджетной сферы на основе Единой тарифной сетки» [1]. В разработке данной формы оплаты труда принимали участие министерства и ведомства Российской Федерации, а также научные организации. *Целью перехода на Единую тарифную сетку было обеспечение социальной защиты работников бюджетной системы. При дефицитном бюджете и большом объеме государственного долга, в первой стадии развития рыночных отношений в экономике страны Правительство приняло решение унифицировать оплату труда работникам государственных учреждений и гарантировать им минимальный размер оплаты труда.*

Единая тарифная сетка (ЕТС) представляла собой шкалу тарификации всех категорий работников бюджетной сферы независимо от отрасли – руководителей, специалистов, служащих, рабочих. Были внесены изменения в Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих, разработан Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, а также тарифно-квалификационные характеристики работников по должностям. Основной целью создания указанных справочников было установление единства тарификации работ и единых подходов в определении должностных обязанностей и предъявляемых к ним квалификационных требований, то есть к уровню квалификации и стажу работы.

Шкала включала 18 разрядов с повышающими коэффициентами. Каждый из разрядов учитывал квалификацию и сложность выполняемых работ. На основании установленного разряда по шкале ЕТС и профессионально-квалификационной группе каждому работнику определялся соответствующий оклад, который обеспечивал минимум заработной платы за выполнение обязанностей согласно занимаемой должности. Первоначально первый разряд был равен минимальному размеру оплаты труда, установленному соответствующим постановлением Правительства РФ, и присваивался рабочим низкого профессионального уровня. Руководителям бюджетных организаций в основном утверждались 17– 18 разряды.

Отраслевые особенности оплаты труда работников были учтены путем введения множества надтарифных выплат в виде доплат и надбавок к тарифным ставкам (окладам) ЕТС. Другие факторы по условиям оплаты труда, которые должны отражаться на уровне заработной платы (ненормированный рабочий

день, работа в особых условиях, напряженность и интенсивность труда и т.п.) , учитывались в соответствии или с нормами законодательства, или с нормами, принятыми в самом учреждении на основании локального акта. В указанном постановлении Правительства РФ [1] устанавливалось, что учреждения, находящиеся на бюджетном финансировании, в пределах выделенных бюджетных ассигнований самостоятельно определяют виды и размеры надбавок, доплат и других выплат стимулирующего характера.

В условиях высокой инфляции в период рыночных реформ 1990-х годов государство пыталось обеспечить своевременную индексацию должностных окладов бюджетников. В связи с этим тарифная ставка первого разряда ЕТС систематически корректировалась в соответствии с изменением МРОТ. Однако в определенные периоды (1995, 1997, 1998 гг.) размер 1 разряда ЕТС становился ниже минимального размера оплаты труда и тем более прожиточного минимума для трудоспособного населения страны (см. табл. 1) .

**Размеры минимальной оплаты труда (МРОТ) ,
прожиточного минимума для трудоспособного населения (ПМТН)
и тарифной ставки первого разряда ЕТС по оплате труда работников
бюджетной сферы, в месяц, руб.***

Год	1992 декабрь	1993 декабрь	1995 декабрь	1997 май	1998 май	1999 апрель	2000 июль	2002 май	2005 сентябрь
МРОТ	900	14 620	60 500	83 490	83,49	83,49	132,0	450,0	800,0
Размер 1 разряда ЕТС	1800	16 000	60 000	60 000	60,0	110,0	132,0	450,0	800,0
1 разряд к МРОТ, %	200,0	109,4	99,2	71,9	71,9	131,8	100,0	100,0	100,0
ПМТН	4832	48 363	264 000	469 282	555	966	1320	1968	3255
1 разряд к ПМТН, %	37,3	33,1	22,7	12,8	10,8	11,4	10,0	22,9	24,6

*Примечание. Таблица составлена на основании данных статистических сборников России.

Одновременно менялся и диапазон ЕТС. При введении ЕТС в 1992 г. диапазон между разрядами составлял 1:10,07, то есть уровень последнего 18 разряда превышал уровень первого разряда в 10 раз. В странах Евросоюза данный разрыв составляет от 1:5 до 1:7. Тарифные коэффициенты и тарифные ставки ЕТС утверждались (пересматривались) постановлениями Правительства РФ за время действия тарифной сетки несколько раз, диапазон между разрядами менялся от 1:10,07 до 1:4,5.

Несмотря на постоянную корректировку тарифных коэффициентов и их диапазона, реальный уровень заработной платы работников бюджетной сферы значительно снизился по сравнению с дореформенным периодом и оставался ниже, чем в других отраслях экономики. Например, средний уровень заработной платы работников образования по отношению к среднему российскому уровню оплаты труда в номинальном выражении в 1992 г. составил 62%, в 2000 г. – 56%, в 2005 г. – 63% [2]. Такие процессы привели к оттоку профессиональных кадров из отраслей социальной сферы и снижению качества оказываемых услуг.

В середине 1990-х годов при хроническом недофинансировании деятельности бюджетных учреждений они стали оказывать платные услуги. Средства, полученные от оказания этих услуг, направлялись в том числе и на оплату труда работников, что повысило средний уровень заработной платы в бюджетных отраслях, но не решило кардинально проблемные вопросы: во-первых, не все бюджетные учреждения имели возможность оказывать платные услуги; во-вторых, данное направление деятельности не нашло отражения в законодательных актах Российской Федерации; в-третьих, отсутствовал механизм стимулирования работников по результатам их труда.

Единая тарифная система, несмотря на то, что она способствовала унификации оплаты труда бюджетных работников в различных отраслях социальной сферы и их социальной защищенности имела ряд недостатков:

- невозможность учета отраслевой принадлежности и территориальных различий в уровне стоимости жизни бюджетных работников при оплате их труда;
- низкий уровень тарифных ставок и небольшой разрыв между тарификацией работников неквалифицированного труда и высококвалифицированными работниками;
- отсутствие стимулирующей функции оплаты труда; наличие множества отраслевых надтарифных выплат в виде доплат и надбавок, занимавших в структуре заработной платы от 40 до 80%;
- отсутствие возможности регулирования уровня заработной платы в зависимости от факторов, складывающихся на рынке: например, от средней заработной платы работников той же квалификации в частном секторе, промышленности и т.д.

Данные обстоятельства показывали неэффективность организации оплаты на основе Единой тарифной сетки, что обусловило разработку новых систем оплаты труда в бюджетной сфере.

После принятия в 2001 г. Трудового кодекса РФ Правительством РФ в ноябре 2002 г. был разработан проект Концепции реформирования системы оплаты труда работников организаций бюджетной сферы [3], в которой предполагался отказ от ЕТС и перевод бюджетников на отраслевые системы оплаты труда. В качестве основных подходов к реформированию оплаты труда и переходу к отраслевым системам ее построения для работников организаций бюджетной сферы предлагалось следующее:

1. Отменить Единую тарифную сетку и перейти к дифференцированным условиям оплаты по отраслям бюджетной сферы, исходя из особенностей условий труда в каждой отрасли.

2. Систематизировать стимулирующие выплаты и сформировать единые подходы к их применению в отдельных отраслях.

3. Разработать системы поощрения каждого сотрудника бюджетной организации за достигнутые им результаты и качество работы.

4. Сформировать фонды оплаты труда в бюджетных организациях с учетом средств, полученных от предпринимательской деятельности, и направить их в том числе на стимулирующие выплаты.

5. Приблизить минимальную тарифную ставку и минимальный оклад к величине прожиточного минимума трудоспособного населения регионов России.

6. Разграничить полномочия между Российской Федерацией и субъектами РФ, а также расширить права субъектов РФ и органов местного самоуправления в части оплаты труда работников организаций бюджетной сферы, в том числе по установлению размеров тарифных ставок, стимулирующих и компенсационных выплат.

Правительством РФ предполагалось разработать и ввести в действие федеральный закон «О системах заработной платы работников организаций бюджетной сферы», где бы устанавливались единые принципы оплаты труда данных работников, порядок формирования отраслевых систем, основные подходы при определении сложности труда и квалификации исполнителей, другие вопросы этого рынка труда.

Все изменения в систему оплаты труда работников бюджетной сферы Российской Федерации планировалось внести в конце 2003 г., но, к сожалению, представленная Концепция не была реализована по ряду причин, в том числе в связи с отсутствием необходимых финансовых средств на уровне региональных и местных органов власти.

С 1 января 2005 г. полномочия государственных и муниципальных органов в части оплаты труда работников подведомственных бюджетных учреждений были разграничены Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ [4], согласно которому органам государственной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления было предоставлено право самостоятельно определять размеры и условия оплаты труда работников подведомственных государственных и муниципальных учреждений. При этом применение тарифной сетки было обязательным для всех учреждений, находящихся на бюджетном финансировании. Оплата труда работников федеральных государственных учреждений стала производиться в соответствии с постановлением Правительства РФ «О размере тарифной ставки (оклада) первого разряда и о межразрядных коэффициентах Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных бюджетных учреждений» [5]. *Предоставленные возможности по расширению полномочий были реализованы только 22 субъектами РФ, которые ввели свои системы оплаты труда для работников бюджетной сферы. Остальные регионы продолжали использовать Единую тарифную сетку, установленную для федеральных учреждений.*

В 2007 г. были рассмотрены направления новой реформы оплаты труда в социальных отраслях, основывающиеся на нормах Концепции, разработанной Министерством труда и социального развития в 2002 г. В августе 2008 г. приня-

то постановление Правительства РФ введении новых систем оплаты труда бюджетных работников [6], которое предусматривало отказ от ЕТС в федеральных бюджетных учреждениях и переход на новые условия оплаты труда. С 1 декабря 2008 г. новая система оплаты начала внедряться в бюджетных учреждениях всех уровней государственной и муниципальной власти. 2011 год был объявлен последним годом перехода бюджетных учреждений на новую систему оплаты труда (НСОТ).

Отмена Единой тарифной сетки не означала отказа от дифференциации базовой части заработной платы в зависимости от квалификации работников и сложности выполняемых работ. Базовые оклады теперь должны устанавливаться в зависимости от отнесения каждого работника к той или иной профессионально-квалификационной группе (ПКГ). Министерством здравоохранения и социального развития России были утверждены четыре ПКГ по всем отраслям бюджетной сферы: для здравоохранения и культуры – в 2007 г., для сферы образования и науки – в 2008 г. В каждой ПКГ в зависимости от отраслевой принадлежности определены профессионально-квалификационные уровни (ПКУ), отражающие повышающий коэффициент к минимальному окладу по каждой группе в зависимости от уровня профессиональной подготовки работника, сложности и важности выполняемой работы, стажа его работы и других факторов: например, в здравоохранении – 12 уровней, в образовании – 10, в сфере высшего и дополнительного образования – 9, в сфере культуры, искусства и кинематографии ПКУ не выделены и базовые оклады дифференцированы только по группам. Таким образом, степень дифференциации базовых окладов сократилась. Если в ЕТС количество разрядов было одним для всех отраслей (18 разрядов), то сегодня общее количество профессионально-квалификационных уровней различается в зависимости от отрасли социальной сферы.

В настоящее время согласно постановлению Правительства РФ [6] структура заработной платы работников бюджетной сферы складывается из трех элементов: базовый оклад на основании ПКГ, компенсационные выплаты в соответствии с законодательными нормами и стимулирующие выплаты по результатам труда. Перечни компенсационных и стимулирующих выплат утверждены соответствующими приказами Минздравсоцразвития. Каждый учредитель (соответствующий исполнительный орган) разработал типовое Положение об оплате труда, учитывая отраслевые особенности своих учреждений.

Размеры базовых окладов и выплаты компенсационного и стимулирующего характера в государственных (муниципальных) учреждениях сегодня определяются в соответствии с нормативными документами учредителей коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами учреждений с учетом мнения представительного органа работников. Руководителю государственного (муниципального) учреждения дано право устанавливать персональные повышающие коэффициенты к минимальному окладу по соответствующей ПКГ и размеры стимулирующих выплат конкретному работнику. В целом введение новой системы оплаты труда для бюджетных работников направлено на повышение качества оказываемых социальных услуг путем материального стимулирования каждого работника по результатам его труда.

Разработка критериев стимулирования и показателей результативности труда привлекает много внимания как самих работников бюджетной сферы, так и общественности. Несмотря на то, что в 2011 г. почти все учреждения бюджетной сферы перешли на НСОТ, остается немало вопросов по регулированию данной системы в различных отраслях, так как оценка труда в общественном секторе достаточно затруднена в силу многих факторов и часто носит субъективный характер.

Анализируя историю развития системы оплаты труда в бюджетной сфере Российской Федерации за период 1992– 2011 гг., можно выделить основные этапы и их особенности.

1. В период перехода от советского регулирования оплаты труда бюджетников к рыночным способам регулирования, с учетом резких экономических колебаний в начале 1990-х годов, правительство России приняло решение о едином подходе к оплате труда работников социальной сферы путем введения Единой тарифной сетки для всех отраслей. *ЕТС обеспечила социальную защиту данных работников, но при этом ее главным недостатком стал низкий уровень заработной платы в бюджетной сфере и жесткая систематизация должностей. Отсутствовала возможность определения особенностей деятельности отдельных категорий работников различных отраслей, а соответственно и разных подходов в их оплате.*

2. В 2002 г. с учетом изменений в экономике страны и указанных недостатков ЕТС Правительством РФ была разработана Концепция реформирования системы оплаты труда работников организаций бюджетной сферы, в которой предполагался отказ от единой тарифной сетки. *Основным нововведением данной Концепции было установление отраслевых принципов оплаты труда бюджетных работников. Кроме этого, предусматривалось разграничить полномочия между Российской Федерацией и субъектами РФ, а также расширить их права в части определения норм оплаты труда работникам организаций бюджетной сферы.* Данная Концепция не была реализована.

3. В 2004 г. принят Федеральный закон, разграничивший полномочия Правительства РФ, органов власти в субъектах РФ и органов местного самоуправления в части определения систем оплаты труда работникам подведомственных государственных и муниципальных учреждений. При этом применение тарифной сетки для всех бюджетников стало обязательным. *Государство законодательно дало возможность органам власти в субъектах РФ учитывать финансовые, отраслевые и территориальные особенности при оплате труда бюджетников.*

4. В 2008 г. принято постановление Правительства России в части отмены ЕТС и введения новой системы оплаты труда для работников федеральных учреждений. Для субъектов РФ данное постановление носило рекомендательный характер. *Законодательный акт ввел новый рыночный подход к принципам оплаты труда в государственных и муниципальных учреждениях. Во-первых, оплата труда стала носить отраслевой характер; во-вторых, в ее структуре появилась стимулирующая часть, составляющая не менее 30% от общего фонда заработной платы; в-третьих, расширены полномочия как уч-*

редителей, так и руководителей бюджетных учреждений в части установления критериев и размеров выплат по итогам труда. В основу данных изменений положен принцип «большая оплата за лучший труд», или «оплата по эффективности» (*Performance Related Pay*). Высокая заработная плата для работников бюджетного сектора сегодня должна быть связана с качеством общественного обслуживания.

Подводя итоги, можно охарактеризовать перемены, произошедшие в системе оплаты труда в бюджетной сфере России за период рыночных преобразований 1992– 2011 гг., как постепенный переход от жесткой централизации норм и требований по условиям выплат бюджетным работникам к новым принципам оплаты. К основным из них относятся такие, как разработка органами государственной и муниципальной власти систем оплаты труда с учетом отраслевых и региональных особенностей; расширение самостоятельности руководителей учреждений в части назначения основных и поощрительных выплат своим работникам; выделение в структуре заработной платы ее стимулирующей составляющей. Все эти преобразования нацелены на повышение качества труда в бюджетной сфере и его результативность. Данные подходы с переменным успехом реализуются в государственном секторе экономически развитых стран (США, Великобритания, Канада и др.) . Россия только вводит новую систему оплаты труда, и насколько она эффективна – покажет время.

Библиографический список

1. О дифференциации в уровнях оплаты труда работников бюджетной сферы на основе Единой тарифной сетки: постановление Правительства РФ от 14 окт. 1992 г. № 785 (в ред. от 20 дек. 2003 г.) // СЗ РФ. 1992. № 16. Ст. 1253; 2003. № 52 (ч. 2). Ст. 5067.
2. Труд и занятость в России. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011.
3. Проект Концепции реформирования системы оплаты труда работников организаций бюджетной сферы от 6 нояб. 2002 г. URL: <http://upr.1september.ru/2002/46/4.htm>
4. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федер. закон от 22 авг. 2004 г. № 122-ФЗ // Рос. газ. 2004. № 188.
5. О размере тарифной ставки (оклада) первого разряда и о межразрядных коэффициентах Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных бюджетных учреждений: постановление Правительства РФ от 29 апр. 2006 г. № 256 (в ред. от 10 марта 2009 г.) // СЗ РФ. 2006. № 18. Ст. 2015; 2009. № 12. Ст. 1427.
6. О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых в настоящее время осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений: постановление Правительства РФ от 5 авг. 2008 г. № 583 (в ред. от 16 мая 2012 г.) // Рос. газ. 2008. 13 авг.; 2012. 23 мая.

L.N. Mamaeva
Network Retailers
as a Promising Institution
of the Consumer Market

Network retailers are considered as the main institution of the modern consumer market. Basic problems and prospects of development of trade networks are revealed

Key words and word-combinations: retailers, trade networks, competition, consumers.

Сетевые ритейлеры рассматриваются как основной институт современного потребительского рынка. Показаны основные проблемы и перспективы развития торговых сетей.

Ключевые слова и словосочетания: ритейлеры, торговые сети, конкуренция, потребители.

УДК 339.138
ББК 65.291.3

Л.Н. Мамаева

СЕТЕВЫЕ РИТЕЙЛЕРЫ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ИНСТИТУТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА

Одним из заметных инновационных изменений последнего времени на российском потребительском рынке стал приход на него сетевых ритейлеров – поставщиков розничных товаров и услуг. Несмотря на сравнительно недавнее (с конца 1990-х годов) возникновение торговых сетей, для российской экономики они стали уже привычным явлением. Однако в экономической науке до сих пор ведутся дискуссии по поводу того, что можно называть сетью. Следует отметить, что данное понятие неразрывно связано с теорией информационного общества и рассматривается в работах как зарубежных, так и отечественных ученых [1; 2].

Наиболее часто под сетью понимается совокупность устойчивых связей, имеющих между участниками рынка. Эти связи помогают обмениваться информацией, разрешать конфликтные ситуации, повышать степень доверия, выстраивать репутации. Сетевые связи характеризуются тремя принципиальными чертами – связанностью, укорененностью, реципрокностью (взаимностью). В настоящее время на рынках формируются сети в хозяйственных взаимоотношениях субъектов. Сетевые структуры востребованы при гибких формах организации продаж.

Сегодня можно наблюдать активное поглощение крупными торговыми сетями более мелких. Например, «Седьмой континент» захватил мелких игроков рынка – сети

«Самокил», «Алтын», «Петровский». Сеть «Пятерочка» присоединила к себе 25 магазинов компании СРТ, до этого работавшей по франшизе ТД «Копейка». Не менее наглядна и региональная экспансия торговых сетей. Так, в Саратове представлены торговые предприятия многих известных российских ритейлеров – «Магнит», «Пятерочка», «Копейка»; открылась сеть «Метро». Помимо выхода в регионы, данные сети активно расширяют фронт охвата потребителей, разделяя свои магазины на различные уровни.

Для организации деятельности сети реализуют солидные инвестиционные программы. Персонал, занятый в ритейлерских сетях, имеет значительный зарплатный диапазон, проявляющий тенденцию к расширению. Для закрепления персонала используются различные меры: повышается компенсационный пакет, совершенствуется система подготовки собственных кадров, изобретаются особые мотивационные системы.

Конкурентная борьба ведется не только между отечественными сетями, но и с зарубежными, из которых в России закрепились три – «Метро», REWE, «Ашан». С 2005 г. в России развивается британская розничная сеть Marks&Spencer.

В мировой торговле лидирующее положение занимают супермаркеты и гипермаркеты различных торговых сетей. Они являются «якорями», которые создают предложение, формирующее основной поток посетителей в торговом центре.

Торговая сеть как новый игрок рынка не только притягивает потребителей своей новизной, но и в значительной степени удобна покупателям. Существенные затраты времени на посещение трех – пяти специализированных продовольственных магазинов (хлеб, мясо, кондитерский, молочные продукты, овощи – фрукты) в торговой сети сводятся к единовременным затратам. Для потребителя это означает реальную экономию времени и удовлетворение потребительского спроса в краткосрочном периоде. Кроме того, в торговых сетях достаточно часто появляются новые товары, и, по данным мониторингов, до 20% потребителей, даже отдавая предпочтение определенной привычной марке, готовы хотя бы из интереса приобрести новую продукцию.

Российский потребитель, в массе своей далеко не искушенный изобилием и разнообразием товаров, предлагаемых в традиционных специализированных магазинах или универсамах, появление и бурное развитие сетевых ритейлеров встретил в целом позитивно.

Такие известные российские сетевые ритейлеры, как «Пятерочка», «Магнит» и другие, уже заняли достаточно прочные позиции на потребительском рынке, особенно в регионах, где имеется слабая конкуренция со стороны иностранных торговых сетей или где таковые отсутствуют.

Реальной ареной борьбы за покупателя на рынке стали столица и крупные города, в которых ведущие иностранные компании закрепили свои экономические интересы и стали активно развиваться. При этом иностранные торговые сети обращают внимание на регионы не столько в плане текущего уровня дохода населения, сколько в перспективе, рассчитывая на рост их благосостояния и соответственно потребления в будущем. Отдельные международные

торговые сети начали свою деятельность именно в регионах, где значительно ниже уровень конкурентоспособности и больше возможностей для развития – обширные и удобные площади для открытия магазинов, меньшая арендная плата. Если в подобных регионах не так много готовых торговых площадей, иностранные ритейлеры строят собственные здания и создают целую систему департаментов и служб.

С приходом сетевых ритейлеров на российском потребительском рынке обострилась конкурентная борьба с оптовиками-дистрибьюторами, привычная рыночная среда которых стала «размываться» с высокой скоростью. Сетевые игроки, использующие зарубежные технологии и работающие в формате западных брендов, стали быстро наращивать свою мощь и заполнять российский потребительский рынок.

Представляется важным проанализировать деятельность ритейлеров в России и выявить присущие действующим торговым сетям тенденции развития.

Приход торговых розничных сетей на российский рынок – это наглядный пример импорта институтов, их трансплантации, то есть переноса из одних стран и внедрения в экономическую систему других стран. Импорт институтов является закономерностью современной глобализации экономики, для которой характерно активное движение факторов производства, создания и реализации благ за пределами национальных границ. Экспансия ведущих мировых розничных сетей в данном случае подтверждает эту закономерность. Объемы продаж становятся настолько велики, что им тесно в границах национального хозяйства, и они начинают функционировать за пределами собственных стран, где играют все большую роль.

Наиболее перспективным для продвижения мировых ритейлеров считается рынок Китая. Его объем оценивается в 450 млрд долл., и он активно осваивается такими иностранными торговыми сетями, как Carrefour, Metro и Wal-Mart, на долю которых приходится около 60% продаж в секторе потребительских товаров на четырех ключевых рынках страны. Второе место по перспективности освоения занимает рынок розничной торговли Индии (180 млрд долл.), но на долю современных форм торговли здесь приходится только 2–3%. Привлекательным считается и российский потребительский рынок, что обусловлено экономическим ростом и повышением уровня реальных доходов населения в последние годы.

В числе факторов привлекательности российского рынка, как ни парадоксально, отмечается беспрецедентная по своим масштабам теневая экономика с ее двойной бухгалтерией, серыми зарплатами и неучтенной наличностью. Известен факт, что при открытии сети ИКЕА (Швеция) одной из главных проблем было обеспечение российских потребителей необходимыми для них товарами – столь ажиотажным был спрос на них. О привлекательности российского потребительского рынка для иностранных торговых сетей (см. табл.) свидетельствует не только их массовое наступление, но и позитивные перспективы их развития, связанные с российской экономикой [3, с. 71].

Иностранные торговые сети в России

Название ритейлера	Масштабы деятельности	Перспективы
Spar (Голландия)	14 500 магазинов в 33 странах мира	Открытие 99 супермаркетов в разных городах России
ИКЕА (Швеция)	Деятельность в 44 странах мира	Экспансия в регионы, инвестиции в российскую торговлю
МЕТРО (Германия)	По оборотам – 3-е место в мире, 439 торговых центров в 24 странах	Инвестиции в российскую торговлю – 150–200 млн долл. в год
«Ашан» (Франция)	281 гипермаркет, 573 супермаркета в 14 странах мира	Инвестиции в российскую торговлю – 300 млн долл.
ОВИ (Германия)	476 магазинов франчайзинговой системы, годовой оборот 5,8 млрд евро в 11 странах мира	Намерены открыть 30 торговых центров концепции DIY («сделай сам»)
ECE Projekt-management	Девелопер в торговой недвижимости, крупнейший в Европе	Освоение российского рынка
REWE (Германия)	Деятельность в 14 странах мира	Открытие сети недорогих супермаркетов с ценами на 15–20% ниже среднерыночных

Следует отметить, что иностранные ритейлеры обладают рядом значительных преимуществ: огромные финансовые возможности, эффект масштаба (огромные магазины с 40–60 тысячами наименований), низкий уровень цен, высокие управленческие стандарты, основанные на IT-технологиях, использование передовых технологий продаж. Средняя ритейл-маржа в иностранных гипермаркетах Москвы («Ашан», «Метро») – 10–15%, в отечественных сетях – 23–28%, что свидетельствует об эффективности системы управления бизнесом – умении эффективно работать и динамично развиваться при более низком уровне маржи.

Западные ритейлеры развиваются более быстрыми темпами, чем отечественные, но и последние с каждым годом увеличивают свою капитализацию и поэтому вход для нерезидентов за счет покупки местных операторов будет обходиться все дороже.

Глобальные розничные сети обладают высокой и стойкой конкурентоспособностью, о чем свидетельствует их активная экспансия на рынки развивающихся стран и России. Существующие в этих странах национальные торговые сети в отношении глобальных розничных сетей могут предпринять такие способы защиты, как расширение своего присутствия в регионах страны в странах СНГ; на рынке занятие специфических ниш, не представляющих интереса для иностранных ритейлеров; продажа полностью или частично своего бизнеса, в том числе и иностранным конкурентам; ведение бескомпромиссной конкурентной борьбы.

Российские ритейлеры в настоящее время используют преимущественно первый способ, то есть продажу своего бизнеса, но с учетом складывающихся тенденций на рынке потребительских товаров неизбежен и последний вариант. Он предполагает активную деятельность российских ритейлеров в направлении увеличения своей капитализации, выхода на фондовые рынки, введения

новых торговых площадей, совершенствования логистики и технологии продаж, расширения и обновления ассортимента, перехода к новым торговым форматам, эффективного взаимодействия с девелоперами, применения новых форм организации своего капитала.

Последнее связано с использованием методов *институционального изоморфизма* – важного источника повышения конкурентоспособности торговой компании, заключающегося в построении многоуровневых дистрибьюторских сетей, в результате чего возникают интегрированные структуры с относительно независимыми звеньями, обеспечивающими устойчивость бизнеса. Здесь товаро-производители – не конкуренты, а товары не объекты конкуренции. В качестве таковых выступают технологические цепочки товаропотоков, начинающиеся у производителей и заканчивающиеся у магазинной полки ритейлера. Так, при реализации неординарных товаров (к числу которых относится одежда, обувь, косметика и т.д.) доходы все в большей степени будут концентрироваться не у прямых производителей, а у разработчиков, маркетологов, дистрибьюторов.

Жесткая конкуренция может возникнуть и внутри таких цепочек. Иллюстрацией подобных процессов является реальная деятельность тайваньских предпринимателей. Они сначала вытеснили с швейных и обувных рынков американские и европейские компании, но затем их самих потеснили китайские фирмы с дешевой продукцией, первоначально встроившиеся как посредники в товарные цепочки между китайскими фирмами и конечными рынками сбыта. Прибыль увеличивалась, а производителей товаров – уменьшалась.

Огромное значение для современных транснациональных корпораций, к числу которых принадлежат и глобальные торговые сети, имеет эффективное использование интеллектуального капитала, направленное на создание новых технологий продаж, изучение перспективных потребительских рынков, разработку способов повышения капитализации. Управление знаниями в ритейлерских сетях пока для российского бизнеса остается больше перспективой, чем реальностью, хотя собственный опыт использования интеллектуального потенциала персонала есть в каждой из таких структур.

В условиях информационной экономики торговые сети обязательно включают в себя Интернет-магазины (*Е-коммерция*). Коммерческая деятельность через Интернет является наиболее динамичной и постоянно растущей сферой общества. Интерактивная торговля позволяет не только выбрать товары, но и оплатить их, используя интерактивные платежные системы, а также в случае необходимости подписать необходимые документы. Таким образом, весь торговый процесс совершается интерактивно.

Наибольшее число Интернет-магазинов приходится на Северную Америку, Германию, Англию. Самыми быстро растущими интерактивными рынками являются рынки автомобилей, игрушек, косметики и санитарно-гигиенических товаров. До 44% европейских предприятий вовлечено в Е-коммерцию, совершаемую без временных и географических границ, с высокой скоростью, оперативно.

Ритейлерские сети действительно являются современным институтом потребительского рынка, доказавшим свою жизнеспособность и обладающим высоким потенциалом развития. Их развитию в российской экономике, по нашему мнению, будут способствовать следующие факторы:

– на уровне макроэкономики: рост средней зарплаты и реальных денежных доходов россиян; увеличение внешнеторгового оборота России; достаточно прочные позиции и высокие темпы роста отечественных сетевых ритейлеров на потребительском рынке; высокая конкурентоспособность иностранных торговых сетей, осуществляющих интенсивную экспансию российского рынка; бурное развитие IT-технологий, составляющих основу деятельности ритейлера в сфере E-коммерции;

– на уровне микроэкономики: относительно слабая конкурентоспособность фирм – несетевых ритейлеров; активный импорт институтов – использование различных форм и моделей ведения бизнеса, распространенных в других странах. Этот процесс объективен и активизируется в условиях глобализации; реальные выгоды фирмы как участника сетевого ритейлера (по организации производства, управления, мотивации персонала, инвестирования, получаемым доходам) .

Библиографический список

1. Стрелец И.А. Сетевая экономика. М., 2006.
2. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М., 2003.
3. Мамаева Л.Н. Экономическое поведение потребителей в условиях кризиса. Саратов, 2009.

S.N. Vladimirova
Developing the Caucasus
Mineral Waters Resorts
in the end of XIX – beginning
of XX Centuries:
Managerial Dimension

Basic historical stages of forming
Caucasian Mineral Waters resort
business are illuminated. Peculiarities
of resort management, provided by
personal contribution of statesmen and
scientists in the development of resorts
are revealed.

Key words and word-combinations:
management, resort business, mineral
springs, Caucasian Mineral Waters.

Освещены основные истори-
ческие этапы становления
курортного дела на Кавказских
Минеральных Водах. Показаны
особенности управления
курортами, обусловленные личным
вкладом государственных
деятелей и ученых в развитие ку-
рортного региона.

*Ключевые слова и словосоче-
тания:* управление, курортное дело;
минеральные источники; Кавказс-
кие Минеральные Воды.

УДК 94(47) «18/19»:615.8
ББК 63.3(2) 5+53.54

С.Н. Владимирова

РАЗВИТИЕ КУОРТОВ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Из всего множества курортов Россий-
ской империи конца XIX – начала XX в. с
точки зрения организации управления осо-
бый интерес представляют Кавказские Ми-
неральные Воды (КМВ) .

К концу XIX в. Кавказские Минеральные
Воды бесспорно признавались лучшими в
России здравницами по многообразию и эф-
фективности минеральных источников и дру-
гих природных лечебных факторов [1, с. 190].

Они были не только крупнейшим и богатейшим в стране казенным курортом, но и имели в своем составе два города – Пятигорск и Кисловодск, которые территориально смыкались с соответствующими курортными группами КМВ. Как государственная лечебная местность Кавказские Минеральные Воды на протяжении своей истории пережили несколько периодов, связанных с довольно часто происходившими изменениями в структуре управления на местном, региональном и центральном уровнях [2, с. 94].

Начало Кавказским Минеральным Водам как лечебной местности было положено в 1803 г. Александром I. С этого времени и вплоть до 1861 г. все затраты на обустройство курорта восполнялись за счет средств Кавказской губернии и частных лиц. Участие центральных властей в управлении ограничивалось лишь командированием ученых врачей для изучения свойств минеральных источников и составления рекомендаций по необходимому благоустройству курорта [3, с. 23].

Значительным событием на первом этапе стала передача в 1816 г. здравницы в ведение главноуправляющего в Грузии и командующего особым Кавказским корпусом генерала А.П. Ермолова – человека энергичного и просвещенного [4, с. 16]. При нем были заложены основы курортной инфраструктуры, положено начало внедрению научных разработок в практику курортного строительства, а к освоению Вод привлекались серьезные отечественные и европейские ученые в области бальнеологии, химии, геологии, этнографии. По инициативе генерала А.П. Ермолова начался процесс градостроения в регионе Кавказских Минеральных Вод. Примечательно, что изначально внешнему облику курортов задавалось европейское направление. Для управления Кавказскими Минеральными Водами был образован важнейший административный институт – Строительная Комиссия.

Курортоустроительную деятельность А.П. Ермолова продолжил генерал Г.А. Емануэль, который управлял Кавказской областью с 1826 по 1831 г. При нем в 1829–1835 г. было проведено широкомасштабное озеленение Горячих Вод (название Пятигорска до 1830 г.) . Для решения проблемы озеленения берегов реки Подкумок в 1835 г. была создана «садовая школа», иначе называвшаяся «казенным садом» [5, с. 97].

Во второй половине 1830-х – начале 1840-х годов темпы благоустройства Кавказских Минеральных Вод несколько снизились. Министерство внутренних дел Российской империи сосредоточилось на поиске новой, более действенной формы управления курортом. Заинтересованность делами курорта проявляли и крупные чиновники регионального уровня. Командующий Кавказской линией П.Х. Граббе инициировал учреждение новой местной правительственной организации под названием Дирекции Вод, однако объединить под ее управлением распорядительную, строительную и врачебную части в этот период не удалось. В конечном итоге в 1842 г. Министерство внутренних дел создало правительственную ученую комиссию для тщательного исследования минеральных источников и разработки системы управления Водами.

По велению правительственной комиссии Кавказские Минеральные Воды в 1846 г. были переданы в ведение заместителя М.С. Воронцова. Им была предложена последовательная концепция культурной политики, состоявшая в создании так называемой культурной (просвещенной) провинции [6, с. 47]. Концепция имела главным образом градообразующую направленность, но попутно вовлекала

в свою орбиту образовательную, научно-просветительную, музейную и театральную формы деятельности. При М.С. Воронцове была упорядочена структура управления путем ее большей централизации – 29 мая 1847 г. высочайше утверждена Дирекция Кавказских Вод, взявшая на себя функции государственного органа управления КМВ.

За период управления Водами М.С. Воронцова в Пятигорске появились фундаментальные Михайловская и Елисаветинская галереи при источниках минеральной воды, расчищен парк вокруг Михайловской галереи. Большое внимание уделялось развитию коммуникаций: был проложен водопровод от горы Бештау, построена новая дорога на вершину Машука, а между группами КМВ началось регулярное сообщение посредством дилижансов. Однако когда в 1854 г. М.С. Воронцов покинул Кавказ, деятельность Дирекции ослабла. Она оказалась неспособной эффективно работать без четкого руководства. Казенное управление того времени показало низкую эффективность также по причине высокой степени бюрократизации, выражавшейся в подавлении всякой инициативы, не исходящей от правительственных кругов [7, с. 74].

Второй (комиссарский) период развития Кавказских Минеральных Вод приходится на 1861– 1896 гг. Казенное управление было упразднено, и Воды переданы частному управляющему.

Первым частным управляющим стал тайный советник Н.А. Новосельский, который в соответствии с Указом императора Александра II в 1861 г. сроком на восемь лет принял в управление все целебные источники в пределах Ставропольской губернии с находящимися при них землями, садами, хозяйственными, врачебными и другими заведениями. Все Доходы от курорта стали поступать в собственность управляющего. Однако вместе с этим на его плечи лег огромный груз забот по полному и безупречному обеспечению курорта всем необходимым для комфорта отдыхающих. В целом продолжилась ориентация на развитие курортной инфраструктуры.

Для непосредственного заведования Кавказскими Минеральными Водами Н.А. Новосельский пригласил известного московского врача С.А. Смирнова, который помимо научного исследования минеральных вод проделал огромную работу по развитию кавказских курортов. В практике Кавказских Минеральных Вод впервые было применено разделение больных по группам взамен существовавшей традиции лечить их поочередно на всех четырех курортах. По инициативе С.А. Смирнова в 1863 г. был учрежден «Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод» – первая курортная газета для отдыхающих [8, с. 37]. Тогда же, в 1863 г., в г. Пятигорске С.А. Смирнов основал первое в России бальнеологическое общество и более 30 лет был его председателем.

Немалый вклад в благоустройство Кавказских Минеральных Вод в данный период внес статский советник А.М. Байков. При нем произошло объединение в составе Терской области всех курортных групп Кавказских Минеральных Вод; были благоустроены ваннные здания; строились гостиницы и дороги. Но самое главное – А.М. Байкову удалось добиться ассигнований на производство гидрогеологических исследований и разведок [6, с. 26]. Кроме того, в 1880 г. Кавказские Минеральные Воды впервые стали рентабельным курортом, то есть пере-

секали тот порог, когда доходы от эксплуатации превысили затраты на развитие и функционирование здравницы [5, с. 101].

Несмотря на упразднение казенного управления, государственная власть активно вмешивалась в руководство Кавказскими Минеральными Водами. Наиболее заметной была жесткая зависимость управляющих КМВ от решений, принимаемых на центральном уровне, и, как следствие, отсутствие гибкости и оперативности в их управленческой деятельности. В конечном итоге комиссариатство было заменено более совершенной схемой государственного управления в форме директорства.

С 1896 по 1917 г. длился третий – директорский – период в дореволюционном развитии Кавказских Минеральных Вод. В это время у власти по очереди стояли В.А. Башкиров, В.В. Хвоцинский и С.В. Тиличев. Это был этап самого интенсивного строительства объектов курортной инфраструктуры, серьезного прорыва в благоустройстве прилегающих к курортным группам городских территорий Пятигорска и Кисловодска.

Первым директором Вод был назначен В.А. Башкиров. При нем были осуществлены определенные работы по увеличению бальнеологической базы: расширены Николаевские и Старо-Сабанеевские ванны, выстроен мраморный Воронцовский бювет серного родника у Николаевского вокзала, начались подготовительные работы по возведению Ново-Сабанеевских ванн. В парке «Цветник» возвели новый павильон для продажи воды. Была расширена библиотека при Николаевском вокзале, переделаны хоры в зале Казенной гостиницы для большего удобства музыкантов. Время руководства В.А. Башкирова ознаменовалось переходом к новой структуре управления Водами. В 1900 г. В.А. Башкиров скоропостижно скончался. Начинания первого директора КМВ предстояло продолжать его преемнику.

В.В. Хвоцинский инициировал изменения, затронувшие не только административную, но и финансовую сторону функционирования курорта. В 1901 г. был принят закон «О специализации средств казенных Минеральных Вод», разработанный стараниями министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова. Этот закон позволял, во-первых, обращать в течение десяти лет доходы, получаемые от деятельности на Водах, в фондах специальных средств Управления КМВ, оставляя их в Пятигорске, и, во-вторых, расходовать средства, полученные от эксплуатации Вод, на содержание и хозяйственные потребности самих Вод, а также Пятигорского лесничества. До этого доходы от КМВ обращались в собственность казны, а суммы финансирования курорта отпускались Государственным казначейством по сметам горного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ [7, с. 128]. Закон стал чрезвычайно важным шагом, поскольку курорт уже мог жить не на выделяемые и явно недостаточные казенные субсидии и ассигнования, а «кормить» себя самостоятельно, располагая собственным бюджетом.

За период управления Водами В.В. Хвоцинским произошел целый ряд улучшений курортной инфраструктуры. Так, в Казенном саду была открыта Химическая лаборатория, начала работать Гидропатическая лечебница, а Ермоловские ванны полностью отведены под грязелечение. Продолжилось развитие коммуникаций: на гору Бештау проложена прогулочная дорожка длиной почти четыре версты, а в Пятигорске запущен электрический трамвай. Немалое внимание

уделялось и культурной сфере: стала издаваться газета «Кавказские Минеральные Воды», а в парке «Цветник» устроена Лермонтовская галерея с «казенным театром», музыкальной эстрадой и прогулочным залом.

С 1907 г. на должность директора Вод был назначен доктор медицины С.В. Тиличев, роль которого в развитии КМВ оказалась не менее значительной, чем роль В.В. Хвоцинского. В этот период был увеличен экспорт минеральных вод, благодаря чему прибыль курорта выросла. Это дало возможность построить грязелечебницы в Ессентуках и Пятигорске, два новых ваннных здания; сделать ряд других улучшений для приема отдыхающих: в частности, была запущена тепловая дизельная электростанция.

Колоссальный рывок в развитии КМВ, который пришелся на директорский период, был заслугой не только самих директоров, располагавших большой свободой действий в управлении Водами, но и благодаря самому пристальному вниманию к курорту со стороны центральной власти. Большую роль здесь сыграли личности, занимавшие высокие государственные посты: в частности, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов приложил немало стараний для того, чтобы отечественные казенные курорты по уровню благоустройства приблизились к европейским здравницам [5, с. 182].

Таким образом, благодаря совместным усилиям государства, городского управления Кавказских Минеральных Вод и общественных деятелей успешно развивалась курортная инфраструктура данного региона. Это дало возможность курорту КМВ накануне Первой мировой войны достигнуть относительного процветания, выйти на лидирующие позиции в стране в этой сфере.

Однако в рассматриваемый период не все важные проблемы были решены. Так, при едином управлении КМВ на местном уровне существовала многоведомственность на уровне центральном. Определяющее значение в развитии курорта по-прежнему играла личность руководителя высшего звена (А.С. Ермолов и др.), а не оптимально выстроенная схема управления. В России отсутствовало систематизированное курортное законодательство и правовые основы такого специфического территориального образования, как «город-курорт». Все это не позволяло курортным городам Кавказских Минеральных Вод достичь высокого уровня социально-экономического развития лучших городов-курортов Европы – Баден-Бадена, Остенда и других.

Библиографический список

1. *Польский Л.Н.* Летопись Пятигорска. Пятигорск, 1993.
2. Путеводитель по Кавказским Минеральным Водам. Пятигорск, 1912.
3. *Милютин М.* Кавказские Минеральные Воды. М., 1879.
4. *Боглачев С.В.* Архитектура старого Пятигорска. Пятигорск, 2005.
5. *Яновский В.С.* Курортные города России как объект управления в конце XIX – начале XX века. Кисловодск, 2010.
6. *Краснокутская Л.И., Михайленко В.И.* Управление Кавказскими Минеральными Водами. Пятигорск, 2003.
7. *Лазарян С.С.* Становление предпринимательства в регионе КМВ (1780–1917). Пятигорск, 2003.
8. *Кривобоков Н.Г.* Кавказские Минеральные Воды. М., 1994.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

L.S. Anikin, Yu.I. Tarsky
Modernization Policy
and Information Society:
Socio-Cultural Dimension

The content of the modernization processes in the Russian society is revealed. The special emphasis is put on education modernization policy. The effect of the information society formation on the cultural and educational space of the Russian society in conditions of its integration into the world educational space is shown.

Key words and word-combinations: modernization policy, information revolution, information society, modern education.

Раскрывается содержание модернизационных процессов, происходящих в российском обществе. Особый акцент делается на политике модернизации образования. Показано, как становление информационного общества отражается на культурно-образовательном пространстве российского социума в условиях его интеграции в мировое образовательное пространство.

Ключевые слова и словосочетания: политика модернизации, информационная революция, информационное общество, современное образование.

УДК 1:316:004:002
ББК 60.033+73

Л.С. Аникин, Ю.И. Тарский

ПОЛИТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Доминирующей тенденцией развития мировой цивилизации является переход к новому типу социальной организации общества, имеющему информационную и сетевую природу. Такое общество характеризуется как «открытое» и / или «информационное».

Существует множество определений понятия «информационное общество». Представляется наиболее полным определение, которое дают авторы учебника «Информационная политика»: «Это новая историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания, а отличительными чертами – возрастание роли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в ВВП, создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресур-

сам и удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах» [1, с. 22].

Считается, что впервые использовал термин «информационное общество» профессор Токийского технологического института Ю. Хаяши в 1960-х годах. Тогда предполагалось, что именно в высокоиндустриальном обществе развитие компьютеризации предоставит людям доступ к надежным источникам информации и избавит их от рутинной работы, обеспечив высокий уровень автоматизации производства [2].

Существенным толчком для развития идей глобального информационного общества послужил выход в 1973 г. книги американского социолога Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» [3]. Переход от производства вещей к производству услуг, связанных с образованием, здравоохранением, исследованиями и управлением, стал, по мнению Белла, определяющей чертой постиндустриальной стадии развития.

Одним из признаков информационного общества является возникновение информационного пространства, в котором складываются особые формы поведения и деятельности по восприятию, переработке и использованию все возрастающего объема информации. Анализируя существующие подходы к понятию «информационное общество», следует отметить, что в информационном обществе происходит объединение понятий «знание» и «информация» в новое единое фундаментальное понятие «информационный ресурс», которое предполагает, с одной стороны, оптимизацию производства информации, а с другой – оптимизацию средств ее распространения.

К сожалению, многие ученые до сих пор рассматривают процесс перехода к информационному обществу только лишь как технико-технологическую проблему, при этом явно недооценивая значение гуманитарной составляющей. Информационное общество нельзя представлять упрощенно, то есть, сводить к формуле: «Это общество, где знания и информация являются товаром» [4, с. 10]. Сами по себе информация и знания ничего не стоят. Они обретают свойства товара только тогда, когда ими владеет человек как производительная сила и они повышают производительность труда, квалификацию работника, расширяют его кругозор, экономическую и политическую грамотность. Таким образом, монадами (базовыми единицами) информационного общества в единой связке выступают информация и человек.

Информационное общество не может существовать без современных коммуникационных технологий, однако в своей основе оно имеет сетевую форму организации, а ее субстратом выступает «информационный человек», обогащенный полезной информацией, профессиональными знаниями (знания – это обобщенная социально значимая информация) , способствующими повышению эффективности материального и гуманитарного, духовного производства, росту экономической и социально-политической активности [4, с. 17].

При этом становление информационного общества отражается в первую очередь на культурном пространстве. Информационное общество способствует взаимопроникновению культур и в то же время открывает каждому сообществу новые возможности для самореализации. Исходя из синтеза атрибутивного и

функциональных подходов к информации, можно утверждать, что информация лежит в основе культуры – накапливаемая человечеством и передаваемая из поколения в поколение. Передача ценностей или передача информации всегда подразумевает взаимодействие, коммуникацию. По всей вероятности, передача системы знаний от поколения к поколению есть механизм синергии поколений с целью развития познавательной способности человека на основе достижений предшественников.

В трудах современных ученых [5– 7] утверждается, что информационная сфера пронизывает все иные сферы общества. Социальная потребность в своевременной и качественной информации, в знании и, следовательно, в повышении уровня образования в условиях становления информационного общества существенно возрастает. Построение информационного общества, или общества знаний, где знания и информация рассматриваются как ресурсы развития страны, заявлено стратегической целью социально-экономического развития России.

По мере развития электронных средств массовой информации и информационных технологий, постепенно трансформирующихся в коммуникативные технологии, в научных кругах все более активно велась дискуссия о роли информации в жизни общества. Например, рядом ученых (М. Маклюэн, Э. Тоффлер, М. Кастельс, Н. Винер, Р.Ф. Абдеев, Ю.Ф. Абрамов, Г. Хакен, Д.С. Чернавский) были сформулированы положения о влиянии информации на формирование различных концепций общества, государства, политической системы, культуры. Особый интерес представляет фундаментальное исследование М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [8], в котором он подробно анализирует современные тенденции, приводящие к формированию основ « сетевого общества ». Исходя из того, что информация по своей природе является ресурсом, легко преодолевающим любые границы, информационная эпоха рассматривается им как эра глобализации.

Последствия информатизации, принявшей глобальный характер, затронули все формы жизни общества. Они оказываются все более значимыми, а «информационно-коммуникационные технологии становятся одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века» [9, с. 63]. Интенсивное развитие этих технологий значительно облегчило производство и распространение социально значимой информации и привело к формированию глобального информационного пространства, в которое оказались вовлечены целые сообщества, политические, экономические, религиозные и культурные институты. Скорость сбора, обработки, хранения, передачи информации непрерывно возрастает и одновременно увеличивается воздействие информации на развитие различных сфер общественной деятельности.

В целом информация является общенаучной категорией. Но ученые различных областей знания по-разному подходят к определению информации.

В рамках философского знания информация рассматривается как передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах живой и неживой природы. На основе математического подхода информация определяет

ся как фактор и мера уменьшения, снятие неопределенности в результате получения сообщения. Специалисты в области кибернетики интерпретируют информацию как сообщение, неразрывно связанное с управлением в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик. В социологии важны социальная природа и сущность информации, ее социальная направленность и социальная значимость, аксиологические свойства информации, связанные с ее ценностью и полезностью. В политологии внимание исследователей акцентируется на роли информации в процессе политической коммуникации [10, с. 16].

На наш взгляд, следует рассматривать информацию в качестве инструментального понятия в контексте информационного подхода, содержание и объем которого зависит от изучаемых коммуникационных и организационных явлений. Кроме количества, ценности и содержания, информация обладает правдивостью, достоверностью, полнотой, глубиной, точностью, убедительностью, доказательностью, новизной, эффективностью, оптимальностью, оперативностью, надежностью и выразительностью. Она не существует вне информационного подхода, как и сам подход – вне информации [11].

Информация, обусловленная существованием человеческой деятельности, в самом общем смысле называется социальной информацией.

В научной литературе понятие социальной информации употребляется в различных смыслах. Некоторые авторы считают, что социальная информация – это лишь информация об обществе; другие ограничивают свое понимание только логическим аспектом знания; третьи подразумевают под социальной информацией универсальную характеристику любой деятельности человека, в том числе и взаимоотношения человека и природы [10, с. 18]. Ряд авторов рассматривают социальную информацию «как информацию, сознательно организованную в процессе социального отражения» [12, с. 97]. В этом случае семантическая модель социальной информации будет основана на следующих принципах: «Общественное сознание как социальная форма процесса отражения находится в диалектическом единстве с общественно-практической деятельностью и коммуникацией; движение социальной информации реализуется средствами коммуникационных систем – таких, как язык, фольклор, словесность, письменность, литература, музыка, танец, изобразительное искусство, свойства и функциональные возможности которых определяются особенностями и свойствами положенных в их основу знаковых систем; в процессе общения всегда присутствуют невербальные компоненты, играющие важную роль в формировании контекста, понимаемого как единство семантической информации и осознанного отношения к ней человека; в основе взаимосвязей форм движения социальной информации лежит принцип диалогизма» [12, с. 98].

Именно социальный характер информации порождает проблему коммуникации.

До начала XX в. термин «коммуникация» употреблялся лишь в контексте одного из ее элементов – социального общения. Это объясняется тем, что, во-первых, коммуникация и общение близки по содержанию и, во-вторых, массовая коммуникация как один из важнейших видов коммуникации окончательно

сложилась только в середине XX в. Содержание категории «коммуникация» в условиях информационной эпохи требует уточнения и развития.

В научных дискуссиях «коммуникация» трактуется учеными как способ взаимодействия людей, групп, государств, с помощью которого осуществляется передача и взаимопередача информации, чувств, оценок, значений, смыслов, ценностей и который занимает ведущее место в сфере социальных процессов [13– 15]. Виды коммуникации, ее модели, функции, методы коммуникативного анализа, сферы применения чрезвычайно разнообразны; термины – «коммуникация», «общение», «диалог», «интерактивность» – становятся все более емкими по своему содержанию и смыслам. Как справедливо указывает М.Н. Грачев, коммуникация сегодня охватывает своим влиянием все области социальной действительности и по-новому организует общественные отношения [16].

В теоретико-методологических подходах к исследованию феномена коммуникации зачастую происходит по существу отождествление двух понятий. В ряде энциклопедических словарей «коммуникация» трактуется как «путь сообщения, общение» [17– 18]. Такой позиции придерживаются, например, Л.С. Выготский, В.Н. Курбатов, А.Н. Леонтьев [19– 21].

С нашей точки зрения, справедливо мнение А.В. Соколова, что общение – это одна из форм коммуникативной деятельности, а в основе выделения этих форм лежат целевые установки партнеров по коммуникации. Таким образом, коммуникация в широком смысле представляется как одна из основ человеческой жизнедеятельности, как тип взаимодействия между людьми, предполагающего информационный обмен. И если информация – это содержательная сторона общения, взаимодействия общественных субъектов, то коммуникация – это механизм общения, взаимодействия общественных субъектов.

Одним из наиболее значительных, хотя, вполне возможно, не до конца осознаваемых обстоятельств современного существования человечества, обусловленных результатами такого взаимодействия, является наше «присутствие в будущем». Парадоксально, но факт: самой большой неожиданностью XXI века является как раз его преемственность в отношении к большинству процессов и проблем XX века. Однако другой стороной этой преемственности является смутное ощущение чего-то еще невысказанного, неразличимого, неоформленного, но способного в определенный момент принципиально изменить сегодня всю картину мира. На этом фоне то, что еще совсем недавно рассматривалось сквозь призму устойчивого развития, в настоящее время приобретает статус проблемы безопасности; там, где вчера был очевиден культурный плюрализм и диалог, сегодня намечаются новые линии цивилизационных разломов и привычные представления об экономических злоупотреблениях внезапно оборачиваются тотальной угрозой мирового терроризма.

Аналогичные процессы происходят и в переоценке ценностей образования. Базовые идеи философии и идеологии Просвещения (всеобщность, доступность, открытость, гуманизм) оказываются источниками серьезных социально-политических проблем [22, с. 4– 5]. Проблема образования уже

сегодня начинает осознаваться как условие выживания России, именно поэтому встает вопрос о его модернизации, восстановлении и реконструкции того духовного, интеллектуального, социокультурного пространства, в которое оно помещено. В то же время система образования является наиболее инерционной.

Социологические и политологические исследования последних лет показывают, что в настоящее время наблюдается некоторое отставание информационной политики государства от практической модернизации образования на основе критериев, выработанных социальной информатикой (В.Д. Попов). В этих условиях для обеспечения продуктивности, авторитета и качества образования наиболее целесообразными представляются как содержательно-дидактическое, так и методическое, а также информационно-управленческое направления модернизации в соответствии с условиями вхождения России в мировое информационное пространство и построения информационного общества. Политика модернизации отечественного образования как инновационной системы должна быть построена с учетом отечественных традиций и содержать требования новой информационной эпохи. В частности, отечественное образование следует ориентировать на обеспечение информационной безопасности.

Культурно-информационная составляющая модернизационных процессов в сфере образования должна включать в себя высокий уровень информированности всех субъектов образовательного процесса о целях и результатах образования, требованиях к специалистам. Необходимо обеспечить высокое качество самих целей образовательного процесса, рациональность их выбора и интегрированность в европейское и мировое образовательное и информационное пространства. Все субъекты должны быть реально заинтересованы в повышении качества образовательного процесса. От них и от субъектов управления требуется активное участие в коммуникативной и информационной деятельности. Это обеспечивается наличием соответствующих информационно-коммуникативных технологий, повышающих уровень коммуникативной управленческой деятельности, информационной культуры участников образовательного процесса. Однако модернизационные процессы любой социальной, политической, экономической и других сфер жизни общества всегда были и будут подвержены определенным силам инерции в контексте объективного процесса коммуникативно-информационной борьбы между «консерваторами» и «прогрессистами».

Анализ показывает, что в системе современного российского образования все еще недостаточно сформирован механизм как внешнего, так и внутреннего контроля качества подготовки специалистов, связанный с неприятием многими субъектами образования новых достижений политической, социологической и психолого-педагогической наук, неумением использовать современные информационные технологии при осуществлении контроля. На наш взгляд, это напрямую связано с низким качеством медийного образования, недостаточной информационной культурой субъектов образовательной системы (преподавателей, студентов). Как следствие, имеющиеся коммуни-

кативные умения и в целом информационная компетентность субъектов образования оказывают негативное воздействие на социальную мотивацию к учебе. В результате формируется социально-информациологическая аномия, связанная с ценностной дезориентацией в СМИ и потерей информационной идентичности, которая напрямую влияет на рейтинг доверия к самим процессам модернизации.

Таким образом, социокультурный контекст политики модернизации в условиях информационного общества заключается в необходимости формирования в институтах образования информационной личности, способной отбирать, анализировать и использовать информацию в интересах прогресса, обеспечения информационной безопасности как личности, так и самого государства.

Библиографический список

1. Информационная политика: учебник / под ред. В.Д. Попова. М., 2003.
2. Чернов А.А. Становление информационного общества: проблемы и перспективы. М., 2003.
3. Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y.: Basic Books, Inc., 1973.
4. Попов В.Д. Информационный фактор финансового кризиса. М., 2009.
5. Попов В.Д. Тайны информационной политики. М., 2007.
6. Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. М., 2004.
7. Мухамедова Л.И. Социальная коммуникация в трансформирующемся обществе: лекция. М., 2007.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
9. Окинавская Хартия глобального информационного общества // Развитие информационного общества в России. Т. 2. Концепции и программы: сб. док. и мат-лов / под ред. Н.В. Борисова, Ю.Е. Хохлова СПб., 2001.
10. Силкин В.В. Коммуникативные аспекты социального управления. Саратов, 2007.
11. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.
12. Агеев В.Н. Семиотика. М., 2002.
13. Бориснев С.В. Социология коммуникации. М., 2003.
14. Дозорова А.А. Социокоммуникативные процессы в экономической сфере современного российского общества: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2002.
15. Назаров М.М. Массовые коммуникации и виртуализация социального пространства в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 1.
16. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005
17. Современная западная философия: словарь. 2-е изд. М., 1998.
18. Социологический энциклопедический словарь. М., 2000.
19. Выготский Л.С. Развитие высшей психической функции. М., 1960.
20. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965.
21. Курбатов В.Н. Основы речевой деятельности. М., 1974.
22. Бермус А.Г. Модернизация образования: философия, политика, культура. М., 2008.

E.Yu. Strigankova
The Phenomenon of
Communicative Relations
in the Communicative Situation
of the Information Society

This article analyzes comparatively two phenomena – communication and communicative relations – in the context of the communicative situation of the information society. The author reveals the peculiarity of the existential essence of modern social relations their valuable importance for social risks overcoming.

Key words and word-combinations: communicative activity, communication, social relations, communicative risks, information communicative space, communicative personality.

Дается сравнительный анализ феноменов коммуникации и общения в контексте коммуникативной ситуации информационного социума. Выявляется специфика экзистенциальной сущности современного общения, его ценностная значимость в преодолении социальных рисков.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникативная деятельность, коммуникация, общение, коммуникативные риски, информационно-коммуникативное пространство, коммуникативная личность.

УДК 316.77:1:316
ББК 60.84+60.024

Е.Ю. Стриганкова

ФЕНОМЕН ОБЩЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО СОЦИУМА

Коммуникативная деятельность осуществляется в процессе реализации социальных практик через различные формы связи, имеющие сущностные отличия. Контекст социальных практик определяет коммуникативное поведение, которое может проявляться в двух моделях социальной коммуникации: «S-O» – трансляция информации – и «S-S» – трансляция сущностных смыслов (Ч. Кули, Н. Элиас, К. Ясперс, Н. Бердяев, М. Каган) . Соответственно этим моделям выделяются два вида коммуникативной деятельности – собственно коммуникация и общение.

В зависимости от данной классификации коммуникация и общение различаются по характеру отношений, характеру связи, способу структурной организации, матрице институционализации, форме существования и функциональным качествам социальных институтов.

По характеру отношений коммуникация имеет ярко выраженный практический, информационный характер, тогда как общение отличается преимущественно духовным и, в меньшей степени, информационным характером. *По характеру связи* коммуникация – это информационная связь субъекта с объектом, носящая опосредованный характер, а общение является личностной связью, рождающей общность или повышающей ее в процессе формирования новой информации, интересной и необходимой для общающихся субъектов. *По способу структурной организации* коммуникации как сообщение мо-

нологично, в отличие от общения, которое по своей структуре обязательно диалогично. По матрице институционализации коммуникация тоже отличается от общения. Институционализация коммуникации носит надындивидуальный характер и подразумевает упорядочение, формализацию и стандартизацию общественных связей и отношений. Институционализация общения проявляется в формировании социальных медиа и сетей, стремящихся монополизировать межличностное общение. Отличия существуют и по форме существования и функциональным качествам социальных институтов. Как институционализированная форма социального поведения коммуникация относится к типу сложных социокультурных и нормативно ориентирующих институтов. Общение же относится к типу простых церемониально-символических и ситуационно-конвенциональных институтов.

Несмотря на очевидную разницу, коммуникация и общение равно необходимы человеку, общественному развитию, культуре. Они имеют свои сферы действия и по-своему проявляются во всевозможных социокультурных ситуациях. Следовательно, необходимо отчетливо понимать, где и когда наиболее эффективны коммуникация, монолог, сообщение, а где и когда – общение, диалог, отношение к другому как к субъекту.

Развитие информационно-коммуникационных технологий и трансформация всей социальной структуры общества начала XXI в. привели к возникновению новой коммуникативной ситуации, которая характеризуется, с одной стороны, возрастанием значимости коммуникации в важнейших областях жизнедеятельности человека – экономике, политике, культуре; с другой стороны, усиливается противоречие между возможностями и границами коммуникации.

Суть внутреннего конфликта коммуникативной ситуации информационного социума, по нашему мнению, заключается в нарушении сбалансированности поведенческих моделей общения и коммуникации в пользу последней. Коммуникационно-информационная технократичность современного мира приводит к утрате духовности, и жизненное пространство личности лишается ценностных и, как следствие, морально-нравственных оснований. Нам представляется, что эффективным решением данного конфликта является актуализация общения как носителя духовной культуры и средства ее распространения в пространстве и времени. При этом феномен общения, по нашему мнению, определяется как процесс сущностной связи субъектов, в ходе которого происходит создание общих смыслов, приобщение к ценностям партнеров по общению [1, с. 61– 62].

Исследуя соотношение коммуникации и общения на разных этапах развития социума, следует принимать во внимание конкретно-исторический характер данного процесса, духовную ситуацию времени и материальные средства распространения и хранения информации, поскольку, с нашей точки зрения, именно эти параметры определяют специфику коммуникативного хронотопа. В связи с этим важным является исследование функционирования общения как средства распространения духовной культуры, передачи ее в пространстве и времени через непосредственные и опосредованные его формы по индивидуальным, групповым и массовым каналам усвоения.

Проведенный анализ показывает, что информационная насыщенность, сфера влияния коммуникации по отношению к общению возрастает соответствен-

но развитию общества, расширению производства и совершенствованию системы деятельности.

Итак, в каждую цивилизационную эпоху социальная коммуникация по-разному содержательно и по форме осуществляет распространение и усвоение духовной культуры, выступая одновременно и условием ее изменения. На низких ступенях развития она имела малую информационную насыщенность, не отличалась многообразием форм; в ней преобладали непосредственные контакты, определяемые территориальной близостью [2, с. 118, 120, 131]. В традиционном обществе коммуникативное пространство характеризовалось замкнутостью, количество членов коммуникации и циркулирующей между ними информации было ограничено, а коммуникативная деятельность определялась по принципу «свой – чужой». Актуализация мира «чужих» часто выходила за рамки потребностей сообщества «своих». Устное личностное общение ограничивалось территориально и во времени.

С изобретением такого средства коммуникативного взаимодействия, как письменность, усилилась информационная функция общения, хотя не все оценили, даже по прошествии времени, величайшую роль этого события для человечества. Так, Платон сетовал на пагубность распространения письменности. По мнению философа, люди в результате механического усвоения знаний по рукописным источникам, «будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве своем невеждами, невыносимыми в общении, так как сделаются они не мудрыми, а мнимомудрыми» [3, с. 249].

Революционное значение письменной формы общения и в дальнейшем книгопечатания заключалось, во-первых, в расширении коммуникативного пространства, характеризующегося постоянно растущим числом участников коммуникации, а во-вторых – в изменении динамики передачи информации во времени, где интерактивный характер процесса коммуникации приобретает черты транзактного действия. Указанные изменения в конечном счете привели к возрастанию преемственности в развитии духовной культуры [4, с. 121].

С развитием индустриальной цивилизации, расширением производства и начавшимся процессом урбанизации меняется конфигурация коммуникативного пространства, диверсифицируются участники общения и виды коммуникативных практик. Процесс межличностного взаимодействия, интересы партнеров по общению выходят за рамки локального пространства. Коммуникативная деятельность утрачивает сущностные свойства общения, все больше приобретает черты, специфические для коммуникации: ярко выраженный практический, информационный и опосредованный характер; монологичность структуры сообщения, направленного от субъекта к объекту; институционализированность социального поведения.

В постиндустриальном обществе развитие коммуникационных средств и технологий приобретает неведомые прежде масштабы. Доступность коммуникативного пространства и времени делает социальные связи более открытыми и одновременно более технократичными. К. Ясперс отмечает, что массовая коммуникация, массовое существование приводят к нивелированию культурных пространств, «псевдоединению». Культ коммуникационных технологий, игнорирование ценностных и морально-нравственных основ духовной культуры негативно влияет на духовно-практический характер общения, делая его уязви-

мым. Коммуникация в традиционной практической востребованности вытесняет духовное общение на периферию коммуникативных отношений постиндустриального социума.

В современной ситуации глобализирующегося мира продолжается непрерывное увеличение объема средств коммуникации и, как следствие, возрастание потока информации. Однако информационный характер коммуникации, позволяя реализовывать функцию информационной связи, контролирует лишь количественные показатели передаваемой информации. Качество транслируемого контента, его содержательная ценность и духовная значимость становятся вторичными по отношению к битам информации, перекачиваемой новейшими техническими средствами коммуникации. В результате возникает противоречие: в обществе не происходит ожидаемого роста духовной культуры непосредственно вслед за увеличением объема информации и расширением сферы общения. Электронно-индустриальная основа массовой культуры, на перспективы которой указывал Г.М. Маклюэн, в реальности привела к дисфункции системы коммуникации, создавшей новое рискогенное пространство, которое в настоящее время обозначается как пространство коммуникативных рисков [5, с. 18].

Предлагается следующая классификация коммуникативных рисков информационного социума:

- риски информационной перенасыщенности;
- риски инструментализации коммуникации;
- риски преобладания стратегической рациональности;
- риски информационной маргинальности.

Риски информационной перенасыщенности. Интенсификация и усложнение человеческой деятельности и коммуникации, рост их многократной опосредованности в условиях научно-технической революции ведут к усилению нервного напряжения человека: он должен приспосабливаться к частой смене ситуаций, быстрее и точнее реагировать на различного рода сигналы, в сжатые сроки осмысливать огромный поток информации. В этих условиях стремление человека к сохранению эмоциональной непосредственности в ее первоначальной чистоте может привести к сильнейшим нервным стрессам, способным оказывать отрицательное и даже разрушительное воздействие на психическое и физическое здоровье.

Риски инструментализации коммуникации. В новой коммуникативной ситуации очевидна угроза обеднения и инструментализации коммуникации, подчиняющей гуманитарные цели человеческого общения служебным задачам его технического исполнения. Институты служат упорядочению, формализации и стандартизации общественных связей индивида, но институционализация коммуникации влечет за собой подчинение индивида логике функциональной и экономической целесообразности и, безусловно, обедняет человеческую коммуникацию [6].

В системе средств массовой коммуникации действие механизма инструментализации может дать обратный эффект и далеко не всегда рассматривается как нормальное и естественное явление. Соответственно происходит повышение социальной значимости общения не только на микро-, но и на макроуровне, расширение его информационной функции, усиление влияния на систему общественных отношений. Информационное общение представляет собой одновременно идеологи-

ческое воздействие, которое может проявляться в тенденциозности при отборе информации, в целенаправленном воздействии на определенные социальные группы, в дезинформации и необъективной расшифровке сущности обратной связи.

Риски преобладания стратегической рациональности. В традиционных коммуникативных практиках взаимодействие выстраивается на определенном балансе эмоционального и рационального компонентов. Одним из социально-психологических изменений, порождаемых процессом социализации, оказывается тенденция торможения эмоциональной реакции и возрастание значимости рациональной составляющей, которая может в определенных ситуациях приобретать стратегический характер. Такое положение не означает эмоционального оскудения личности – речь в данном случае идет о степени непосредственного отклика на многочисленные внешние воздействия. Однако действие механизма торможения эмоциональной реакции, приводящей к деперсонализации психического контакта в условиях массовой коммуникации, имеет определенные границы своей оправданности. Безусловно, такое состояние отрицательно сказывается на межличностном общении, так как препятствует индивиду в удовлетворении потребности в человеческих контактах, служащих важным средством активизации его психической деятельности, реализации духовного потенциала.

Риски информационной маргинальности. Технизация коммуникации в эпоху глобализации облегчает осуществление коммуникации, но способна вести к отчуждению тех, кто имеет возможность коммуницировать глобально от тех, кто такой возможности не имеет. Вследствие этого искажается коммуникативный ландшафт общества: структура реального коммуникативного сообщества распадается на коммуникативные анклавы, в которых лидирующие субъекты коммуницируют за счет так называемых «информационных маргиналов». Таким образом, круг принимающих решения коренным образом отчуждается от круга тех, кому эти решения предназначены, а лишенные информации еще более отдаляются от тех, кто живет в условиях ее переизбытка. В основе данной группы коммуникативных рисков, с нашей точки зрения, лежит нарушение баланса между коммуникацией и общением. Коммуникационная перенасыщенность не поддерживается ростом духовной культуры, а объем информации не способствует качеству знания и уровню духовного развития личности.

Суть возникшей в коммуникативном пространстве информационного социума рискогенной ситуации заключается в конфликте между формой и содержанием социальной коммуникации в процессе становления и развития информационного общества. Данный конфликт требует разрешения как в формальном, так и в содержательном плане: по форме – появилась необходимость создания новой социальной структуры коммуникативного пространства, способной справиться с эффектом информационной перенасыщенности; по содержанию – обозначилась необходимость «реабилитации» общения в статусе вида коммуникативной деятельности, ответственного за аккумуляцию, хранение и передачу духовной культуры.

Сложившуюся ситуацию, считает А. Тойнби, следует оценить как проявление одного из инновационных направлений развития информационного социума, актуализировавшего его коммуникативную проблематику, и определенный коммуникативный «вызов», потребовавший адекватного «ответа».

«Историческим ответом на ситуацию коммуникационного переизбытка, –

отмечает А.В. Назарчук, – служит формированию сетевого общества – общества, ключевую коммуникативную роль в котором начинают играть сети, свободно формирующиеся объединения людей и групп по интересам. В отличие от традиционных социальных структур, сети способны воспринимать и самостоятельно создавать новые коммуникативные конфигурации, недоступные для традиционных институтов. Сетевое общество позволяет снабдить инновационные коммуникативные проекты соразмерными им и эффективными коммуникативными практиками» [6, с. 100– 101]. Следует отметить, что проблема формирования сетевого общества активно дискутируется в научной литературе. Среди множества мнений и теорий [7– 13] представляется интересной философская рефлексия феномена сети и сетевой коммуникации [14– 18] как одного из аспектов исследования коммуникационного общества.

Для разрешения проблемы содержания коммуникации, с точки зрения восстановления ее экзистенциальной значимости, следует обратить внимание на продуктивность преодоления коммуникативных рисков через воспитание личности, способной в системе самообразования, самовоспитания, творчества находить информацию, непосредственно работающую на совершенствование духовной культуры. Иными словами, новая коммуникативная ситуация продуцирует потребность в формировании коммуникативной личности нового типа – социально активной, обладающей коммуникативной и коммуникационной компетенцией.

Итак, культура и общение в своем развитии находятся в диалектическом единстве и постоянно взаимодействуют через многократно опосредованную коммуникационными структурами деятельность человека. Необходимо учитывать, что и элементы культуры могут выступать как посредники общения, благодаря чему общение может осуществляться, разворачиваясь из отдельных актов в процессы, приобретать стабильный характер.

Связь «общение – духовная культура» диалектична. Взаимопереход их функций обусловлен генетической связью культуры с человеческой деятельностью, где общение выступает в качестве необходимого элемента процессуальной характеристики многообразной деятельности, а культура является ее результирующим показателем. В этом контексте общение приобретает инфраструктурный смысл как специфическая коммуникативная практика, обслуживающая тот или иной вид социальной деятельности. Ценностным критерием проявления общения в данной функции выступает соответствие морально-этическим и гуманистическим требованиям культуры общения.

Библиографический список

1. Стриганкова Е.Ю. Социально-философские проблемы языка и коммуникации. Саратов, 2007.
2. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973
3. Платон. Избранные диалоги. М., 2004.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
5. Устьянцев В.Б. Введение в социальную рискологию. Саратов, 2010.
6. Назарчук А.В. Новая коммуникативная ситуация: рождение сетевого общества // Философия и будущее цивилизации: тезисы докл. и выступлений IV Российского философского конгресса. Москва, 24–28 мая 2005 г.: в 5 т. М., 2005. Т. 3.

7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
8. *Burt R.* The Social Capital of Social Holes // Guillen M., Collins R., England P. New Directions in economic Sociology. N.Y., 2001.
9. *Гидденс Э.* Устроение общества. М., 2003.
10. *Кастельс М.* Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. М., 2004.
11. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.
12. *Kadushin Ch.* Introduction to Social Network Theory. N.Y., 2004.
13. *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005.
14. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Ризома // Философия эпохи постмодерна: сб. переводов и рефератов. Минск, 1996.
15. *Таратута Е.Е.* Философия виртуальной реальности. СПб., 2007.
16. *Назарчук А.В.* Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7.
17. *Трубицын О.К.* Формирование теории сетевого общества // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2011. № 2.
18. *Назарчук А.В.* О сетевых исследованиях в социальных науках // Социс. 2011. № 1.

V.S. Ufaeva
Communicative Analysis
of Modern Political Space:
Approaches, Tendencies,
and Levels

Modern political space is studied on the basis of methodology of socio-philosophical science and communicative analysis. Approaches, tendencies, and levels are considered for research of informative and communicative interaction of the subjects in political space.

Key words and word-combinations: political space, communicative analysis, informative and communicative interaction.

Исследуется современное политическое пространство с точки зрения социально-философской науки и проводится его коммуникативный анализ. Рассматриваются подходы, тенденции и уровни, лежащие в основе методологии исследования информационно-коммуникативного взаимодействия субъектов политического пространства.

Ключевые слова и словосочетания: политическое пространство, коммуникативный подход, информационно-коммуникативное взаимодействие.

УДК 321.01
ББК 66.01

В.С. Уфаева

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПОДХОДЫ, ТЕНДЕНЦИИ, УРОВНИ

Исследование проблем «социального» и «политического» пространства имеет достаточно продолжительную историю как в философии, так и в общественных науках в целом. Сегодня в социально-философском учении сложились две основные концепции пространства – субстанциальная и реляционная.

В рамках субстанциальной концепции (традиция Ш.Л. Монтескье) под политическим пространством понимается достаточно устойчивая среда, в которой функционируют политические системы и протекают политические процессы [1, с. 261]. Политическое

пространство в традиции реляционного подхода (П. Бурдьё) рассматривается как форма существования, включающая не только субстанциальные характеристики, но и указывающая на относительную протяженность социальных связей и отношений. Такое понимание способствует выявлению различных уровней социального пространства как в их тесной взаимосвязи, так и учитывая относительную самостоятельность и независимость каждого [2, с. 72].

Для нашего исследования представляется актуальным рассмотреть вопросы коммуникативных практик в политическом пространстве. При этом центральными аспектами изучения становятся вопросы о субъектах политического пространства, а также их взаимодействии. Таким образом, за основу берется определение политического пространства в традиции реляционного подхода.

Рассматривая политическое пространство с точки зрения взаимодействия его субъектов, необходимо, на наш взгляд, провести анализ информационно-коммуникативных связей. Исходя из этого, *политическое пространство представляет собой социальное целое, структуры и институты в котором предназначены для формирования, получения и переработки информации, обуславливающей осуществление политическими субъектами своих разнообразных ролей и функций.* Институты, входящие в структуру политического пространства, ориентируются на целенаправленную передачу, обмен и защиту информации. С точки зрения роли технических компонентов в информационных обменах, политическое пространство можно представить как социотехнологическую структуру.

Информационно-коммуникативные отношения в рассматриваемом политическом пространстве являются своего рода связующим процессом, обеспечивающим взаимодействие и интеграцию всех уровней и сегментов политического пространства и выполнение им (и входящими в него институтами) всех основных функций: регулирования общественных отношений, организации, мотивации, контроля. Информационно-коммуникативные отношения выступают в роли соединительной ткани, придающей политическому пространству антиэнтропийные свойства (способность к сохранению целостности) и наделяющей деятельность институтов, субъектов и носителей власти свойствами самоорганизации и саморазвития, способностями к преодолению неблагоприятных условий своего развития.

Впервые политическую систему как информационно-коммуникативную представил К. Дойч. Впоследствии заявленный им подход получил двоякое теоретическое продолжение.

Так, Г. Шельски сформулировал идею «технического государства», выдвинув на первый план не социальные, а технические аспекты политической организации власти. Применительно к современному политическому пространству не сложно проследить тенденцию возрастания роли технико-информационных средств в организации политической жизни. Особенно это касается появления дополнительных технических возможностей для проведения голосований (в частности, электронных систем интерактивной связи) , повышения роли и значения СМИ в политическом процессе, разрушения многих прежних иерархических связей в государственном управлении, усиления автономности низовых структур управления в государстве. Однако указанные тенденции можно рас-

смаатривать лишь как коммуникационные технологии, расширяющие технологические возможности субъектов власти.

В противоположность этому, Ю. Хабермас делал акцент на коммуникативных действиях и соответствующих элементах политики – ценностях, нормах, обучающих действиях, представляя их в качестве основы социального и политического порядка [3]. На наш взгляд, овладение коммуникативными технологиями может способствовать устранению конфликтов и противоречий между группами политических интересов.

Современная политическая система погружена в информационное пространство, где политическая коммуникация выполняет двойственную роль, осуществляя внутреннюю связь между элементами самой политической системы и обеспечивая внешнюю связь политической системы с другими институциональными системами. В этих условиях эффективность управления социумом зависит от результативности использования современных информационных и коммуникативных технологий.

В процессе обмена информацией принципиальное значение имеет *способность субъекта осмысленно воспринимать сообщения*. Данный аспект субъективированного восприятия, истолкования и усвоения информации именуется коммуникацией, или процессом установления осмысленных контактов между отправителями (коммуникаторами) и получателями (реципиентами). Такое уточнение показывает, что не любая информация может породить соответствующую коммуникацию между политическими субъектами: например, деятельность политически неприемлемых для граждан СМИ приводит не к налаживанию, а к разрушению общения и контактов с ними.

Иными словами, коммуникативные аспекты информационных связей показывают, что обмен сообщениями – это не безликий технический процесс, который может игнорировать особенности реципиентов как реальных участников политических отношений. На практике, к примеру, многие решения даже на вершинах государственной власти могут приниматься не в соответствии, а вопреки получаемой информации, под влиянием чувств политических руководителей. Вот почему, полученная информация является лишь предпосылкой, но не фактором политических действий.

В сфере публичной власти все институты и механизмы являются средствами переработки информационных потоков и относительно самостоятельными структурами в информационном пространстве. При этом эффективность их деятельности непосредственно зависит от способности к упорядочению информации и налаживанию осмысленных контактов с другими субъектами социума. В то же время и сами политические субъекты меняют свой облик, представая в качестве разнообразных носителей информации: информационных элит (дейтократии), технобюрократии (служащих, контролирующих служебную информацию), коммуникаторов (тех, кто отправляет информацию), коммуникантов (тех, кто перерабатывает и интерпретирует информацию), реципиентов (тех, кто получает информацию) [4, с. 272].

Таким образом, коммуникативный анализ современного политического пространства невозможен без исследования политической коммуникации. Из мно-

гообразия определенных политической коммуникации точнее всего следующее: «Политическая коммуникация – это смысловой аспект взаимодействия субъектов политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Она связана с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение политического процесса» [5, с. 53].

В рамках изучения проблем коммуникации в политическом пространстве за последнее десятилетие наметилось несколько тенденций: 1) выделились специфические предметы исследования – институт президентства, политические дебаты, избирательные кампании, общественное мнение, политическая реклама; 2) методология исследований основана на социокультурном подходе и критическом анализе; 3) наметилась научная идентичность, определяющая основную сферу исследования политической коммуникации как изучение роли, процессов и эффектов коммуникации в контексте политики [6, с. 54].

Сложная структура политического пространства, разнообразные цели и методы субъектов политических процессов обуславливают такую же сложную и многомерную структуру информационно-коммуникативного обмена, которая, в свою очередь, предполагает учет различных уровней информационно-коммуникативных связей: *семантический, технический и инфлуентальный* (англ. influence – влияние) [7, с. 97– 109]. Данные уровни позволяют вычлениить наиболее существенные и качественно отличающиеся компоненты информационно-коммуникативных процессов, с одной стороны, обеспечивающие само их существование, а с другой – определяющие условия эффективного взаимодействия политических субъектов с их информационными партнерами в политическом пространстве.

Семантический уровень информационно-коммуникативных связей раскрывает зависимость процессов передачи информации и возникновения коммуникации между субъектами от употребляемых знаково-языковых форм. Иными словами, во внимание принимаются языковые средства (знаки, символы, изображения) и их способность сохранять или препятствовать сохранению смысла и значения передаваемых сигналов и сообщений и обеспечивать их адекватную интерпретацию реципиентами. В этом смысле принимаются в расчет как вербальные (словесные), так и невербальные (жесты, мимика, движение тела, диапазон речи, смех, язык этикета и т.д.) средства передачи информации, использующиеся разнообразными политическими (официальными и неофициальными, формальными и неформальными) субъектами.

По сути дела, выделение семантических структур показывает значение тех языковых форм, при помощи которых может либо состояться, либо не состояться коммуникация при взаимном обмене информацией. Например, государственные органы нередко продуцируют политические тексты в излишне теоретизированном виде, что затрудняет их понимание рядовыми гражданами и снижает мобилизационные возможности власти. Отдельные газеты, журналы и телеканалы чрезмерно широко употребляют иностранные или специальные термины, существенно затрудняющие смысловое прочтение информации обычными людьми. Таким образом, несоответствие семантических структур типу общения, возможностям субъектов либо их внутренние изъяны способны вместо

связующих эффектов породить коммуникационный вакуум в отношениях власти с населением, что может иметь далеко идущие негативные политические последствия.

Технический уровень информационно-коммуникативной связи показывает информационную деятельность политических субъектов как функционирование специальных организационных структур, кадровых центров, банков данных, сетей и технологий хранения и передачи информации. Значение и роль всех этих технических инструментов коммуникации определяется тем, насколько они способны без каких-либо изменений, своевременно и в нужное место передать то или иное сообщение.

Выделение такого организационно-технологического, несоциального пласта информационно-коммуникативных процессов помогает акцентировать внимание на устранении различных помех (шумов) , препятствующих своевременно и бесперебойно поступающей информации в политической системе. К подобным помехам могут относиться различия в носителях информации (бумажных и электронных) , дефицит времени на получение субъектом нужной ему информации, маломощность и перегрузка проводящих каналов, низкая квалификация кадров, собирающих информацию.

Инфлуентальный уровень информационно-коммуникативной связи раскрывает степень влияния информации на человеческое сознание. Именно компоненты данного уровня информационно-коммуникативных связей и отношений характеризуют те условия, от которых зависит сила духовного воздействия на граждан предлагаемых государством или партиями целей, ценностей и идей. По сути дела, на этом структурном уровне определяются источники, предпосылки и факторы эффективности вращающихся на информационном рынке идей и представлений.

Для повышения результативности своей деятельности в этом направлении политические субъекты должны руководствоваться соображениями адресности подачи информации, учитывать особенности аудитории. Формулируемые лозунги и призывы должны соответствовать условиям социальной среды, ориентироваться на действующие в групповом и массовом сознании традиции и обычаи, доминирующие стереотипы и привычки.

Анализ современного политического пространства с позиции коммуникативной методологии показывает плодотворность исследования политической коммуникации как изучения роли процессов и эффектов социальной коммуникации в контексте политики. В данном контексте отдается приоритет коммуникативно-ценностному подходу в конструировании современного политического пространства с учетом рационального единства семантического, технического и инфлуентального уровней в организации политического пространства информационного социума.

Библиографический список

1. *Монтескье Ш.Л.* Избранные произведения. М., 1955.
2. *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993.
3. *Habermas J.* The Theory Communicative Action. Boston, 1984.

4. *Стризов А.Л.* Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия. Волгоград, 1999.
5. *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб., 2001.
6. *Уфаева В.С.* Коммуникативные стратегии политического лидера в информационном социуме // Социокультурные проблемы языка и коммуникации: сб. науч. трудов. Саратов, 2011. Вып. 7.
7. *Thompson J.B.* Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Stanford, 1990.

M.V. Butaev
Methodological Opportunities
to Apply the Gender Approach
to the Philosophical Analysis
of the Paternity Issue

The paternity issue is proposed to be considered from the view point of the unity of gender and interdisciplinary approaches. It is substantiated that gender identity is a constructive factor of the phenomenon of paternity.

Key words and word-combinations: paternity, gender approach, research methodology.

Проблемы отцовства предложено рассматривать с позиций единства гендерного и междисциплинарного подходов. Обосновано, что конструктивным фактором феномена отцовства выступает гендерная идентичность.

Ключевые слова и словосочетания: отцовство, гендерный подход, методология исследования.

УДК 316.356.2
ББК 60.561.5

М.В. Бутаев

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА К ФИЛОСОФСКОМУ АНАЛИЗУ ПРОБЛЕМЫ ОТЦОВСТВА

Кризис социального института брака и семьи в современных обществах является общепризнанным явлением. Становится все более очевидным, что статусы и роли матери и отца существенно трансформировались под влиянием текущих социально-экономических и социокультурных условий. Как следствие, возникло стремление переосмыслить содержательный характер аспектов внутрисемейного развития, связанных с современными гендерными отношениями.

В социальном и мировоззренческом смысле в наибольшей степени, на наш взгляд, изменилось положение отца. Специалистами отмечаются конфликт между трудовыми и семейными обязанностями, превращение отцовства из обязательного в факультативное, появление новых отцовских практик и сопутствующих им социальных проблем. Все это преломляется в самосознании мужчины

и его гендерной идентичности, с которой соотносится его самоуважение и личная самооценка.

Указанные факторы и тенденции обуславливают необходимость современной философской рефлексии проблемы отцовства как социально сконструированного феномена. Методологические возможности гендерного подхода к анализу феномена отцовства как философской проблемы представляются потенциально весьма перспективными для получения новых, интересных научно объективных результатов.

Противоречивое сочетание действующих в настоящее время в российском социуме традиционалистских и эгалитарных установок влияет на понимание сущности и роли отцовства, на трактовку гендерной идентичности. Актуальность исследования проблемы отцовства вызвана усложнением современных социальных условий, обострением противоречивости содержания и состояния семейных отношений, повсеместной правовой безграмотностью отцов.

Проблема отцовства в ее социокультурном контексте по понятной причине была актуализирована в русле исследования мужчин. Основными вопросами становятся следующие: что нужно, чтобы стать отцом? каковы критерии отцовской эффективности? в чем современные мужчины видят плюсы и минусы отцовства и насколько оно важно для их субъективного благополучия?

Философская рефлексия начинается, как правило, с уточнения понятийного аппарата. Важно иметь в виду, что термин «отцовство» имеет два значения: 1) отцовство (fatherhood) понимается как социальный институт, система прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как к родителю и коренящихся в нормативной системе культуры и в структуре семьи; 2) представляет собой реальные практики (fathering) – деятельность, связанную с выращиванием и воспитанием детей [1, с. 397].

В гендерных исследованиях проблематика отцовства стала изучаться позже, чем тема материнства. Роль отца широко обсуждается и анализируется в научной литературе лишь со второй половины 1970-х годов. Отцовство стало рассматриваться не только как социальная функция, необходимая для правильного воспитания, прежде всего сыновей, но и как важный элемент мужской идентичности [2, с. 236], ядром которой выступает маскулинность, понимаемая в ее социально-историческом значении.

В начале XXI в. кризис маскулинности вызывал озабоченность и недовольство как женщин, так и мужчин. Если в XIX в. в общественном сознании всей Европы появился «женский вопрос», то теперь можно говорить о появлении особого «мужского вопроса» [3]. Процесс конструирования маскулинности становится не только причиной семейных конфликтов, но и серьезной проблемой современного социального бытия и мировоззрения. И хотя на отцовство распространяются фундаментальные характеристики маскулинности – историчность, социальность и гендерная доминантность, тем не менее феномен отцовства обладает собственной спецификой. Он, как и материнство, может быть рассмотрен с двух точек зрения: как обеспечение условий развития ребенка и как часть личностной сферы мужчины [4, с. 225]. Оба эти подхода взаимосвязаны, поскольку анализируют одно и то же явление с точки зрения двух его функций. Изучение отцовства в

рамках первого подхода включает анализ личностного вклада отца в развитие ребенка (детей) . Рассмотрение отцовства со второй точки зрения позволяет выделить еще одну функцию отцовства – функцию самореализации мужчины.

В мифологическом сознании отец чаще всего выступал как персонификатор власти («грозный отец») или как глава большой семьи и рода. Эти представления закрепились в стереотипах массового сознания. Исторически сложившийся нормативный образ отца – это а) кормилец, б) персонификатор власти, в) высший дисциплинатор, г) пример для подражания и чаще всего непосредственный наставник детей, особенно сыновей, в общественно-трудовой и духовной деятельности. Исторически соотношение этих ролей меняется в зависимости от особенностей того или иного общества. В целом же отцовская идентификация представляет процесс осознания себя в качестве родителя и принятие (или отрицание) субъектом имеющихся культурных норм поведения, соответствующих роли отца [5, с. 225].

Гендерное исследование осуществляет переход от традиционного образа мужчины к попыткам взглянуть на место и роль мужчины в обществе с другой стороны. В рамках гендерного подхода и конструктивистской парадигмы маскулинность рассматривается не как природная данность, а как социальный конструкт, связанный со специфической доминантной позицией в области гендерных отношений.

Существует множество маскулинных типов, однако каждый из них представляет своего рода предписанный сценарий, от реализации которого зависит относительная социальная успешность индивида, его самооценка и восприятие окружающими [6, с. 138]. Современные теории маскулинности в целом отрицают биологический детерминизм и биолого-эволюционный подход как основание для понимания мужской и женской идентичности. Они акцентируют иерархический характер социально конструируемых маскулинностей и анализируют взаимосвязь гендерных практик, идеологии и социальных структур, а также те символические и материальные отношения, в которых формируется представление индивида о маскулинности [7, с. 7].

Во-первых, в гендерных исследованиях маскулинность трактуют как особую социальную идентичность, существующую исключительно в определенном социуме и меняющуюся вместе с ним. Понятие «маскулинность» включает в себя символический сценарий, бесконечно вариабельный и не всегда необходимый культурный конструкт [8, с. 122]. Такая точка зрения позволяет трактовать маскулинность не как единое и неизменяющееся целое, а как подвижную и изменчивую множественность. Во-вторых, современная характеристика гендерных исследований мужчин и маскулинностей состоит в том, что наиболее важными для анализа видятся отношения доминирования и подчинения. Такой тип доминантно-зависимых гендерных отношений находит отражение в модели гегемонной (традиционной) маскулинности, имеющей статус культурной нормы. У разных исследователей можно встретить различные по формулировкам, но близкие по смыслу основания построения нормативной маскулинности. Нормативная маскулинность – гегемонная (традиционная) , в ней составляющая власти носит определенный конститутивный характер.

Анализ литературы по проблеме отцовства позволяет соотнести особенности отцовского поведения с указанными моделями маскулинности. В процессе данного анализа акцент был сделан прежде всего на таких характеристиках поведения, как доминантность либо отсутствие доминирования в отношениях с детьми, эмоциональная сдержанность и холодность либо открытость и теплота в межличностных контактах, сходство либо различие практик отцовского и материнского поведения. В результате гендерного анализа выделены основные модели ролевого поведения отцов.

К типам отцовского поведения в рамках традиционной модели маскулинности относятся «традиционный отец старых времен» (заботящийся о своей семье как руководитель) и «отсутствующий отец» (может присутствовать физически, но почти не связан с отцовством и поэтому «отсутствует» прежде всего в психологическом плане).

Традиционные модели отцовства сохраняются в нашем обществе, более того, они активно поддерживаются и насаждаются [9, с. 3]. «Традиционный» отец заботится о своей семье как руководитель, наставник, персонификатор власти, но при этом ни при каких условиях в своих занятиях или карьерных планах не идет на жертвы ради семьи. Он всегда эмоционально сдержан, часто суров и строг. Такая модель отцовства соответствует традиционной (гегемонной) модели маскулинности.

Современным отцам сложно соответствовать данному образу, так как в большинстве семей мужчины уже не являются единственными кормильцами. К тому же защита детей от угроз современной цивилизации является задачей, значительно превышающей возможности отдельного человека (в нашем случае – «традиционного отца»). Дистанцированный стиль взаимодействия с ребенком, свойственный «традиционному отцовству», не принимается детьми и приводит к отчуждению и конфликтам в семье. Как правило, логическим продолжением такой традиционной модели является «отсутствующий отец». В этом случае отцовство для мужчин означает лишь принадлежность к семье. «Отсутствующий отец» практически не включен в повседневную жизнь своего ребенка либо утратил психологический и физический контакт со своими детьми.

Таким образом, в современных условиях вариации традиционного отцовства приводят к кризису, хотя само понятие «кризис отцовства» весьма неоднозначно и его нельзя понимать в обычном смысле, применяемом к этому явлению. Скорее, «кризис отцовства» представляет собой сложный процесс переосмысления привычного гендерного порядка и устройства семейной жизни. Его надо изучать во всей его многогранности, что требует широкого междисциплинарного и макросоциального анализа [10, с. 3]. В одном случае – это аспект кризиса семьи, проявляющегося в таких тенденциях, как нестабильность брака, изменение критериев оценки его успешности, проблематичность распределения супружеских обязанностей в мире, где оба супруга работают, появление нетрадиционных форм семьи и брака. Во втором случае – это аспект кризиса маскулинности, выраженного через ослабление привычной мужской гегемонии и связанное с этим изменение традиционных представлений о мужественности. В третьем случае кризис отцовства – аспект кризиса родительской власти [1, с. 123].

Определение содержательного характера гендерного подхода для проведения методологического анализа социально-философской проблемы отцовства позволяет выявить основу гендерной идентичности – маскулинность, сущностной характеристикой которой является гендерная доминантность как составляющая мужской власти. Социально-философская специфика отцовства заключается, на наш взгляд, с одной стороны, в единстве феномена отцовства с феноменом маскулинности, с другой стороны – в их различии, нетождественности.

В контексте отцовства можно говорить о позитивной власти, представляющей собой власть порядка, дисциплины и ответственности. Именно через отцовство происходит расширение жизненного пространства от природно-родового до социального и духовного, осуществляется связь поколений через трансляцию социального знания в его событийном смысле – как социального события – как Отечества.

Библиографический список

1. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. М., 2009.
2. *Тартаковская И.Н.* Гендерная социология. М., 2005.
3. *Нечаева Н.А.* Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради. СПб., 1997. Вып. 1
4. *Борисенко Ю.В., Портнова А.Г.* Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. 2006. № 3.
5. *Гурко Т.А.* Брак и родительство в России. М., 2008.
6. *Чернова Ж.* Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2007.
7. *Берд Ш.* Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики / под ред. Ш. Берд, С. Жеребкина. СПб., 2008.
8. *Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / пер. с англ. М., 2005.
9. *Шведова Н.А.* Гендерное равенство и устойчивое развитие: новые тенденции // Российский научный журнал. 2006. № 4.
10. *Кон И.С.* Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. 2005. № 9.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

O.Yu. Abakumov,
S.M. Solomatina
To the 90th Anniversary
of the Institute:
Heds of Educational
Institutions for Party
and Managerial Staff Training
in Saratov

УДК 37.015(470.44)
ББК 74.03(235.54)

*О.Ю. Абакумов,
С.М. Соломатина*

**К 90-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА:
РУКОВОДИТЕЛИ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ
ПАРТИЙНЫХ
И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ
КАДРОВ В САРАТОВЕ**

14 декабря 1922 г. в Саратове в здании бывшей Второй женской гимназии на Царицынской улице (ныне ул. Первомайская, д. 75) начались занятия в Саратовском областном коммунистическом университете (Комвузе) . В задачи университета входила подготовка «коммунистически воспитанных и серьезно образованных марксистов-коммунистов, а также партийных и советских работников, работников профдвижения, кооперативов, советских юристов, банковых деятелей, газетчиков, работников пропаганды и агитации». Впоследствии учебное заведение неоднократно реорганизовывалось, сохраняя главное – участие в подготовке управленческих кадров для партийного и государственного аппарата. Руководителями Комвуза, Высшей коммунистической сельскохозяйственной

школы, Партийных курсов, Высшей партийной школы были люди с непростыми судьбами, в которых отразилась советская эпоха с ее энтузиазмом, подвижничеством, бюрократизмом и репрессиями.

**Саратовский областной (Нижне-Волжский)
коммунистический университет имени В.И. Ленина (Комвуз)
(1922– 1932)**

Малецкий Ромуальд Иосифович (1877– 1942) . Родился в Восточной Сибири в семье мелкопоместных дворян, сосланных за участие в Польском восстании 1863 г. Окончил гимназию в г. Вильно, затем учился в Московском и Санкт-Петербургском университетах. Юрист. С 1896 г. состоял в Литовской социал-демократической рабочей партии. Вел подпольную партийную работу в Литве и Санкт-Петербурге. 1903– 1911 гг. – на каторге в Горном Зерентуе. 1911– 1917 гг. – в сибирской ссылке. Весной 1917 г. прибыл в Петроград. Входил в группу «межрайонцев». В РСДРП(б) вступил в мае 1917 г. В начале 1918 г. – член Забайкальского ревкома в Чите. С осени 1918 г. – преподаватель в школе с. Золотое Камышинского уезда. В 1919– 1920 гг. возглавлял уездный комитет РКП(б) и уездный исполком в г. Камышине. С начала 1920-х годов в президиумах Саратовского губкома РКП(б) и губисполкома. Одновременно заведовал агитационно-пропагандистским отделом губкома и был заместителем ответственного секретаря губкома РКП(б) . С ноября 1920 г. по март 1921 г. исполнял обязанности ответственного секретаря Саратовского губкома РКП(б) . С апреля 1921 г. – заведовал агитационным отделом губкома. С июня 1922 г. – ректор Саратовского коммунистического университета. Июнь 1924 г. – проректор Коммунистического университета трудящихся Востока им. И.В. Сталина (Москва) . В 1925 г. назначен ученым секретарем Коммунистической академии. 1926 г. – заместитель ректора, проректор по учебной части Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Мархлевского. С 1935 г. на пенсии. Умер в Москве [1; 2; 3, с. 244-245].

Морозов Фома Михайлович (1884 – неизв.) . Родился в 1885 г. в с. Гостинки Мстиславского уезда Могилевской губернии в крестьянской семье. Окончил шестиклассное городское училище в Екатеринодаре, работал учителем. Вступил в РСДРП(б) в 1904 г. Активный участник революционного движения в Екатеринодаре, Киеве. Неоднократно подвергался арестам и заключению в крепости. Ректор Саратовского областного коммунистического университета в 1924– 1926 гг. [4; 5].

Амирагов Леван Сулханович (1887– 1942(?)) . Родился в г. Гори в семье служащих. Окончил гимназию. В 1908 г. поступил в Московский университет; исключен за революционную деятельность в 1911 г. В 1912 г. окончил университет экстерном. Юрист. В революционном движении с 1903 г. В 1903– 1914 гг. – член Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) . В 1914– 1917 гг. – меньшевик-интернационалист. Член Российской коммунистической партии (большевиков) с марта 1918 г. Участвовал в революционном движении на Кавказе. С 1921 г. член президиума Тифлиско-

го уездного комитета партии, затем заведующий агитационно-пропагандистским отделом ЦК КП(б) Грузии, заместитель председателя Верховного трибунала Грузии, в Москве – юрисконсульт наркомата Рабоче-крестьянской инспекции. В 1922– 1925 гг. слушатель философского отделения Института красной профессуры. Одновременно преподавал исторический материализм в Коммунистическом университете трудящихся Востока, институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. В 1926– 1927 гг. – заведующий кафедрой исторического материализма, проректор, а затем ректор Саратовского областного коммунистического университета (СОКУ) . С 1929 г. на преподавательской работе в Москве, заведует философскими кафедрами в ряде вузов. Автор учебника по диалектическому материализму (1930) . В 1941 г. призван в РККА, военюрист третьего ранга. Служил военным следователем дивизионной прокуратуры. Пропал без вести в 1942 г. [5, л. 7; 6, л. 1].

Бройдо Григорий Исакович (1885– 1956) . В 1909 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1909– 1916 гг. – адвокат (Пишпек, Ташкент) . С 1901 г. – член «Бунда», с 1903 г. – член РСДРП. В 1916– 1917 гг. служил в запасном полку (Ташкент) . В 1917 г. – председатель Ташкентского Совета, товарищ председателя, председатель Туркестанского крайсовета, председатель Сырдарьинского облсовета, начальник и командующий вооруженными силами Ташкента. Главный редактор «Нашей газеты». С сентября 1917 г. – в Петроградском Совете. Член РКП(б) с 1918 г. В 1918– 1919 гг. служил в ВСНХ РСФСР, в Управлении ирригационными работами Туркестанской ССР. В 1919 г. – заведующий Самарской губернской партшколой, уполномоченный РВС Южной группы войск Восточного фронта, член РВС 1-й армии Восточного фронта, заведующий партийным отделом Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В 1919– 1920 гг. – заведующий отделом внешних сношений Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В 1920 г. – руководитель чрезвычайной экспедиции в Хиву, чрезвычайный уполномоченный РСФСР в Хиве и Амударьинском отделе, преподаватель Коммунистического университета трудящихся Востока. В 1921– 1923 гг. – заместитель наркома по делам национальностей РСФСР. В 1922– 1925 гг. – ректор Коммунистического университета трудящихся Востока им. И.В. Сталина. В 1925– 1926 гг. – заместитель заведующего отделом печати ЦК РКП(б) – ВКП(б) . В 1925– 1927 гг. – заведующий Госиздатом. В 1927– 1930 гг. – ректор Саратовского (Нижне-Волжского) коммунистического университета, организатор и активный участник движения по борьбе с неграмотностью. В 1931– 1933 гг. – заведующий агитационно-пропагандистским отделом Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) , секретарь Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) . В 1933– 1934 гг. – 1-й секретарь ЦК КП(б) Таджикистана. В 1934– 1939 гг. – кандидат в члены ЦК ВКП(б) . В 1934– 1936 гг. – заместитель наркома просвещения РСФСР. В 1936– 1938 гг. – директор Издательства ЦК ВКП(б) . В 1938– 1941 гг. – заведующий Медицинским издательством. Арестован в августе 1941 г. В апреле 1945 г. осужден к десяти годам лишения свободы. В 1951– 1953 гг. находился на поселении в Казахской ССР. В апреле 1953 г. амнистирован. В 1955 г. реабилитирован и восстановлен в партии. Умер в Москве [7; 8; 9, л. 1– 1 об.].

Салат Ярослав Иосифович (1889 – неизв.) . Окончил ремесленное учили-

ще, затем политехнический институт. Член Чехословацкой социал-демократической партии с 1917 г., член РКП(б) с 1918 г. В 1917– 1918 гг. – политрук Красной армии. В 1918– 1919 гг. – редактор «Советской газеты» Задонского уезда (г. Задонск) Воронежской губернии. В 1919– 1920 гг. – на руководящей работе в ЦК Чехословацкой коммунистической партии; в 1920– 1921 гг. – сотрудник Исполнительного комитета Коммунистического интернационала. В 1922– 1923 гг. – заведующий совпартшколой, проректор, ректор Северо-Кавказского комвуза. В 1923– 1926 гг. – заведующий окружным отделом народного образования Терской области. В 1927– 1928 гг. – на партийной работе в Ростовской области. С 1929 г. – заведующий кафедрой диалектического материализма и ленинизма, проректор, с 1930 г. – ректор Нижне-Волжского (Саратовского) коммунистического университета им. В.И. Ленина. После реорганизации в 1932– 1933 гг. – ректор Нижне-Волжской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы им. В.И. Ленина (ВКСХШ) . С 1933 г. – ректор Среднеазиатской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы (Ташкент) , затем ректор Таджикской ВКСХШ. 10 августа 1936 г. Бюро ЦК КП Таджикистана приняло решение «снять с должности и вывести из ЦК КП Таджикистана за ряд антипартийных выступлений». Дальнейшая судьба не известна [10; 11, л. 1– 1 об.; 12, л. 11].

**Нижне-Волжская высшая коммунистическая
сельскохозяйственная школа им. В.И. Ленина (ВКСХШ)
(1932– 1939)**

Толкунов Валериан Васильевич (1899– 1938) . Родился в г. Иванове. Трудовую деятельность начал рабочим на фабрике. С февраля 1917 г. – член РСДРП(б) . После революции работал в партийных и советских органах. Окончил Саратовский сельскохозяйственный институт с присвоением квалификации «агроном-аграрник». В 1933– 1937 гг. – ректор Нижне-Волжской коммунистической сельскохозяйственной школы, заведующий кафедрой организации сельскохозяйственного производства и социалистической реконструкции сельского хозяйства, доцент. 1 сентября 1937 г. арестован Управлением НКВД СССР по Саратовской области по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. 23 января 1938 г. решением Военной коллегии Верховного суда СССР осужден по ст. 58 п. 8, 58 п. 11 УК РСФСР к высшей мере наказания (расстрелу) как активный участник антисоветской диверсионно-террористической организации правых, действовавшей в Саратове. Расстрелян 23 января 1938 г. в Саратове. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 июля 1957 г. приговор от 23 января 1938 г. отменен в связи с отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления. В.В. Толкунов полностью реабилитирован [13, л. 39– 48; 14, л. 6– 6 об., 96, 153– 153 об.].

Пономарев Иван Яковлевич (1904 – неизв.) . Родился на хуторе Суханов Калачевского района Сталинградской области. В 1919– 1926 гг. – секретарь сельсовета. В 1927– 1929 гг. – счетовод-кассир Всесоюзного объединения «Союззаготшерсть» в Сталинграде, затем на различных должностях в этом объединении в Аткарске, Элисте. Член ВКП(б) с 1929 г. В 1934– 1935 гг. – председатель правления Транспортной промысловой артели Сталинградской базы «Транс-

портсоюза». С января 1937 г. по декабрь 1938 г. обучался в НВКСХШ. В 1937–1938 гг. – ректор Нижне-Волжской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы им. В.И. Ленина. С 1939 по 1940 г. – директор курсов советского строительства при областном Совете депутатов трудящихся. С 1941 г. работал начальником управления издательств и полиграфии Саратовского облисполкома [15, л. 1– 2 об.; 16, л. 2, 4– 5 об.].

Егоршин Антон Петрович (1900 – неизв.) . Родился в бедной крестьянской семье. В 1920– 1924 гг. – красноармеец, участвовал в боевых действиях периода Гражданской войны в Киевской области и Фергане. В 1924– 1927 гг. – курсант совпартшколы второй ступени в г. Куйбышеве. В 1927– 1928 гг. – пропагандист Пугачевского уездного комитета ВКП(б) , затем заведующий отделом агитации и пропаганды УК ВКП(б) . В 1928– 1931 гг. обучался в Саратовском сельскохозяйственном институте, квалификация «агроном-организатор». 1931 г. – агроном крайколхозсоюза. С 1931 по 1932 г. – председатель райколхозсоюза Романовского района Саратовской области, в 1932– 1938 гг. – директор Романовской машинно-тракторной станции. В 1938 г. – ректор Нижне-Волжской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы им. В.И. Ленина. С марта 1939 г. после ее реорганизации в колхозный сельхозтехникум – директор техникума. В 1944– 1947 гг. – инструктор совхозного отдела обкома ВКП(б) . С 1947 г. – контролер при представительстве по делам колхозов при Правительстве СССР по Саратовской области [17, л. 2– 3 об.].

Партийные курсы при Саратовском обкоме ВКП(б)
(1937– 1946)

Морген Михаил Савельевич (1902 – неизв.) . Родился в г. Иркутске. С 1913 г. работал конюхом в золотопромышленном товариществе «Фризер» (г. Иркутск) . В 1917– 1918 гг. – коногон на каменноугольных коях Черемхово Иркутской губернии. В 1920– 1921 гг. – боец ЧОН. В 1922– 1925 гг. учился в Томском технологическом институте. В 1925 г. вступил в ВКП(б) . В 1927– 1930 гг. работал заместителем заведующего парткабинетом Иркутского окружкома ВКП(б) . В 1927– 1930 гг. – преподаватель истории партии и заведующий краевой совпартшколой 2-й ступени в Иркутске. В 1930– 1931 гг. – заведующий краевой школой 2-й ступени в Красноярске и заведующий отделом пропаганды горкома ВКП(б) . В 1931– 1933 гг. – слушатель Института красной профессуры в Москве. В 1933– 1935 гг. – начальник подотдела машинно-тракторной станции в Аткарском, затем в Балтайском районе Саратовской области. В 1935– 1936 гг. – второй секретарь Аткарского райкома ВКП(б) , в 1936– 1937 гг. – первый секретарь Лысогорского райкома ВКП(б) . В 1937 г. (март – июнь) – директор Саратовского отделения Института массового заочного обучения (ИМЗО) при ЦК ВКП(б) . С апреля 1937 г. по 3 августа 1937 г. – директор партийных курсов при Саратовском обкоме ВКП(б) . Обвинен в связи с троцкистами, исключен из партии и уволен с должности [18, л. 7– 8 об., 20].

Подсумков Василий Вакулович (1897– 1943) . Родился в с. Сулак Тамбовской области. В 1915– 1916 гг. работал в сельском хозяйстве по найму. В 1916–

1918 гг. служил в лейб-гвардии Кексгольмском полку (Петроград и Петроградский фронт) . В 1918– 1919 гг. – военком в волостном исполнительном комитете родного села. С июня по декабрь 1919 г. участвовал в боях против Колчака. В 1920– 1922 гг. – секретарь уездного исполнительного комитета г. Чембар Тамбовской области. В 1922– 1924 гг. – заведующий уездным отделом управления (г. Наровчат Пензенской области) . В 1924– 1928 гг. – студент педагогического факультета Саратовского госуниверситета. В 1928– 1932 гг. – директор Саратовского стройтехникума. С июля 1932 г. по январь 1934 г. – заведующий сектором подготовки кадров Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) (Сталинград) . В январе – марте 1934 г. – преподаватель истории ВКП(б) и ленинизма Института совправа (Саратов) . В марте – сентябре 1934 г. – инструктор Саратовского крайкома ВКП(б) . В 1934– 1938 гг. – слушатель Института красной профессуры (Москва) . В январе – марте 1938 г. – и.о. заведующего отделом пропаганды и агитации Саратовского обкома ВКП(б) . С марта 1938 г. по август 1941 г. – директор партийных курсов при Саратовском обкоме ВКП(б) . С 1941 г. по май 1943 г. – директор Саратовского областного партийного архива [19, л. 1, 3, 3 об., 6, 8, 11].

**Саратовская областная партийная школа
при Саратовском обкоме ВКП(б)
(1946– 1962)**

Князева Татьяна Андреевна (1902 – неизв.) . Родилась в с. Успенское Нижегородской губернии в бедной крестьянской семье. В 1920– 1922 гг. – учительница начальной школы г. Чарджоу Туркменской ССР. В 1923– 1930 гг. руководила начальными школами в селах Горьковской области. С 1927 г. – член ВКП(б) . В 1930– 1934 гг. – заведующий отделом народного образования г. Арзамаса Горьковской области. В 1934– 1936 гг. – студентка Академии коммунистического воспитания (Ленинград) . С 1936 по 1939 г. – директор и преподаватель педагогического техникума в г. Луга Ленинградской области. С июня 1939 г. по 1941 г. – директор и преподаватель пединститута в г. Энгельсе АССР Немцев Поволжья. С декабря 1941 г. по 1944 г. – старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Саратовского пединститута. С ноября 1942 г. по август 1945 г. – директор и преподаватель истории ВКП(б) парткурсов при Саратовском обкоме ВКП(б) . С августа 1945 г. по 1950 г. – директор и преподаватель истории ВКП(б) в Саратовской областной партийной школе при Саратовском обкоме ВКП(б) , затем преподаватель основ марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского [20, л. 2, 3– 4 об.].

Окулов Иван Васильевич (1907 – неизв.) . Родился в д. Блохичи Вятской губернии. С 1925 по 1929 г. работал учителем, затем заведовал начальными школами в селах Кировской области. В 1929– 1930 гг. – старший учитель 8-го Кавказского стрелкового полка (г. Лениакан Армянской ССР) . С 1930 по 1938 г. работал в г. Котельнич Кировской области в должностях заведующего школой колхозной молодежи, директора начальной школы и средней школы, заведующего отделом пропаганды и теоретической учебы РК ВЛКСМ, начальни-

ка школы фабрично-заводского ученичества электросвязи и других. В 1939–1941 гг. – заведующий кафедрой всеобщей истории Котельнического учительского института. В 1941– 1942 гг. – заведующий сектором пропаганды и агитации РК ВКП(б) г. Яранска Кировской области. В 1942– 1944 гг. – слушатель Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) . В 1944– 1948 гг. работал в г. Геленджик Краснодарского края в должностях директора годичной партшколы, директора межобластной школы пропагандистов, заведующего кафедрой истории ВКП(б) двухгодичной партшколы. С января 1949 г. – заведующий кафедрой истории ВКП(б) двухгодичной партшколы г. Саратова. В 1950– 1953 гг. – директор Саратовской областной партийной школы. В 1949– 1956 гг. – руководитель кафедры основ марксизма-ленинизма Саратовской областной партшколы. С 1956 по 1962 г. – заведующий кафедрой истории КПСС Саратовской высшей партийной школы [21, л. 1– 3 об.].

Ломакин Николай Андреевич (1913– 1975) . Родился в с. Павло-Антоновка Оренбургской губернии в семье крестьян-бедняков. Окончил начальную школу в своем селе. В 1923 г. – батрак в кулацком хозяйстве. В 1928–1929 гг. – помощник секретаря Павло-Антоновского сельсовета. В 1929–1930 гг. – председатель кустового рабочкома профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих. В 1931 г. вступил в члены ВКП(б) . В 1931– 1932 гг. – секретарь комитета ВЛКСМ, заведующий культпропотделом парткома, председатель рабочкома совхоза им. Я. Свердлова Тоцкого района Чкаловской области. В 1932– 1933 гг. – секретарь Андреевского РК ВЛКСМ. В 1933– 1935 гг. – редактор районной газеты «За индустриализацию». В 1935– 1937 гг. – заместитель секретаря Краснопартизанского РК ВКП(б) Чкаловской области. В 1937– 1939 гг. – инструктор, затем заведующий отделом печати и издательств Чкаловского обкома ВКП(б) . В 1939– 1941 гг. – заместитель, полномоченный комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Узбекской, затем Казахской ССР. В 1941– 1949 гг. – второй секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекистана. В 1946– 1950 гг. – депутат Верховного Совета СССР. С 1949 по 1952 г. направляется на учебу в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) (Москва) . С 1952 г. – старший преподаватель, с октября 1953 г. – директор Саратовской областной партийной школы, с октября 1956 г. по февраль 1957 г. – директор Саратовской межобластной четырехгодичной партийной школы. В 1957– 1958 гг. – редактор отдела, в 1958–1964 гг. – ответственный секретарь редакции, член редколлегии, в 1964–1967 гг. – заместитель главного редактора журнала «Партийная жизнь». В 1967– 1975 гг. – инспектор ЦК КПСС. Награжден орденом Ленина, орденом Октябрьской революции, орденом Отечественной войны I степени, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» [22, л. 1– 3 об.; 23].

Зелепукин Петр Александрович (1903– 2008) . Родился в Пригородной слободе Аткарского уезда Саратовской губернии в семье крестьян-бедняков. В 1923– 1929 гг. обучался на экономическом факультете Саратовского государственного университета. В 1924– 1925 гг. – заведующий избой-читальней в родном селе. В 1928 г. принят в ВКП(б) . С 1929 по 1933 г. – ассистент

кафедры политэкономики в ряде саратовских вузов. В 1933– 1941 гг. – сотрудник политотдела Рязано-Уральской железной дороги. С сентября 1941 г. по январь 1942 г. служил в политотделе 336-й стрелковой дивизии 5-й армии Западного фронта, участвовал в боях под Москвой, был ранен. В 1942 г. – слушатель высших курсов усовершенствования политсостава РККА, затем направлен в резерв Главного политического управления РККА, с октября 1942 г. по март 1945 г. – старший инструктор управления. В том же году назначен заместителем начальника политотдела 12-го корпуса ПВО Юго-Западного фронта, затем 7-го корпуса Юго-Западного округа. Подполковник. С июля 1946 г. – на партийной работе в Саратове: заместитель заведующего оргинструкторским отделом (до 1948) , в 1949 г. – отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов, 1949– 1950 гг. – заведующий административным отделом, 1950– 1952 гг. – заведующий отделом пропаганды и агитации обкома КПСС. В 1952– 1954 гг. – заведующий отделом пропаганды и агитации Саратовского горкома КПСС. В 1954– 1957 гг. – заведующий отделом науки и культуры (с 1956 – отдел науки и школ) Саратовского обкома КПСС. В 1957– 1962 гг. – директор Саратовской высшей партийной школы. В 1962– 1968 гг. – заведующий Саратовским учебно-консультационным пунктом заочной Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Награжден медалью «За боевые заслуги», орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Москвы» и другими [24, л. 1– 4 об.].

**Саратовская межобластная высшая партийная школа (ВПШ)
(1973– 1991)**

Демидов Иван Павлович (1913– 1997) . Родился в Мариуполе в крестьянской семье. В 1925 г. – наемный рабочий в сельском хозяйстве (д. Скляево Березовского р-на Воронежской обл.) . В 1929– 1930 гг. – ликвидатор неграмотности и председатель сельсовета в указанной деревне. С декабря 1930 г. по февраль 1931 г. – секретарь ячейки ВЛКСМ деревообделочного комбината пос. Бор Воронежской области. С марта 1931 г. по 1935 г. – заведующий отделом РК ВЛКСМ, затем пропагандист РК ВКП(б) в с. Березово Воронежской области. В 1931– 1933 гг. учился в Воронежском комвузе. Член ВКП(б) с 1932 г. В 1935– 1936 гг. служил в РККА. С 1936 по 1939 г. – секретарь комитета ВЛКСМ Воронежского педагогического училища, затем инструктор обкома ВЛКСМ в Воронеже. В 1939 г. – слушатель Высшей школы партийных организаторов при ЦК ВКП(б) . С апрель 1939 г. по 1945 г. – инструктор, заведующий сектором отдела пропаганды и агитации, затем заместитель заведующего отделом ЦК Компартии Туркменистана (Ашхабад) . В 1945– 1948 гг. – слушатель Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) . В 1948– 1952 гг. – секретарь Брянского обкома КПСС. В 1952– 1955 гг. – аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1955 г. по декабрь 1957 г. – секретарь Балашовского обкома КПСС. С декабря 1957 г. по 1964 г. – секретарь Саратовского обкома КПСС, затем заведующий идеологическим отделом Саратовского промышленного обкома КПСС. В 1964– 1972 гг. – ректор Саратовского юридического института. С 1972 по 1980 г. – директор, затем ректор Саратовской межобластной высшей партийной шко-

лы. Кандидат исторических наук, профессор. Награжден орденом «Знак Почета» [25, л. 1– 6 об.].

Родионов Владимир Алексеевич (1929– 2008) . Родился в с. Ивановка Гавриловского района Тамбовской области. С 1943 по 1947 г. учился в Гавриловской средней школе. В 1947– 1951 гг. – студент Саратовского государственного юридического института имени Д.И. Курского. Член КПСС с 1950 г. С 1951 г. по январь 1954 г. – народный следователь прокуратуры Петровского района Саратовской области, затем первый секретарь Петровского райкома ВЛКСМ. В 1954– 1957 гг. – секретарь по пропаганде и агитации, затем второй секретарь Балашовского обкома ВЛКСМ. В январе – феврале 1958 г. заведовал отделом пропаганды и агитации Аркадакского райкома КПСС. В 1958– 1962 гг. – инструктор, затем заведующий отделом пропаганды и агитации, секретарь Балашовского горкома КПСС. С 1962 по 1965 г. – аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1965– 1970 гг. работал в Саратовском обкоме КПСС на должностях лектора, заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации, заведующего отделом науки и учебных заведений. В 1970– 1974 гг. – инструктор отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС (Москва) . С 1974 по 1980 г. – секретарь Саратовского обкома КПСС. С 1980 г. – ректор Саратовской высшей партийной школы. Кандидат исторических наук, профессор. Награжден орденами «Знак Почета» (1973) , Трудового Красного Знамени (1976) [26, л. 1– 2 об., 4– 5 об.].

Библиографический список

1. Клячко А. Слово о Р.И. Малецком (к 100-летию со дня рождения) [Машинопись]. 1977 // СОМК. Нвсп 26082.
2. Автобиография Р.И. Малецкого. [Копия]. 1935 // СОМК. Нвсп 26080.
3. Наумов С.Ю., Саранцев Н.В. Элитные кадры большевиков Саратовского региона (1917– 1933 гг.): ист.-социол. аспекты. Саратов, 2011.
4. Фома Михайлович Морозов // Взгляд в историю. URL: <http://kuban.retroportal.ru/morozov.shtml>
5. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1248.
6. Корсаков С.Н. Институт философии в годы Великой Отечественной войны // Философский журнал. 2011. № 1 (6).
7. Бройдо Григорий Исаакович // ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/person2.php?&st=1190013537>
8. Бройдо (Бройде) Григорий Исаакович (Герш Ицкович) // Архив Александра Н. Яковлева. Биографический словарь. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/almanah-dict-bio/1012223/1>
9. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 5. Д. 43, 47.
10. Салат (Салат-Перлик) Ярослав Иосифович // ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/person2.php?&st=1321353975>
11. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 5. Д. 233, 156.
12. ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 157.
13. ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 187.
14. Архив управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д. ОФ-12289.
15. ГАНИСО. Ф. 594. 1 ск. Д. 6990.
16. ГАНИСО. Д. 4958.

17. ГАНИСО. Ф. 594. 7 ск. Д. 116.
18. ГАНИСО. Ф. 594. 1 ск. Д. 6056.
19. ГАНИСО. Ф. 594. 2 ск. Д. 4901.
20. ГАНИСО. Ф. 594. 10 ск. Д. 142.
21. ГАНИСО. Ф. 594. 14 ск. Д. 651.
22. ГАНИСО. Ф. 594. 13а ск. Д. 810.
23. Ломакин Николай Андреевич // ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/person2.php?&st=1093975209>
24. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 8. Д. 274.
25. ГАНИСО. Ф. 594. 26 ск. Д. 55.
26. ГАНИСО. Ф. 594. 45 ск. Д. 1790.

O.I. Tsybulevskaya
Interuniversity "Round Table"
"Public Authorities: Issues
of Liability and Limitations"
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration,
April 18, 2012)

УДК 340.1
ББК 67.0

О.И. Цыбулевская

**МЕЖВУЗОВСКИЙ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
«ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ:
ПРОБЛЕМЫ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
И ОГРАНИЧЕНИЙ»
(г. Саратов, Поволжский
институт управления
имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации,
18 апреля 2012 г.)**

Для Поволжского института управле-
ния имени П.А. Столыпина тема функцио-
нирования публичной власти в условиях
российских преобразований – одна из при-
оритетных. Более десяти лет данная про-
блема обстоятельно исследуется силами кол-
лектива кафедры теории права. Это позво-

лило кафедре выступить организатором тематического межвузовского «круглого стола», участникам которого было предложено подискутировать о проблемах ответственности и ограничений власти в современной России.

В своем вступительном слове заведующий кафедрой теории права доктор юридических наук, профессор **О.И. Цыбулевская** отметила, что проблема ответственности власти постоянно находится в центре внимания юридической науки. Значимость данной темы обусловлена потребностями как теории, так и практики. Концептуальные идеи, сформулированные в процессе научного анализа феномена публичной власти, отражены в трудах многих отечественных ученых-правоведов. Однако ввиду динамичности проводимых в Российской Федерации преобразований требуется постоянное обоснованное научное переосмысление как новых сторон и проявлений публичной власти, так и уже данных ей оценок.

Заведующий кафедрой гражданского права и процесса кандидат юридических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, доцент **Т.В. Милушева** обратила внимание ученых на противоречивость природы власти и проблему ее ограничений.

Модели и средства ограничения государственной власти, разработанные правовой наукой, разнообразны: самоограничение, взаимограничение властей, ограничение власти со стороны гражданского общества, ограничение власти правами человека, правовое ограничение государственной власти, дифференцирующееся, в свою очередь, в зависимости от типа правопонимания.

Границы власти формируются в результате ее устойчивого, длительного взаимодействия с факторами естественной и социальной среды. Последние двояко влияют на установление пределов государственной власти: рамки свободных действий государства определяются существованием экономической, культурной, нравственной, религиозной и иных сфер жизнедеятельности общества, но в то же время под воздействием этих сфер власть корректирует свою деятельность, ориентируя ее на реально сложившиеся общественные связи.

Правовые пределы обладают особыми свойствами, обусловленными спецификой самого права, в котором находят свое опосредованное выражение множество других социальных регуляторов. Организуясь в единый правовой механизм, они осуществляют целенаправленное правовое регулирование властеотношений, цель которого заключается в том, чтобы максимально сориентировать субъектов власти на выполнение государственно-служебных дел, а также предотвратить возможные злоупотребления с их стороны.

Особая роль в механизме правового ограничения государственной власти отводится юридической ответственности. По мнению Т.В. Милушевой, именно позитивный аспект юридической ответственности в публичной (властной) сфере является исходным и системообразующим в целостном явлении ответственности. Проблема пределов государственной власти раскрывается также через призму соотношения частных и публичных интересов, которые могут находиться как в гармонии, так и противоречить друг другу. Зачастую детонатором конфликта интересов выступает сама власть. Государственная власть нередко

считает, что она находится вне права и в этом ее сила. Однако именно распространение силы права на саму власть делает ее наиболее эффективной. Лишь в условиях ограничения государство осознается не только как сугубо политико-правовое образование, но и в качестве ценностно-смысловой системы, способной обеспечить гармоничное сочетание интересов личности, общества и самого государства.

Дискуссию об ограничении публичной власти продолжила доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **Ю.А. Подгорная**, акцентирующая внимание в своем выступлении на связи феноменов «правовое ограничение власти» и «законность».

Классическое определение законности, которого придерживается большинство ученых, в полной мере соответствует представлениям об ограничении государственной власти. Но юридическая практика свидетельствует о том, что довольно часто формально-юридический режим строгого соблюдения правовых норм приходит в противоречие с общественным мнением, идеалами свободы, демократии, нравственности и справедливости, и тогда неизбежно встает вопрос о легитимности самой законности. Он связан с пониманием сущности права и решается в соответствии с концептуальным видением пределов требований, устанавливаемых государственной властью в форме юридических предписаний. С изложенными соображениями коррелирует дискуссионная проблема правозаконности.

Законность и ограничение власти – разнопорядковые категории. Законность охватывает все виды юридической деятельности, законосообразное поведение всех субъектов права. Ограничение государственной власти затрагивает организацию и функционирование лишь публичной сферы. Законность, с одной стороны, ограничивает государственную власть, устанавливая с помощью юридических норм пределы ее действий (негативный аспект законности), а с другой – с помощью юридических норм организует механизм государства (позитивный аспект законности). В ходе практической деятельности публичной власти возникает необходимость юридического закрепления и реализации ограничений властных субъектов в отношении самих себя (в частности, норм об обязанностях, юридической ответственности), а это во многом зависит от уровня правосознания власти.

Тему ограничения власти продолжил развивать кандидат юридических наук, доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **В.Е. Халиуллин**, который обратил внимание на неоднозначную оценку российской демократии на Западе. Политическая элита в России убеждает, что демократия в стране – существующая реальность, и Запад просто не может смириться с сильной Россией. В то же время политические деятели европейских государств и США обвиняют нашу страну в отступлении от идеалов демократии и возврате к авторитаризму и даже тоталитаризму. Следует понимать, в том, что демократия, понимаемая как власть народа, в Российском государстве иная, нежели чем на Западе. Как показали последние политические события, демократия изменяется и зачастую отклоняется от классического образца. Народ начинает искать свою собственную «демократию» путем антигосударственных выступлений.

Таким образом, приходит к выводу В.Е. Халиулин, нельзя однозначно оценивать демократию как исключительно положительное явление. В современном мире она начинает перерождаться, приобретать новые свойства, что является следствием развития информационного общества, в котором главным оружием на пути к власти становится информация (даже последствия сражений на полях битв менее значительны, чем результаты медийных баталий) . Появляются новые разновидности и новые трактовки демократии. Лишенная четких контуров современная российская политическая реальность, отсутствие единых подходов к демократии ведут к недопониманию в обществе и его расколу.

Кандидат юридических наук, старший преподаватель Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **П.А. Зеленский** одной из причин накопившихся проблем в современной России назвал неразвитость ограничительных механизмов власти.

Соглашаясь передать некоторые управленческие функции частным субъектам, государство не умаляет публичную значимость этих функций, а обязывает негосударственного субъекта действовать в целях реализации публичных интересов. При этом устранение ряда традиционных средств непосредственного административного надзора (например, лицензирование) должно сопровождаться введением косвенного административного надзора, в ходе которого государство проверяет саморегулируемую организацию, следящую за своими членами. Если обнаруживаются правонарушения в деятельности последних, то организация, не обладая властными полномочиями по устранению последствий, обязывается сообщить информацию в компетентный государственный орган. Представляется необходимым более четко определить формы и методы административного надзора за деятельностью саморегулируемых организаций.

Передача функций публичной власти саморегулируемым организациям имеет как достоинства, так и недостатки. С одной стороны, будучи неотъемлемым институтом гражданского общества, саморегулирование позволяет концентрировать инициативу и полномочия по регулированию и контролю определенной сферы общественных отношений в руках профессионалов. С другой стороны, полная передача надзора непубличным субъектам рискованна – государство в этом случае может потерять контроль над жизненно важными сферами. Очевидно, что саморегулирование следует оценивать с разных сторон, причем частное начало в нем не должно оттеснять публичное. Законодательное регулирование данных отношений необходимо развивать с учетом потребностей и интересов различных субъектов – как государства, так и бизнеса, профессиональных сообществ, а также потребителей тех или иных услуг.

Преподаватель Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **Д.Ф. Милушев** обратил внимание участников дискуссии на проблему ограничения права на свободу экономической деятельности.

В силу своей естественно-правовой природы основные экономические права не могут произвольно ограничиваться государством. Конституционный Суд РФ определил ряд критериев, которым должны отвечать возможные правовые ограничения прав субъектов. Из его решений следует, что ограничение является

соразмерным (а значит справедливым) ,если: а) федеральный закон не посягает на основное содержание права (свободы) , не искажает его сути; б) ограничение не приводит к утрате реального содержания права или свободы; в) ограничение не парализует реализацию права (свободы) ; г) ограничение вызвано исключительно необходимостью защиты социальных ценностей, перечисленных в ч. 3 ст. 5 Конституции РФ, и иными средствами защитить указанные ценности невозможно; д) ограничения не создают необоснованных препятствий для реализации права; е) устанавливая ограничения, государство использует не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционными целями меры; ж) реализация права и его ограничение не ставятся в зависимость от решения правоприменителя, допуская тем самым произвол органов власти и должностных лиц; з) обеспечена судебная защита от произвольного ограничения. Правовые позиции Конституционного Суда России, сформированные при разрешении конкретных дел, затрагивающих проблемы ограничения прав и свобод человека и гражданина, безусловно способствуют утверждению в российском обществе справедливости, свободы, а также выявляют направления совершенствования российского законодательства в целом и в экономической сфере в частности.

Кандидат юридических наук, доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **Н.К. Краснослободцева** в своем выступлении органично связала философские аспекты взаимодействия власти и свободы.

Свобода понимается как беспрепятственная самореализация, спонтанное проявление собственной природы человека. Но потребность в свободе одновременно выступает исходной базой власти. Понятие власти и свободы в предельно широком, абсолютном смысле сливаются, обозначая полное господство человека над условиями его существования. В действительности же в конкретный пространственно-временной отрезок как власть, так и свобода дискретны, относительны и ограничены, прежде всего друг другом.

Выступление кандидата юридических наук, доцента юридического факультета Саратовского государственного университета **З.С. Байниязовой** было посвящено проблеме гармонизации интересов личности, общества и государства. По ее мнению, вопрос о приоритете одного из множества видов интересов не должен сегодня стоять на повестке дня. В качестве важного средства осуществления конституционного принципа высшей ценности человека, его прав и свобод следует рассматривать баланс интересов.

Положение, закрепленное в ст. 2 Конституции РФ, вовсе не исключает необходимости согласования интересов всех субъектов. Закрепленное в ст. 7 Конституции РФ положение о социальном государстве также предполагает сбалансированность интересов личности, общества и государства, формирование оптимальных условий для реализации государством социальной деятельности. Государственные интересы рассматриваются в единстве с интересами личности и общества. Дальнейшее развитие Российского государства несовместимо с несбалансированностью интересов. Чтобы гармонизация личных, общественных и государственных интересов стала фактором устойчивого общегосударственного развития, необходимо согласованное взаимодей-

ствие права, законодательства, правовой системы, правовой политики, то есть всех основных правовых инструментов развития Российского государства. В оптимизации этого процесса должны быть задействованы все уровни публичной власти.

Продолжая тему гармонизации интересов, взаимной ответственности государства и личности, кандидат юридических наук, доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **М.Л. Воронкова** в своем выступлении затронула проблему взаимодействия государства и религиозных объединений в сфере благотворительности. В служении общественным интересам есть множество сфер, где взаимодействие государства и религиозных объединений может помочь нравственному оздоровлению общества, в частности сфера благотворительности. Для религиозных объединений, существующих в России столетиями, благотворительная деятельность является традиционной. До революции Русская Православная Церковь очень активно занималась благотворительностью, поскольку эта деятельность заложена в основу христианства.

В настоящее время благотворительная деятельность религиозных организаций возрождается. Действующее законодательство позволяет заниматься благотворительностью всем зарегистрированным конфессиям. Большинство традиционных религиозных объединений разработали основы социального служения. Так, Основы социальной концепции Русской Православной Церкви приняты 13–16 августа 2000 г. на Архиерейском Соборе в Москве. Разработаны и Основы социальной программы российских мусульман, Социальная позиция протестантских церквей России, Основы социальной концепции российского иудаизма. Государство должно способствовать инициативе религиозных объединений при создании учреждений социального обслуживания граждан (домов престарелых, домов помощи инвалидам, детских приютов, ночлежек, богаделен, в медицинском обслуживании) . Сегодня, например, в церковных сиротских учреждениях, по данным сайта Патриархия.ру, воспитываются около 3,5 тысячи детей, но их могло бы быть гораздо больше. Увеличить объем социальной реабилитации, по мнению председателя Синодального отдела, Церкви мешает государственная монополия на попечение о детях-сиротах. Ведь механизмы, способные решать проблемы нуждающихся и оказывать содействие религиозным объединениям в сфере благотворительной деятельности, существуют только на уровне государства.

Кандидат юридических наук, доцент Саратовского государственного социально-экономического университета **А.А. Шаповалов** сосредоточил свое внимание на вопросе ответственности власти, уделив особое внимание политическому аспекту.

По мнению выступающего, актуализирует проблему ответственности власти то обстоятельство, что большинство должностных лиц государственной и муниципальной власти не осознают и не желают осознавать своей социальной роли в обществе. Ответственность перед гражданами распределяется между тремя уровнями публичной власти весьма неравномерно: в частности, сегодня ответственность должностных лиц перед гражданами прописана только на уровне местного самоуправления, и лишь в некоторых случаях предусмотрена

на уровне субъектов Федерации. Докладчик считает для решения рассматриваемой проблемы необходимо, во-первых, создать нормативно-правовую базу, регулирующую политическую ответственность (в настоящее время она отсутствует) ; а во-вторых – разработать систему критериев оценки эффективности работы для всех уровней публичной власти.

Проблеме отдельных аспектов ответственности власти было посвящено выступление кандидата юридических наук, доцента Саратовского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета **А.Н. Зрячкина**. Ответственность власти, по его мнению, – одно из главных условий преодоления правового нигилизма.

Наибольшие вред и опасность приносит именно ведомственная разновидность правового отрицания. Способствует негативным установкам у представителей бюрократии все чаще широкий круг полномочий при ограниченных основаниях привлечения к ответственности. Между тем уважение к закону в среде чиновников, а также у обычных граждан могло бы значительно возрасти при неукоснительном пресечении правонарушений и злоупотреблений властными полномочиями. Для реального искоренения ведомственного правового нигилизма необходимо не только принять «хороший закон», но и апробировать механизмы его применения. В противном случае любая реформа способна привести не к созиданию, а к разрушению и деградации.

С точки зрения выступающего, целесообразно разные виды правовой ответственности к чиновникам – нарушителям прав и законных интересов населения. При этом особо значимыми должны стать конституционные формы ответственности в виде предупреждений и досрочного прекращения полномочий должностных лиц; за ними разумно использовать и иные меры в зависимости от тяжести совершенных деяний. Наряду с репрессивными мероприятиями по повышению ответственности власти помогла бы и обратная политика – поощрение тех управленцев, кто своей работой способствует упрочению авторитета закона, показывает пример надлежащего правового поведения, руководствуется в повседневной жизни как нормативными предписаниями, так и правилами нравственности. Именно такой подход позволит локализовать, а позже и преодолеть правовой нигилизм управленческого звена, повысив ответственность власти за каждый ее шаг.

Кандидат юридических наук, доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **И.В. Свечникова** представила подробный комментарий некоторых направлений совершенствования гражданского законодательства в свете предстоящих в нем изменений.

Во-первых, предлагается ввести запрет на действия в обход закона. Учитывая, что такое понятие ранее не было известно отечественному гражданскому законодательству, на практике, по мнению ученого, могут возникнуть затруднения, связанные со сферой применения этой правовой категории. Во-вторых, новации затронули гражданско-правовой статус юридического лица, являющегося публично-правовым образованием. В-третьих, предлагается ограничить право собственности на земельный участок его целевым назначением, а также предъявляемыми к собственнику экологическими и

природоохранными требованиями. В-четвертых, изменения коснулись охраны частной жизни гражданина: не выступают нарушением действующих правил сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни физического лица в публичных интересах. В-пятых, уточнены некоторые положения относительно недействительности сделок. В ряде случаев предлагается отказаться от публичных элементов регулирования в пользу частноправовых подходов, однако это не означает, что Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации ориентирована в целом на усиление частноправовой составляющей. Вместе с тем по целому ряду вопросов вводятся императивные нормы, ужесточающие правовое регулирование.

Таким образом, подход к регулированию частных и публичных элементов в гражданском праве меняется; частноправовой метод регулирования в гражданском законодательстве остается приоритетным, но это не исключает применения средств, свойственных публичному праву.

Продолжая гражданско-правовую тематику, старший преподаватель Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **Т.В. Величко** проанализировала правовую сущность понятия «действия в обход закона».

Предлагаемое изменение в п. 1 ст. 10 ГК РФ является закреплением де-юре того, что существует де-факто. По мнению Т.В. Величко, введение понятия «действия в обход закона» – это попытка законодателя урегулировать все неурегулированные неправомерные действия субъектов. Поправка носит исключительно юридико-технический характер и направлена на достижение большей открытости и определенности в вопросе о том, пресекается ли в Российской Федерации обход закона. В определениях ВАС, где использует термин «обход закона», речь идет о положениях, уже предусмотренных Гражданским кодексом РФ. Сама практика ВАС свидетельствует о том, что существующих в ГК механизмов вполне достаточно, чтобы пресечь попытки «обхода закона». Закон должен быть чертой, призванной отделять должное от недолжного при регулировании общественных отношений.

Подводя итоги дискуссии, **О.И. Цыбулевская** резюмировала, что новые условия жизни российского общества требуют нового подхода к пониманию ответственности власти, ее сущности, видам, принципам. Трансформирование требуется и методологии исследования правовых ограничений.

Как отметили многие выступающие, проблемы ответственности вообще и ответственности власти в частности обделены вниманием ученых-правоведов. Требуют разработки вопросы отраслевой юридической ответственности (в последнее время эта проблема практически не исследовалась теоретиками права за исключением процессуальной ответственности) . Слабоурегулированным и малоисследованным является такой важнейший вид юридической ответственности, как конституционная ответственность. Принятие Федерального закона «О конституционной ответственности» по-прежнему ждет своего часа. Фрагментарный характер носит исследование места юридической ответственности в системе государственного принуждения. В практической сфере следует обеспечить законодательное закрепление ответственности государства, исключить

существующие коллизии, перевести декларативную ответственность в реальную плоскость.

Институт публичной власти должен соответствовать реальным условиям рыночной экономики, нравственности, международной ситуации. В целях повышения эффективности его функционирования, оптимизации правового регулирования властеотношений необходимо, во-первых, законодательное закрепление правовых пределов ее деятельности, во-вторых, неукоснительное соблюдение властью уже существующих правовых ограничений.

O.A. Romanovskaya
Monograph Review:
Zorin V.Yu. Ethno-Politics
in Contemporary Russia.
Articles. Speeches. Interviews.
Saratov: Stolypin Volga Region
Institute, 2012. – 132 pp.

УДК 323.1 (470+571)
ББК 66.094(2Рос)

О.А. Романовская

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Зорин В.Ю. Этнополитика
в современной России:
статьи, выступления,
интервью. – Саратов:
Поволжский институт
им. П.А. Столыпина,
2012. – 132 с.**

Стремление к этноконфессиональному единству Российской Федерации требует открыто говорить о сложности и важности этнополитики в современной России. Научная рефлексия, несомненно, является необходимым условием для квалифицированной выработки сценариев и рекомендаций, имеющих целью уменьшение внутринациональных проблем (этнического и иных видов рисков) , которые неизбежны в результате изменений, наблюдаемых в этносфере современной России. От качества осмысления и гуманитарной концептуализации этничности, репрезентативности получаемых данных зависит очень многое в сфере государственной национальной политики.

Актуальность научно-практического рас-

смотрения проблем становления и развития этнополитики в таком многонациональном государстве, как Российская Федерация, сомнений не вызывает. Она продиктована насущной необходимостью обстоятельного анализа протекающих в современной России этносоциальных и этнополитических изменений как на уровне федерального центра, так и на региональном уровне.

Предлагаемый читателю сборник статей, выступлений и интервью Владимира Юрьевича Зорина имеет не много общего с академическими исследованиями, так как размещенные автором тексты создавались «в рабочем порядке», о чем и сказано в предисловии, написанном академиком РАН В.А. Тишковым. Авторские статьи объединены внутренней потребностью решить ряд задач, связанных с государственной национальной политикой в России на современном этапе.

В.Ю. Зорин справедливо отмечает, что теории и дискурсы, которые стремятся узаконить политику, исключаящую людей из «общества» на основе критериев этноконфессиональной несовместимости, создают явное настроение социокультурной атмосферы России начала XXI столетия (с. 6– 40) . Этноконфессиональная нетерпимость как общественный феномен вписывается в повседневные практики насилия, презрения, унижения, дискриминации. Всякий практический деятель – политик, администратор, управленец, общественник, ученый-полевик, эксперт-аналитик – постоянно сталкивается с этой «материей».

Существует два крайних полюса отношения к проблеме. Один – игнорировать реальную специфику России, другой – мифологизировать в духе идей об «уникальности» и апофатической непостижимости. Нам импонирует позиция автора, стремящегося связать нитями зависимостей, причин и следствий российские аргументы в диалоге культур против конфликта цивилизаций (с. 41– 60) .

Раздел «Выступления» (с. 61– 108) содержит богатый эмпирический материал, лишенный дескриптивной неадекватности, так как перед читателем – исследовательская мысль, движимая от явления к сущности. Мы разделяем авторское мнение о необходимости принятия закона, предусматривающего ужесточение наказания за пропаганду сепаратизма, призывы к сецессии и распаду государства. Однако, на наш взгляд, убежденность В.Ю. Зорина в методологической непогрешимости программной статьи экс-Председателя Правительства РФ Владимира Путина «Россия: национальный вопрос» (Независимая газета. 2012. 23 янв.) наводит на размышления об инерции причинного «мышления по аналогии».

Современное российское общество характеризуется отсутствием готовых нравственных рецептов, предоставляет человеку множество возможностей выбора, реализация которых вовлекает его в различные противоположные связи и отношения, усложненные режимы деятельности. Именно здесь и проявляется необходимость в глубокой научной рефлексии, направленной на выявление основных тенденций развития российских регионов с учетом сложившихся широких культурно-исторических и социально-политических контекстов. Текст выступления В.Ю. Зорина «Нужен закон против пропаганды сепара-

тизма» (с. 105) содержит вопрос «Разве допустимы в нашем федеративном государстве дискуссии на темы «Хватит кормить Кавказ», «Нужны ли нам Курилы» и прочая пропаганда сецессии?». Автор считает, что подобные дебаты – это уголовно наказуемые деяния, а не демократия. Полагаем, что убеждения автора способны породить еще более драматическую дискуссию, чем суть самих приведенных им лозунгов.

Завершает книгу раздел «Интервью» (с. 109– 131) , в котором В.Ю. Зорин размышляет об этноконфессиональной ситуации в стране, «добавляет» этнические штрихи в партийную палитру, в качестве эксперта высказывается о результатах переписи населения 2010 г.

Интересная часть и сильная сторона рецензируемой работы – это то, как автор оперирует генерализованными понятиями «полевых» исследований. Богатая эмпирика, собранная В.Ю. Зориным, убедительно доказывает, что только творческое состояние позволяет выйти на высокий уровень аналитических обобщений. Автор наглядно показывает: прежде чем что-либо реформировать в таком государстве, как Россия, в том числе и сферу межэтнических отношений, нужно точно представлять точку отсчета и знать не только формальные механизмы функционирования этничности, но и «подводные течения», то есть конкретику во всех ее значимых проявлениях.

Несомненно, автор сборника статей, выступлений и интервью хорошо видит проблемное поле государственной внешне «нейтральной» позиции безразличия к этнической идентичности. Официально эта позиция призвана гарантировать «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности и языка». Однако при управлении этносферой необходимо, как это ни сложно, в каждом конкретном случае учитывать баланс исторически преемственного и нового и при этом чувствовать пределы эластичности системы в целом.

В.Ю. Зориным небезосновательно отмечается, что гармонизация всех вариантов этнической темпоральности вполне возможна на адекватной социальной основе. Но только в том случае, если системообразующий этнос представлен высшей по отношению к другим этнической формой и находится на соответствующей стадии социального развития.

Практическая значимость авторской рефлексии, на наш взгляд, бесспорна. Тексты, составившие сборник «Этнополитика в современной России», могут быть востребованы и использованы субъектами политического процесса различного уровня. Они будут полезны в практической деятельности специалистов миграционных служб, лидерам национально-культурных автономий, политическим лидерам и консультантам для выработки эффективных стратегий и технологий в области государственной политики, в сфере межэтнических коммуникаций.

We Present the Applied
Computer Science
and Information Technology
in Administration Chair
of Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration

УДК 378:004
ББК 74.58+73

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
ПРИКЛАДНОЙ
ИНФОРМАТИКИ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ
В УПРАВЛЕНИИ**

*Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина –
филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ*

Кафедра прикладной информатики и информационных технологий в управлении образована в июне 2005 г. как выпускающая по специальности «Прикладная информатика (в управлении) ». Первым заведующим кафедрой была назначена доктор технических наук, профессор Т.И. Булдакова, с 2010 г. кафедрой заведует доктор физико-математических наук Д.В. Кондратов.

Преподаватели кафедры стремятся дать будущим специалистам в области информационных технологий современное высококачественное образование и воспитание. Целью является развитие у студентов информационной культуры, необходимой для обеспечения конкурентоспособности выпускников на рынке труда и успешной работы на государственной и муниципальной службе, а также в органах местного самоуправления и различных областях современного бизнеса.

Обучение студентов ведется по таким дисциплинам, как «Введение в специальность», «Информатика», «Информационные системы»,

---

«Информационная безопасность», «Информационные технологии», «Информационные технологии в юриспруденции», «Базы данных», «Программирование на языках VB», «Операционные системы, среды и оболочки», «Информационные технологии управления», «Интеллектуальные информационные системы», «Офисное программирование», «Вычислительные системы, сети и телекоммуникации», «Вычислительная техника и программирование», «Разработка и стандартизация программных средств и информационных технологий», «Информационные технологии в профессиональной деятельности», «Информационный менеджмент», «Информационное обеспечение управленческой деятельности», «Технические средства управления», «Информационное обеспечение управления», «Компьютерное моделирование», «Информатика в правоведении», «Высокоуровневые методы информатики и программирования», «Информационные технологии в профессиональной деятельности», «Теория систем и системный анализ», «Информационные системы в экономике», «Информационная безопасность», «Защита информации», «Проектирование информационных систем», «Информационные технологии в управлении финансами», «Мировые информационные ресурсы», «Информационные технологии в работе с молодежью», «Информатика и программирование», «Математические методы и компьютерные технологии в науке и образовании», «Информационные технологии в муниципальных образованиях», «Информационные технологии в налогообложении», «Лингвистическое обеспечение информационных систем», «Прикладные методы оптимизации».

Ключевым направлением кафедральной работы является профессиональное обучение студентов направления подготовки (бакалавриата) «Прикладная информатика». Оно включает в себя нарабатывание компетенций не только в области проектирования, внедрения и сопровождения информационных систем и применения информационных технологий, но и в области менеджмента, маркетинга, управления персоналом и экономики. Наши студенты получают знания в сфере компьютерного и математического моделирования и приобретают практические навыки по проектированию и эксплуатации информационных систем. В соответствии с полученной квалификацией выпускники кафедры могут работать как в системе государственного и муниципального управления, так и в IT-бизнесе, в области маркетинга и рекламы, а также в отделах информационных технологий предприятий различных форм собственности.

Еще одним направлением педагогической работы кафедры является преподавание разветвленного курса информатики, изучаемого студентами всех факультетов института. Курс знакомит слушателей с самыми современными информационными технологиями, а также с инструментами ведения бизнеса, основами осуществления анализа политической, экономической и правовой деятельности. В компьютерных классах студентов обучают работать с новейшим и наиболее популярным программным обеспечением. На базе кафедры неоднократно проводились курсы повышения квалификации для уже работающих управленцев. Профессиональный уровень преподавателей кафедры позволяет учитывать специфику подготавливаемых, применять педагогические приемы, обеспечивающие наибольший эффект в обучении непрофильных студентов и слушателей.

На кафедре открыта магистратура по направлению «Информационный ме-

---

неджмент». Ведется подготовка высококвалифицированных специалистов, обладающих хорошим уровнем знаний в области информационных технологий, управления и экономики. Это позволяет не только заниматься техническими работами в сфере информационных технологий, но и руководить различными проектами и ИТ-политикой организации. Так, выпускник И.Н. Соловьев является президентом клуба ИТ-директоров Саратовской области.

Основными направлениями научно-практических исследований кафедры являются технологии электронного правительства, система межведомственного электронного взаимодействия, информационные технологии в образовании, информационная безопасность.

Развитие технологий электронного правительства занимает особое место в тематике работы кафедры. При активном взаимодействии с кафедрой Документоведения и документационного обеспечения управления в короткие сроки удалось внедрить в учебный процесс систему электронного документооборота «Дело», что позволило студентам различных специальностей изучать реальную информационную систему, используемую на практике.

Основным принципом преподавания дисциплин на кафедре является их практическая направленность, что проявляется в освоении и постоянном совершенствовании методологии и технологии проектирования различных информационных систем, информационно-телекоммуникационной структуры.

В настоящее время существует острая потребность в специалистах, которые не только обладают знаниями и навыками в информационных технологиях, но и в значительной степени обладают знаниями предметной области. Хорошие знания предметной области позволяют студентам выпускного курса произвести анализ информационно-коммуникационной структуры организации, выявить недостатки и предложить способы их устранения. Все дипломные проекты выпускников имеют прикладную направленность и выполнены для конкретных организаций.

Весьма существенным направлением работы кафедры является развитие на постоянной основе связей с выпускниками, партнерами по научной и педагогической деятельности и представителями бизнеса.

Высокая востребованность на рынке труда выпускников профильной специальности является свидетельством высокого качества образования, получаемого на кафедре прикладной информатики и информационных технологий в управлении Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Профессорско-преподавательский состав кафедры является коллективом высококвалифицированных специалистов, что позволяет на высоком уровне обеспечивать преподавание дисциплин, осуществлять научно-исследовательскую деятельность, воспитывать студентов в лучших традициях российского и мирового образования.

*Д.В. Кондратов, доктор физико-математических наук,
профессор, заведующий кафедрой
прикладной информатики и информационных технологий в управлении*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российской государственности и права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: abakumovoy@mail.ru

Аникин Леонид Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникаций и управления Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: AnikinIs@mail.ru

Богомолов Михаил Валерьевич – аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: m-bogomolov@list.ru

Бутаев Максим Витальевич – аспирант кафедры этики и эстетики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: Mabutaev@yandex.ru

Владиминова София Николаевна – аспирант кафедры истории Северо-Кавказского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Ставропольский край, г. Пятигорск)
e-mail Sofiya-Nikolaevna@yandex.ru

Горнаева Татьяна Васильевна – начальник управления опеки и попечительства администрации Балаковского муниципального района Саратовской области (г. Балаково)
e-mail: tatianagornaeva1972@gmail.com

Елисеева Елена Александровна – старший преподаватель кафедры немецкого языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: elena.bright-eliseeva@yandex.ru

Иванов Александр Сергеевич – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (г. Уфа)
e-mail: fijnnoord@yandex.ru

Иващенко Галина Михайловна – кандидат социологических наук, докторант кафедры менеджмента и маркетинга Уфимского государственного авиационного технического университета
e-mail: ivglm@rambler.ru

Исмаилова Гулноза Сайдиганиходжаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых основ управления Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан (г. Ташкент)

e-mail: g_ismailova@dba.uz

Кондратов Дмитрий Вячеславович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной информатики и информационных технологий в управлении

e-mail: KondratovDV@yandex.ru

Константинова Лариса Владимировна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС

e-mail: pruch@pags.ru

Левченко Ольга Владимировна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики и информатизации правовой деятельности Оренбургского государственного университета

e-mail: levchenko195@mail.ru

Ломовцева Наталья Николаевна – почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета

e-mail: epr_nn@mail.ru

Мамаева Людмила Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: t-nasty-engels@mail.ru

Махиянова Алина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Казанского государственного энергетического университета

e-mail: socavm@rambler.ru

Митин Александр Александрович – аспирант кафедры политических наук Кемеровского государственного университета

e-mail: james_cold@mail.ru

Михайлов Алексей Петрович – аспирант кафедры культурологии и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: mixa8787@mail.ru

Мищенко Елена Валерьевна – кандидат юридических наук, декан юридического факультета Оренбургского государственного университета

e-mail: jurfac@mail.osu.ru

Начкебия Майя Севериановна – ассистент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

e-mail: nachkebiya@bsu.edu.ru

Носов Александр Георгиевич – преподаватель кафедры физической культуры Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: toalexander@mail.ru

Переходов Виталий Александрович – аспирант кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: vitalyperehodov@mail.ru

Ремонтова Анна Александровна – аспирант кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности, ассистент кафедры английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: remontova87@mail.ru

Романовская Ольга Алексеевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета
e-mail: oromanovska@yandex.ru

Сайфуллаев Дурбек Бахтиёрович – соискатель Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан)
e-mail: azik32@rambler.ru

Сергеев Сергей Геннадьевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: vestnik@pags.ru

Соломатина Светлана Михайловна – заместитель директора Государственного архива новейшей истории Саратовской области
e-mail: sova2010@list.ru

Соснин Дмитрий Петрович – директор областного государственного казенного учреждения «Аналитика», соискатель кафедры связей с общественностью Ульяновского государственного университета
e-mail: ulps@mail.ru

Стриганкова Елена Юрьевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: English@pags.ru

Таратун Олег Викторович – адъютант Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: taratun81@mail.ru

Тарский Юрий Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: London1946@bk.ru

Уфаева Виктория Сергеевна – аспирант кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: victoria-ufaeva@yandex.ru

Хаутиев Шарпудин Маулиевич – ассистент кафедры связей с общественностью Ульяновского государственного университета
e-mail: sharp1974@yandex.ru

Цыбулевская Ольга Ивановна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина
e-mail: olga77.54@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg Yurievich Abakumov – Candidate of Science (History) , docent of the History of Russian Statehood and Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: abakumovoy@mail.ru

Leonid Sergeevich Anikin – Doctor of Sciences (Sociology) , Professor of the Sociology of Communications and Administration Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: AnikinIs@mail.ru

Mikhail Valerievich Bogomolov – post-graduate student of the Civil Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: m-bogomolov@list.ru

Maxim Vitalievich Butaev – post-graduate student of the Ethics and Aesthetics Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: Mabutaev@yandex.ru

Sofia Nikolaevna Vladimirova – post-graduate student of the History Chair, North-Caucasian Institute – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Stavropol Krai, Pyatigorsk)
e-mail Sofiya-Nikolaevna@yandex.ru

Tatiana Vasilievna Gornaeva – Head of the Department of Guardianship of the Balakovo Municipal District of the Saratov Region (Balakovo)
e-mail: tatianagornaeva1972@gmail.com

Elena Alexandrovna Yeliseeva – senior lecturer of the of the German Language and Methods of Teaching Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: elena.bright-eliseeva@yandex.ru

Alexander Sergeevich Ivanov – Candidate of Sciences (Politics) , leading researcher of the Bashkir Academy of Public Service and Administration under the President of the Republic of Bashkortostan (Ufa)
e-mail: fijnnoord@yandex.ru

Galina Mikhailovna Ivashchenko – Candidate of Science (Sociology) , Doctoral Candidate of the Management and Marketing Chair, the Ufa State Aviation Technical University
e-mail: ivglm@rambler.ru

Gulnoza Saydiganikhojaevna Ismailova – Candidate of Sciences (Law) , docent of the Legal Bases of Management Chair, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan (the Republic of Uzbekistan, Tashkent)
e-mail: g_ismailova@dba.uz

190   2012 ●   ВЕСТНИК ПАГС

Dmitry Vyacheslavovich Kondratov – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Applied Computer Science and Information Technology in Administration Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: KondratovDV@yandex.ru

Larisa Vladimirovna Konstantinova – Doctor of Science (Sociology) , Deputy Director of Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: pruch@pags.ru

Olga Vladimirovna Levchenko – Doctor of Science (Law) , Head of the Criminalistics and Informatization of Legal Activity Chair, Orenburg State University

e-mail: levchenko195@mail.ru

Natalya Nikolaevna Lomovtseva – Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, docent of the Economic Analysis and Public Administration Chair, Ulyanovsk State University

e-mail: epr_nn@mail.ru

Lyudmila Nikolaevna Mamaeva – Candidate of Science (Economics) , docent of the Economics Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: t-nastyia-engels@mail.ru

Alina Vladimirovna Makhyanova – Candidate of Sciences (Sociology) , docent of the Sociology Chair, Kazan State Power Engineering University

e-mail: socavm@rambler.ru

Alexander Alexandrovich Mitin – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Kemerovo State University

e-mail: james_cold@mail.ru

Aleksey Petrovich Mikhailov – post-graduate student of the Culture Studies and Social Communications Chair, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: mixa8787@mail.ru

Elena Valerievna Mishchenko – Candidate of Science (Law) , Dean of the Law Department, Orenburg State University

e-mail: jurfac@mail.osu.ru

Maya Severianovna Nachkebia – assistant lecturer of the Social Technologies Chair, Belgorod State National Research University

e-mail: nachkebiya@bsu.edu.ru

Alexander Georgievich Nosov – lecturer of the Physical Culture Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: tooalexander@mail.ru

Vitaly Alexandrovich Perekhodov – post-graduate student of the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: vitaly.perekhodov@mail.ru

Anna Alexandrovna Remontova – post-graduate student of the Psychology and Pedagogies of Professional Activity Chair, assistant lecturer of the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: remontova87@mail.ru

Olga Alekseevna Romanovskaya – Doctor of Sociology, Professor of the Sociology and Political Studies Chair, Ulyanovsk State University

e-mail: oromanovska@yandex.ru

Durbek Bakhtiorovich Saifullaev – competitor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, the Republic of Uzbekistan)

e-mail: azik32@rambler.ru

Sergey Gennadievich Sergeev – Candidate of Sciences (Politics) , Docent, Docent of the Constitutional and International Law Chair of Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: vestnik@pags.ru

Svetlana Mikhailovna Solomatina – Deputy Director of the State Archive of the Contemporary History of the Saratov Region

e-mail: sova2010@list.ru

Dmitry Petrovich Sosnin – director of the Regional State Fiscal Institution "Analitika", competitor of the Public Relations Chair, Ulyanovsk State University

e-mail: ulps@mail.ru

Elena Yurievna Strigankova – Candidate of Sciences (Philosophy) , Head of the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: English@pags.ru

Oleg Viktorovich Taratun – competitor of the Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia

e-mail: taratun81@mail.ru

Yury Ivanovich Tarsky – Doctor of Sciences (Sociology) , Professor of the Sociology of Communications, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: London1946@bk.ru

Victoria Sergeevna Ufaeva – post-graduate student of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: victoria-ufaeva@yandex.ru

Sharpudin Maulievich Khautiev – assistant lecturer of the Public Relations Chair, Ulyanovsk State University

e-mail: sharp1974@yandex.ru

Olga Ivanovna Tsybulevskaya – Doctor of Sciences (Law) , Professor, Head of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration

e-mail: olga77.54@mail.ru

192   2012 ● ВЕСТНИК ПАГС

СОДЕРЖАНИЕ

Подготовка управленческих и партийных кадров в Саратове: от Комвуза до Президентской академии	4
Константинова Л.В. Политический вуз: особый статус в условиях общественных трансформаций	6
ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 14	
Иващенко Г.М. О конфликтах интересов в современной социально-управленческой ситуации	14
Переходов В.А. Зарубежные модели взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления: сравнительный анализ	22
Соснин Д.П. Изменение порядка замещения должности главы местной администрации как фактор процесса трансформации городской элиты	28
Начкебия М.С. Формирование управленческой культуры муниципальных служащих	32
Исмаилова Г.С. Опыт узбекского самоуправления для Российской Федерации	37
Сайфуллаев Д.Б. Афганский вопрос и обеспечение безопасности в Центральной Азии	41
РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ 44	
Сергеев С.Г. Зарубежный исторический опыт внеконституционных политических институтов в проекции на современную Россию	44
Хаутиев Ш.М. Эволюция регионального политического режима: характеристики кризисного развития (на примере Ульяновской области, 2000– 2004)	55

Таратун О.В.	Механизмы прогнозирования социальных и политических конфликтов в Саратовском регионе	59
Иванов А.С.	Освещение основных политических событий в Республике Башкортостан новостными лентами федеральных информационных агентств (2008– 2011)	64
Михайлов А.П.	Информация как атрибут социально-коммуникативного управления	73
Митин А.А.	Левые радикальные молодежные организации в современной российской политике: формы деятельности и идейные основы	78

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

83

Богомолов М.В.	Проблемы определения размера подлежащих компенсации сумм судебных расходов на услуги представителя в арбитражном процессе	83
Левченко О.В., Мищенко Е.В.	Проблемы правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера	88
Горнаева Т.В.	Временная передача совершеннолетних недееспособных граждан из стационарных учреждений социального обслуживания в семьи их родственников	95

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

99

Махиянова А.В.	Интернациональный кризис в процессе социализации: причины и механизмы управления	99
Ремонтова А.А.	Гендерный фактор профессионального становления студентов	106
Елисеева Е.А.	Роль социального партнерства в процессе профессиональной подготовки студентов педагогических специальностей	112
Носов А.Г.	Модель педагогического сопровождения становления здорового образа жизни у обучающихся	116

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

122

Ломовцева Н.Н.	Реформирование системы оплаты труда в бюджетной сфере России в период перехода к рыночной экономике (1992– 2011)	122
-----------------------	---	-----

Мамаева Л.Н.
Сетевые ритейлеры как перспективный институт потребительского рынка 130

Владимирова С.Н.
Развитие курортов Кавказских Минеральных Вод
в конце XIX – начале XX века: управленческий аспект 135

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

140

Аникин Л.С., Тарский Ю.И.
Политика модернизации
и информационное общество: социокультурный аспект 140

Стриганкова Е.Ю.
Феномен общения
в коммуникативной ситуации информационного социума 147

Уфаева В.С.
Коммуникативный анализ современного политического пространства:
подходы, тенденции, уровни 153

Бутаев М.В.
Методологические возможности применения гендерного подхода
к философскому анализу проблемы отцовства 158

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

163

Абакумов О.Ю., Соломатина С.М.
К 90-летию института: руководители учебных заведений системы подготовки
партийных и управленческих кадров в Саратове 163

Цыбулевская О.И.
Межвузовский «круглый стол»
«Публичная власть: проблемы ответственности и ограничений»
(г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, 18 апреля 2012 г.) 172

Романовская О.А.
Рецензия на книгу:
Зорин В.Ю. Этнополитика в современной России:
статьи, выступления, интервью. – Саратов: Поволжский институт
им. П.А. Столыпина, 2012. – 132 с. 180

**Представляем кафедру прикладной информатики
и информационных технологий в управлении
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ** 183

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

186

CONTENTS

Management and Party Cadres Training in Saratov: from Communist University to Presidential Academy	4
<i>Konstantinova L.V.</i> The Political Higher Educational Institution: the Special Status in Conditions of Public Transformations	6

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

14

<i>Ivashchenko G.M.</i> On the Interests Conflicts in the Contemporary Social-Managerial Situation	14
<i>Perekhodov V.A.</i> Foreign Models of State and Local Authorities Interaction: Comparative Analysis	22
<i>Sosnin D.P.</i> Changing the Order of Succession of the Head of the Local Administration as a Factor in the Transformation of Urban Elite	28
<i>Nachkebia M.S.</i> Forming a Management Culture of Municipal Employees	32
<i>Ismailova G.S.</i> The Experience of the Uzbek Self-Government for the Russian Federation	37
<i>Saifullaev D.B.</i> Afghan Issue and Ensuring Security in Central Asia	41

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

44

<i>Sergeev S.G.</i> Foreign Historical Experience of Extraconstitutional Political Institutions Projected onto Modern Russia	44
<i>Khautiev Sh.M.</i> Evolution of Regional Political Regime: Characteristics of Crisis Development (by the Example of Ulyanovsk Region in 2000- 2004)	55
<i>Taratun O.V.</i> Mechanisms of Forecasting Social and Political Conflicts in the Saratov Region	59
<i>Ivanov A.S.</i> Coverage of Major Political Events in the Republic of Bashkortostan in the News Feeds of Federal Information Agencies (2008- 2011)	64

<i>Mikhailov A.P.</i>	
Information as an Attribute of Social and Communicative Government	73

<i>Mitin A.A.</i>	
Left Radical Youth Organizations in the Modern Russian Politics: Forms of Activity and Ideological Bases	78

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

83

<i>Bogomolov M.V.</i>	
Problems of Defining the Amount of Compensable Legal Expenses for Proxy Services in Arbitration Proceedings in the Russian Federation	83

<i>Levchenko O.V., Mishchenko E.V.</i>	
Problems of the Legal Status of a Person under Investigation on the Application of Compulsory Medical Treatment	88

<i>Gornaeva T.V.</i>	
Temporary Transfer of Adult Disabled People from Inpatient Social Services to the Families of Their Relatives	95

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

99

<i>Makhiyanova A.V.</i>	
Internalization Crisis in the Socialization Process: Causes and Mechanisms of Control	99

<i>Remontova A.A.</i>	
Gender Factor of the Professional Formation of Students	106

<i>Yeliseeva E.A.</i>	
The Role of Social Partnership in the Training of Students of Pedagogical Specialties	112

<i>Nosov A.G.</i>	
The Model of Pedagogical Accompaniment to Form Students' Healthy Way of Life	116

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

122

<i>Lomovtseva N.N.</i>	
Reforming the Remuneration System in the Public Sector in Russia during the Transition to a Market Economy (1992– 2011)	122

<i>Mamaeva L.N.</i>	
Network Retailers as a Promising Institution of the Consumer Market	130

<i>Vladimirova S.N.</i>	
Developing the Caucasus Mineral Waters Resorts in the end of XIX – beginning of XX Centuries: Managerial Dimension	135

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

140

<i>Anikin L.S., Tarsky Yu.I.</i>	
Modernization Policy and Information Society: Socio-Cultural Dimension	140

<i>Strigankova E. Yu.</i>	
The Phenomenon of Communicative Relations in the Communicative Situation of the Information Society	147
<i>Ufaeva V. S.</i>	
Communicative Analysis of Modern Political Space: Approaches, Tendencies, and Levels	153
<i>Butaev M. V.</i>	
Methodological Opportunities to Apply the Gender Approach to the Philosophical Analysis of the Paternity Issue	158

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE
163

<i>Abakumov O. Yu., Solomatina S. M.</i>	
To the 90th Anniversary of the Institute: Heads of Educational Institutions for Party and Managerial Staff Training in Saratov	163
<i>Tsybulevskaya O. I.</i>	
Interuniversity "Round Table" "Public Authorities: Issues of Liability and Limitations" (Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, April 18, 2012)	172
<i>Romanovskaya O. A.</i>	
Monograph Review: <i>Zorin V. Yu.</i> Ethno-Politics in Contemporary Russia. Articles. Speeches. Interviews. Saratov: Stolypin Volga Region Institute, 2012. – 132 pp.	180
<i>We Present the Applied Computer Science and Information Technology in Administration Chair of Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration .....</i>	183

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
190

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 3 (32)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова, Л.Н. Головченко, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2012 г., п. № 781

Подписано к печати 14.09.2012 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 16,12. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 500. Заказ 420.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»
Сергеев Сергей Геннадьевич
(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>